

Андрей Мартьянов

Звезда Запада

«Лениздат»

1996

Мартьянов А.

Звезда Запада / А. Мартьянов — «Лениздат», 1996

Великие сражения и могущественная магия древних богов Скандинавии, герои и чудовища, путешествия между мирами – со всем этим встретятся викинги из Вадхейм-фьорда и любознательный итальянский монах, взявшие на себя опаснейшую миссию: проникнуть в нечеловеческую Вселенную и уничтожить ее повелителя, Черного Дракона Нидхегга!

© Мартьянов А., 1996

© Лениздат, 1996

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	41
Глава 5	54
Глава 6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Андрей Мартьянов

Звезда Запада

Часть первая

Боги Мидгарда

*Уходит корабль погребальным костром
От берегов.
Рефрен повторяя, волна за бортом
Поет – вечный скальд —
О грозной судьбе, что не минет
Ни нас, ни богов.
О мерном прибое, где сгинет
Гранит этих скал.
На запад ветрило спешит вслед за днём,
Будто душа.
И падают искры горячим дождём
На чёрную зыбь.
А пламя пожара не сменит
Скользкий свой шаг
По водам, глубоким, как время.
И память не смьть.
И стрелы, горящие стрелы вдогон
Наших долгов.
И мир уплывает в грядущий огонь
К концу тающих лет.
Поют его крепкие вёсла
В руках у богов,
И, что бы там ни было после,
В волнах наш след¹.*

Глава 1

Отец Целестин

В том, что в Вадхейм пришёл новый, 851 год по Рождеству Христову, во всём поселении знали только трое.

Один из этих троих – отец Целестин (или, как его называли норманны, коверкая красивое латинское имя на свой варварский лад, Селесинн) пьянствовал в одиночестве, развалившись в застеленном мехами резном кресле. Само кресло было отобрано года четыре назад дружиной Торира у франков вкупе со множеством иных ценностей, оказавшихся на франкском судне. Как этот корабль занесло к берегам Норвегии – осталось тайной для отца Целестина, ибо после знакомства с мечами Торировых удальцов ни единый из пяти десятков франков уже не мог ничего рассказать... Не защитило их и знамя империи Карла Великого. Каролингов страшилась вся Европа – даны, германцы, западные словины, но только не светловолосые варвары-норманны, коим, казалось, всё нипочём.

---

¹ Стихи А. Семёнова.

Ещё десять лет назад, будучи в Константинополе, отец Целестин удостоился внимания придворного летописца самого басилевса и, получив доступ к огромной дворцовой библиотеке, нашёл там список с хроник сирийца Захарии Ритора. По большей части в свитке излагались байки византийских купцов или путешественников, что описывали Захарии «заморские чудеса», но пергамент содержал и правдивые сведения о северных народах, в том числе о норманнах, наводивших ужас на весь цивилизованный мир. Монах с упоением читал захватывающие дух описания отчаянных налётов на Данию, Франкию, остров саксов... Да что там какие-то саксы! Норманны отваживались бросать вызов флоту халифата и даже Империи Византийской! Ну а после того, как на глаза попался захваченный константинопольскими пиратами (*ах, простите, воинами императора...*) свиток, повествующий о набеге викингов на Кордовский халифат в Иберии да разграблении Севильи («...в город вошли язычники ал-маджус, называемые ал-рус, и пленяли, и грабили, и жгли, и умертвляли...»), отец Целестин проникся к норманнам невольным уважением. Это тебе не ожиревшие от безнаказанности тунисские разбойники, способные разве что мирные торговые корабли грабить, да и то используя преимущество числом премногое.

Не думал, не гадал тогда обычный проповедник из Рима, что вся оставшаяся его жизнь будет связана с этими... этими... ну да, конечно, варварами, язычниками, наказанием Божиим Европе, по которым сатана в аду плачет.

Отец Целестин, покряхтев, приподнялся, подвинул кресло поближе к огню, вытянул ноги и, расправив роскошное песцовое покрывало, коему позавидовал бы сам святейший Папа Римский, налил себе ещё вина и снова плюхнулся на сиденье. Дерево протестующе заскрипело, ибо не всякая лавка, стул или кресло могли выдержать внушительных объёмов тела святого отца. Монах хихикнул и отхлебнул терпкого мускатного напитка. Конунг Торир как-то заметил, что во всём Вадхейме (Иисусе! – «Во всём Вадхейме!») – он почитает эту деревню за центр Вселенной; эх, не бывал Торир в Риме...), так вот, во всём Вадхейме не сыскать мужчины, имеющего хоть половину толщины отца Целестина. Так пусть же он один толстеет за всех дружинников Вадхейма вместе взятых! А потом ещё добавил, что ежели случится нужда потопить вражеский корабль – данов там каких-нибудь или саксов, – то самый верный к тому путь – сбросить им на палубу отца Целестина. Вмиг потонут. Разговор был в доме конунга, и все сидевшие за столом расхохотались. Монах же бровью не повёл, только взял с золочёного (итальянской, между прочим, работы) блюда кусок жирной оленины да челюстями заработал. Пускай себе смеются! Что бы вы без меня делали, олухи? А дородность суть свидетельство здоровья.

«Да, вот что бы они без меня делали?» – Отец Целестин поднял глаза к бревенчатому потолку, словно испрашивая у Господа милости простить его верному рабу грех гордыни. Как-никак, Торир обязан мирному монаху жизнью. И отец Целестин, вздохнув, снова вспомнил малоприятные события, положившие начало его скандинавской одиссее. Случилась эта неприятность десять лет назад, и тогда монах был уверен, что Господь жестоко покарал его за бесчисленные грехи, из коих главнейшим было чревоугодие.

Надобно заметить, что биография отца Целестина была весьма и весьма примечательна. Родился он на исходе восьмого века в Италии. Кто были отец его и мать, так и осталось неизвестным, ибо ком грязного тряпья, в которое был закутан орущий благим матом новорожденный, был оставлен на пороге монастыря св. Элеутерия, что к северу от Рима, по старой дороге к озеру Браччано. Благодарение Деве Марии, отец Либерий, настоятель сей святой обители, приютил покинутое дитя и даже сам выкормил козьим молоком. А в монастырской хронике появилась запись: «В лето 799 по рождению Спасителя подброшенный младенец крещён во имя Отца и Сына и Святого Духа и наречён именем Целестин. С благословения отца настоятеля оный Целестин принят монастырской братией на воспитание».

Впрочем, наречённое одним из имен святых Пап дитя пока и знать не желало ни о каком воспитании по причине слишком уж юного возраста и только нарушало благочестивую тишину

обитатели требовательными воплями, когда из-за какой-то там ерундовой мессы или обедни его не могли вовремя покормить.

Шли годы, ребёнок вырос. Когда молодой воспитанник начал хоть немного соображать, отец настоятель стал претворять в жизнь свой план обучения, и, следует сказать, ученик более чем оправдал чаяния своих наставников. В те времена в Европе ещё чтители традиции чудесного византийского искусства, и вот молодой клирик уже может писать лики святых, вырезать по дереву, слагать канцоны и псалмы на греческом и латинском. Монахи научили его языкам почти всех известных народов, а отец Павел, преискуснейший в науке исцеления, разъяснил Целестину действие многих и многих трав, возвращающих жизнь и здоровье в немощное тело. Словом, к семнадцати годам сей клирик-бенедиктинец стал человеком очень и очень образованным. Строгое религиозное воспитание и полная оторванность от окружающего мира тоже сделали своё дело. Когда аббат Либерий предложил выбор – уйти в мир либо принять постриг, Целестин, не медля, согласился на последнее. Страшный и незнакомый, наполненный войнами, убийствами и грехами мир за стенами монастыря пугал его. Юный послушник постригся в монахи в лето 817-е от Рождества Христова. Последующие шесть лет он продолжал постигать тайны искусства и целительства, а одно из вырезанных им из сосны распятий украсило даже покои святейшего Папы в Ватикане, что, впрочем, и послужило отчасти началом неисчислимых бедствий, свалившихся на молодого монаха в дальнейшем.

Случилось же вот что. Миссионерский набор, проводившийся по монастырям, коснулся и обители св. Элеутерия. Отец настоятель взял да и отрекомендовал папскому легату брата Целестина как смиреннейшего и благочестивейшего из братьев, и этот самый легат (вспомнив заодно и красивое распятие во дворце Папы да имя резчика) забрал молодого монаха из обители в Рим. Оттуда отец Целестин и ещё с десятков святых отцов отправились обращать в христианство язычников и бороться с несторианскими ересями в восточные страны. Сидя возле борта идущей на юг по Средиземному морю галеры и пытаясь успокоить разбушевавшийся не хуже шторма на море желудок, монах и не предполагал, что в его жизни наступила эпоха беспрерывных странствий. Отец Целестин, без сомнения, знал, что это путешествие может закончиться тем, что черномазый язычник вспорет ему живот (тогда ещё не столь солидный), однако же надежда вновь увидеть стены родной обители помогала преодолеть мрачные мысли, – «*In manus tuo, Domini!*»²

Для того чтобы описать все приключения отца Целестина в период с 824 по 842 год, потребовалось бы несколько томов, но не об этом сейчас речь. Достаточно сказать, что за восемнадцать лет он успел побывать во всех странах Средиземноморья, в Византии, Скифии, Багдаде, Индии и Аравии. Возвращаясь из Персии, он пережил немало неприятных минут, удирая, задрвав рясу, от страшных чернокожих троглодитов. Но, видимо, ангелы-хранители никогда не оставляли монаха, и он за полгода благополучно (в одиночку!) добрался до Нила, а оттуда вниз по реке до Александрии. Долгое и тягостное путешествие, правда, способствовало потере веса, ибо питаться приходилось такими тварями, на которых и смотреть-то страшно, не то что есть.

Как бы то ни было, отец Целестин из Александрии смог морем попасть в Константинополь, где быстро наверстал упущенное, разжившись некоторой суммой денег у императорского хрониста, красочно (не без художественных преувеличений – так ведь красивее!) описав тому свои удивительные приключения, добавив к ним немало из разных историй и рассказней, слышанных по пути. Размеры вознаграждения за сей «труд» были таковы, что монах смог позволить себе не только сызнова приобрести округлые формы, но и постричь волосы, сбрить бороду и выстричь на макушке тонзуру, к наличию которой отец Целестин относился весьма ревностно. Ну и, само собой, он купил себе новую белоснежную рясу, наконец-то сбросив те

² В руки твои, Господи! (лат.)

позорящие монашеский чин лохмотья, что облегали его тело доныне, внушая прочим мысли о том, что этот тип, пожалуй, смахивает на беглого раба.

За минувшие годы его рука не только не отвыкла держать перо, кисть и долото, но освоила ещё один полезный инструмент – меч, ибо отец Целестин был твёрдо убеждён в том, что многие известные святые поступили несколько опрометчиво, позволив язычникам расправиться с собой, не оказав никакого сопротивления. Ну да, конечно, язычников можно простить, «ибо не ведают они, что творят», но иногда следует поставить зарвавшегося варвара на место и с помощью добротной стали.

Раз вечером в одном из трактиров на окраине Константинополя монах, изряднейше выкушав доброго белого вина, привезённого с Кипра, пришёл в блаженное состояние и, насколько сие было возможно, трезво рассудил, что хватит мотаться по белу свету. На счету тысячи лиг, пройденных пешком или на кораблях, десятки обращённых в Истинную Веру дикарей, куча приключений, сделавших бы честь даже знаменитому Одиссею, о котором отец Целестин много читал ещё в юности, в монастыре св. Элеутерия.

Ах, родное аббатство! Где-то сейчас твои белые стены и чудесные кипарисы, дающие тень в жаркий полдень? У отца Целестина слёзы навернулись на глаза. Где прохладная, уютная келья? Где, в конце концов, огромные подвалы с созревающим сладким вином? Монах саданул мощным кулаком по столу, да так, что обернулись сидевшие по соседству византийские купцы, чьи пальцы были унижены бриллиантовыми кольцами. «Где, где! – пронеслась мысль. – Конечно, всё это в Италии! И надо возвращаться туда. Там мой дом, там меня наверняка ещё не забыли. Семнадцать лет для тихой жизни обители не такой уж большой срок. Может, и отец Либерий ещё жив...»

Сказано – сделано.

Проспавшись на широкой лавке в том же кабаке, отец Целестин с первыми лучами солнца кинулся в порт со всей возможной для своего мощного телосложения поспешностью. Довольно он пожил в дивном граде Константина, зарабатывая на жизнь рассказами о приключениях в богатых домах и перепиской старинных манускриптов! Всё, что ему нужно, – с собой, в мешке: запасная ряса, кусок хлеба и вяленого мяса да объёмистая фляга с вином. Да, ещё сохранённый за все эти годы серебряный крест на груди, мешочек с целебными травами и кинжал за пазухой. Что ещё нужно человеку? Только покойный чертог, ожидающий отца Целестина в родной Италии.

Власть поторговавшись с капитаном сицилийской галеры и призвав на голову этого самого скупердяя капитана всех демонов ада с самим дьяволом во главе, отец Целестин обеспечил себе место и пропитание (свои запасы надо беречь!) до самой Италии, заплатив втрое меньше против расчётов капитана. К полудню они были далеко в море, а давно привыкший к таким путешествиям монах лежал в тенёчке под парусом и бурчал себе под нос что-то о том, что в нынешние времена очень уж вздорожали сии путешествия по сравнению с тем, что было лет десять назад, а также о том, что среди смертных грехов у капитанов судов самыми страшными являются жадность и скупость. Впрочем, отобедав, отец Целестин уже был готов отпустить эти грехи всем и каждому, не исключая самого себя.

А на следующее утро на мирное купеческое судно свалилась беда. Какой бес притащил в воды Эгейского моря проклятых викингов, доподлинно выявить не удалось, но совершенно точно, что сей бес был одним из самых злющих во всей свите Люцифера. Змееподобный дракар норманнов появился из туманной дымки на траверзе острова Лемнос, и на галере поднялась паника. Воинов на купеческом корабле было негусто, и отбить банду северных пиратов не представлялось возможным. Абордаж прошёл стремительно, мечи звенели всего несколько минут, почти все мужчины были перебиты, а отец Целестин, забившийся в самый тёмный угол трюма, возносил молитвы всему сонму святых, прося их об одном: пусть меня не найдут! Но,

похоже, святые заступники были заняты в этот момент другими неотложными делами, и ни один из них не снизошёл до смиренной просьбы простого монаха.

Свет загородила чья-то мощная фигура, шаги были уже совсем близко, и вот в маленький закуток, где сидел перепуганный насмерть отец Целестин, сунулась бородатая харя.

– Здравствуйте... – пискнул монах, пытаясь быть вежливым.

– Вём ер ди?³ – прогудел густой бас.

– Я святой монах, никому не желающий зла, – лепетал бедолага, прекрасно понимая, что теперь его не спасёт даже личное заступничество Девы Марии и рассчитывать можно только на себя.

– Йей форштор дем ике. Йей ер норкшер! Кем!⁴ – бесстрастно ответил незнакомец, и могучая рука выволокла отца Целестина из его норы. Пока бородатый разбойник тащил его на палубу (скрывать нечего, работёнка тяжёлая даже для такого здоровяка), монах соображал, что странное наречие ему вроде знакомо, ибо в монастыре св. Элеутерия один из святых отцов некогда побывал с миссией на севере, а по возвращении обучил молодого Целестина тамошнему языку. Память монаха любезно снабдила его достаточным количеством слов для общения.

Если бы не многолетняя закалка в опасных путешествиях и природный талант к врачеванию, то святой отец свалился бы в обморок, ибо палуба галеры была завалена мёртвыми телами, сандалии липли к обильно политым кровью доскам, а кое-где ещё стонали раненые. Большинство норвежцев, не обращая никакого внимания на весь этот кошмар, споро перетаскивали добро с купеческого судна на свой дракар.

У мачты «купца» стоял высокий человек, совсем не похожий на викинга, – темноволосый, чернобородый, с серыми большими глазами. Именно к нему, грубо подталкиваемый в спину своим новым знакомым, и был направлен отец Целестин.

– Что за бабу ты поймал, Хёмунд? – бесцеремонно спросил чернобородый у сцапавшего монаха дружинника. Отец Целестин стоял ни жив ни мёртв.

– Спроси у него сам, Эльгар. – Дружинник смачно сплюнул за борт. – Ты приказал обыскать это корыто – я сделал. Разбирайся с ним сам. Он не сопротивлялся...

И викинг, возвращаясь к более приятным и полезным делам, нырнул в трюм, откуда тёк, казалось, нескончаемый поток тканей, посуды, амфор с вином и прочих, видимо весьма недостававших у наглых скандинавов, вещей.

Отец Целестин уже успел пару раз прочитать Pater Noster, Ave и Credo и уж подумал, что главарь разбойников заснул у мачты с открытыми глазами, но тут чернобородый удостоил его вниманием:

– Кто ты? Если ты мужчина, то почему на тебе женская одежда и почему ты такой толстый? Может быть, ты евнух? Ты служишь у конунга с востока и стережёшь его жён?

– Я монах, – изрёк тут гордо отец Целестин, – там, где речь шла о чести Святой Матери Церкви, он дрался как лев. – Я служу лишь Господу Богу и дал обет жить только по его законам и обет безбрачия. Эта одежда называется «ряса», и её носят все люди моего сословия. А кто ты?

– Понятно... Евнух, – констатировал Эльгар. – А откуда ты знаешь наш язык?

– Да не евнух я!! – возопил отец Целестин так, что викинг вздрогнул. – Тебе что, доказательства предъявить? Они у меня имеются!

– Нет, нет, не нужно, – поднял руку викинг, – но если ты мужчина, то почему же не дрался против нас?

– Бог запрещает нам убивать, – благочестиво отвечал монах, забыв о том, чему научили его годы странствий.

---

³ Ты кто такой? (*стародат.*)

⁴ Я тебя не понимаю. Я – норвежец! Выходи! (*стародат.*)

– Какой бог? – не понял Эльгар. – Один? Фрейр? Тор? Или, может быть, – северянин хохотнул, – Локи?

– Единный Бог, Иисус, – ответствовал отец Целестин, поняв, что имеет дело с необразованным язычником. О Дева Мария! Попробуй обрати такого в христианство!

– Я впервые в этих местах, – вздохнул викинг. – А об этом боге, про которого ты сказал, кое-что слышал от франков и данов. Станный он какой-то. Убивать – нельзя, женщин – нельзя. Плохо. Но ты спросил, кто я такой. Я – Эльгар-ярл из Тронхейм-фьорда. Моя дружина согласилась идти на богатый город Рим, что лежит на берегах этого моря. Мы в походе уже год, до Рима не добрались, зато взяли много добычи с его кораблей и теперь возвращаемся к себе. Слушай же, служитель мирного бога, меня. Я могу выбросить тебя за борт, на корм рыбам, и сделаю это, если ты ничего не умеешь делать, а только ешь заработанный чужой кровью хлеб. Что ты умеешь?

– Лечить раны и болезни, – мгновенно отозвался отец Целестин, понимая, что разбойник не шутит. – Ещё могу переписывать книги, рисовать, вырезать из камня и дерева фигурки, знаю много языков и...

– Хватит, хватит, – хлопнул по мачте рукой Эльгар. – Достаточно того, что ты лекарь, если, конечно, не врешь. А тем более хорошо, что ты знаешь наш язык и другие наречия. На моём корабле тебе ни от кого не будет убытка и поношения, но запомни: отныне ты служишь мне, ярлу Эльгару из Тронхейм-фьорда. Но если ты мне соврал, тебя не спасёт и просьба самого Фрейра. Иди.

Монах повернулся и на негнущихся ногах отправился на узкий и длинный корабль норманнов, косившихся на святого отца как на пугало. «Вот влип так влип, – мрачно думал отец Целестин. – Надо было сидеть в Константинополе и носу не высовывать. Эх, лукавый меня попутал тогда в таверне. Говорил ведь отец Либерий – пьянство до добра не доведёт...»

Случилось это зимой 841 года, и начался долгий путь отца Целестина от берегов Греции к берегам Фрисландии, где судьба свела его с норманнским конунгом Ториром и его приёмным сыном Видгаром. В течение почти года монах наблюдал сотни боевых стычек, пиратские нападения дружины Эльгара на чужие суда и прибрежные города мавров, саксов и данов по пути на север. Вскоре у них появился и второй дракар, куда дружина перенесла часть богатой добычи, – этот корабль был найден брошенным у берегов земли франков. Нашли на нём только несколько трупов. Что такое случилось с кораблём и его командой – осталось загадкой.

Следует отметить, что викинги, поначалу отнёсшиеся к монаху настороженно и с некоторым презрением, через пару месяцев поняли, что добродушный толстяк Целестин – человек совершенно незаменимый. Его умение быстро вылечить гноящуюся рану, вправить вывих, сбить жар да и незаурядные художественные способности заставили-таки высокомерных к чужакам норманнов невольно уважать служителя доброго бога.

Как-то раз, месяцев через восемь после пленения, тонкая душа Целестина-художника не выдержала того, что над кораблём, на котором он путешествует, полощется обычный белый (если быть точным – серый) парус без всяких приятных глазу и возвышающих дух изображений. И вот после набега на мавританский городок невдалеке от Малаги в руки дружины Эльгара помимо прочей добычи попали кувшины с красками. Хёмунд – тот самый громила, что нашёл отца Целестина на сицилийской галере, – будучи уверен, что в кувшине вино, опрокинул содержимое себе в рот, после чего его борода надолго приобрела мерзкий, фиолетовый с просинью, цвет, а сам он долго плевался и кричал о том, что этих негодяев мавров надо перебить всех до единого за такие шуточки. Отец Целестин сразу смекнул, что к чему, и уговорил Эльгара пристать на пару дней у какого-нибудь пустынного берега. Ярл вначале ничего не понял и даже слушать о стоянке не желал, но где лестью, а где обманом монах выговорил три дня. Дракар пристал к скалистому берегу в Бискайском заливе, парус был снят, выстиран в морской воде, высушен, и святой отец принялся за работу. Предварительно Целестин выяснил

у Эльгара, что тот хочет видеть на своём парусе. Ярл заявил, что символ его рода – красный змей. Художник только плечами пожал – ну что с варвара возьмёшь! Ладно, будет ему змей. Нет ведь что-нибудь благочестивое изобразить...

И вот на третий день над кораблём ярла Эльгара поднялся парус, и викинги открыли рты от изумления: ярко-красный, словно живой, дракон в лучах восходящего солнца казался до ужаса настоящим.

В тот день отец Целестин получил на ужин тройную порцию и мешочек с арабскими золотыми динариями, каковые его волновали гораздо меньше, чем громадный окорок. Кроме того, расположение дружины к блудному сыну Святой Матери-Церкви возросло настолько, насколько суровый воин может быть расположен к фантазёру живописцу. Сосредоточенно обгладывая кость, отец Целестин напряжённо думал, что бы ещё такое разрисовать. Разве что сам корабль...

Эх, хоть они и язычники, эти норманны, но вообще-то парни неплохие... И совсем не такие чудовища, какими хотят казаться....

Они были в виду берегов Фрисландии, когда пришёл тот чёрный для дружины Эльгара день. На горизонте показались три корабля, которые приближались с быстротой гигантских птиц, – то были даны, и вёл их один из четырёх братьев клана Скельдунгов – тех, что попытались оспорить у сыновей первого короля Дании Готфрида трон. Эти самозванцы после побега из своей страны получили у императора Франкии большие ленные владения во Фрисландии, но в то же время не брезговали и пиратством у своих берегов. Три их корабля да полторы сотни мечей против двух кораблей Эльгара и едва шести десятков мечей его дружины... Отец Целестин понял, что вот тут-то и настал конец его странствиям, потому что выходов из этого положения было два: один – сразу на Небеса, а другой – в рабство к датчанам, славившимся своим бесчеловечным отношением к пленникам. Об этом монах успел услышать не одну байку от своих спутников-норманнов. Но одно дело – слушать на ночь страшные сказки, а совсем другое – видеть, как они начинают превращаться в реальность. И одно дело – рассуждать за крепкими стенами Константинополя о том, что все северные варвары – даны, свеи, норманны или какие иные – суть разбойники и головорезы, наказание Божие и исчадия ада, а другое – знать людей целый год, делить с ними все опасности трудного пути и повстречать вдруг их смертельного врага...

Эльгар приказал драться до последнего.

Корабли сблизились – на норвежских дракарах не хватало гребцов, а датчане почти всех посадили на вёсла. Парус, расписанный отцом Целестином, безжизненно висел – ветра не было. Вот уже слышно молодецкое уханье данов и можно разглядеть их лица. Взлетели в воздух абордажные крючья – десятки крюков, привязанных к верёвкам. Норвежцы не успевали их перерубать, да и невозможно это было – уж очень их много. Безмолвная серая даль Северного моря огласилась боевыми кличами, и на палубы кораблей Эльгара хлынул поток вопящих и размахивающих короткими мечами данов. Отец Целестин решил не прятаться, как в прошлый раз, а, призвав, по своему обыкновению, на помощь всех святых, выхватил подаренный ярлом Эльгаром меч, с которым небезуспешно упражнялся вот уже целый год, вспоминая то, чему научился в восточных странствиях, и приобретая новое...

Звон железа окружал его повсюду. Несмотря на внушительные объёмы, монах действовал весьма ловко и даже зарубил пару шальных датчан, решивших, что эта бочка с салом станет лёгкой добычей. Ну увернётся отец Целестин раз, ну другой, ну третий, так ведь рано или поздно...

Спаси нас всех, Пресвятая Дева Мария!

Уже убили Хёмунда – датчанин рассёк ему лоб. Отец Целестин успел подумать, что синяя краска с его роскошной бороды так и не успела сойти; мертвы уже десятки своих и ещё больше датчан; норвежцев оттеснили на корму корабля, где они встали спина к спине – оцетинившаяся

железом кучка смертников, знающих, что пощады не будет, даже если они сами бросят оружие. И отец Целестин тоже среди них – ох и везёт ему сегодня! И к чему бы это?

Похоже, что Господь Бог и все святые всё-таки вняли молитвам монаха, ибо норвежцы вовсе не заметили, а даны поздно вато спохватились, когда с севера вдруг явились пять кораблей, один к одному похожих на дракары Эльгара. Бежать даны уже б не успели, и, как истинные викинги, они приняли бой, но на сей раз, столкнувшись с превосходящей силой, были смяты и в панике отступали на свои корабли. Отец Целестин расслышал возглас своего ярла:

– Торир! Сам Один привёл тебя сюда!

Этим самым Ториром, видимо, и был норманн среднего роста, русоволосый и, ясное дело, с бородой, довольно аккуратно, на взгляд отца Целестина, подстриженной. Он в ответ приветственно поднял меч и спустя мгновение невероятной силы ударом вышвырнул одного из данов за борт.

– Наша взяла! – заорал над ухом монаха кто-то из дружинников, и отец Целестин, видя, что непосредственная опасность ему больше не угрожает, сделал вполне естественную для святого отшельника вещь: выронив из руки окровавленный меч, он грохнулся на колени и стал истово молиться, да так, что не видел и не слышал ничего вокруг.

Пришёл монах в себя оттого, что кто-то вылил на него целое ведро холодной морской воды (нет, это уже слишком, ну никакого понятия о вежливости у этих викингов!), и, открыв глаза, отец Целестин увидел над собой улыбающееся лицо ярла Эльгара. Кожаная куртка предводителя дружины порвана, голова перевязана грязной, естественно, тряпкой, но в общем ярл вроде бы был в порядке.

– Молодец, толстяк, – пробасил Эльгар. – Вот не думал, что ты такой шустрый. Гляди-ка, половину дружины перебили, а тебе хоть бы хны.

Но тут лицо викинга омрачилось, а у отца Целестина упало сердце: это сколько же раненых придётся врачевать? Где я вам столько трав напасу, а?

Выяснилось, что монах оказался прав.

– С Ториром беда, – сообщил Эльгар. – Вылечи, а не то...

Норманн выразительно провёл пальцем по шее. Ш шутник!

Отец Целестин встал и огляделся. Сцепившись бортами, на волнах покачивались восемь кораблей, из них пять принадлежали этому... как его?.. а, да, Ториру, два своих и один датчанин. Два пиратских корабля успели-таки удрать. У-у, трусы! Ворон ворону глаз выклевал!

Норманны стояли кругом, наблюдая за работой отца Целестина, озабоченно бормотавшего себе под нос непечатные эпитеты в адрес всех этих данов, норманнов и прочих нехристей, которые, вместо того чтобы сидеть дома, растить детей и работать на благо себе и обществу, машут мечами направо и налево. Нет, их всех определённо надо обращать в веру Христову! Авось поспокойнее станет в доброй старой Европе!

У конунга Торира сильным ударом топора был разрублен правый бок, сломаны рёбра, и воздух входил в открытую рану, наполняя (как помнил монах из книг великого лекаря Гипократа Греческого) рубашку, коей облачено было лёгкое. Отец Целестин быстро наложил на рану кусок кожи, примотал его ремнём и дал указание заварить какую-то травку. Викинг хрипел, дыхание его было тяжёлым, а лицо приобрело просто свинцовый цвет.

– Умрёт... – вздохнул кто-то из дружины Торира, но отец Целестин метнул на викинга такой свирепый взгляд, что тот смешался и отступил за спины своих товарищей.

– Не умрёт, – твёрдо сказал монах. – Я тут для чего, вы думаете? И вообще, ему нужно на берег. Эй, вы! Далеко до его дома? Мы ведь в ваших морях, и здесь ваши земли. Ну, говорите же!

– При попутном ветре – два полных дня пути, – ответил молодой норманн, уже где-то заработавший шрам через всю щёку.

– Ну так быстрее туда! – рявкнул монах. – Чем раньше он будет на берегу, тем скорее встанет на ноги.

Его послушались. Невероятно, но этот толстый человек негласно получил право приказывать даже дружине Торира, хотя его там никто толком и знать не знал. Были отдельные смешки и возмущённые возгласы, но они быстро смолкли. Тело конунга перенесли на его корабль, под навес, и вверили рукам отца Целестина. А к монаху подошёл ярл Эльгар:

– Слушай, толстяк, этот конунг – мой дальний родич. Мы дали клятву верности в жизни и смерти. Спаси его. – Норманн пытался говорить мягко и вежливо (по его понятиям). Отец Целестин только поджал губы.

– Мне безразлично, кто он тебе. Я обязан помогать всем. Я помог бы даже умирающему дану или мавру.

– Ты меня недослушал, толстяк...

– Называй меня «отец Целестин», сколько можно повторять!

– Так вот, слушай. – Норманн сдвинул брови. – Я иду к себе на север, в Тронхейм-фьорд. Ты же пойдёшь с дружиной Торира в его поселение – в Вадхейм. Спасёшь их конунга – и можешь быть свободен. Я отпускаю тебя. Умрёт – они убьют тебя... отец Целестин. Прощай. – Ярл повернулся и спрыгнул с палубы на свой корабль.

– Эй, эй, Эльгар! – завопил вдруг монах. – Прикажи своим жеребцам принести сюда мои краски!

Через четыре вместо обещанных двух дней пять дракаров дружины Торира из Вадхейма ударились форштевнями в прибрежный песок рядом со своим посёлком. Эльгар же повёл тронхеймские ладьи с добычей и изрядно поредевшим экипажем дальше, на север.

Так отец Целестин оказался в Вадхейме, где прожил уже восемь лет.

И вот сейчас, в рождественскую ночь, монах сидел один в собственном (неслыханная роскошь!) домике, ограждённый толстыми бревенчатыми стенами от злой выюги, пил великолепное красное вино (это у него называлось «разговением»), жевал зайчатину и размышлял о тщете и бренности всего сущего.

Ему пятьдесят четыре года, жизнь, считай, прожита. А что он сумел сделать? В монастыре его научили одной истине, которую он всосал с молоком матери или, если можно так выразиться, с молоком козы, коим его выкармливал отец настоятель. Истина гласила: жить надо так, чтобы потом не надо было каяться перед Господом за бесцельно прожитые годы. И что же? Несколько десятков спасённых душ бывших идолопоклонников, ещё больше тех, кому пришлось врачевать не душу, а тело. Множество виденных стран и народов, и, наконец, видимо, последнее пристанище в его жизни. Поселение Вадхейм на юго-западе Норвегии и семь сотен заблудших, которые никак не хотят уверовать в Истинного Бога, невзирая на почти девять лет проповедей, произносимых им почти ежедневно. Тоже мне, духовный пастырь. Твои овечки верят в сонмище идолов, возглавляемое каким-то Одним; твои слова вежливо выслушивают, кивают головой, ну а потом идут в капище, где стоят сии богомерзкие изваяния, и просят истуканов о том, о чём можно было попросить и Иисуса, причём с большим успехом. Мало того – отец Целестин ещё в первый год закатил грандиозный скандал на весь Вадхейм, прознав о том, что в капище имеют место и человеческие жертвоприношения. Призывая в свидетели и заступники, как обычно, всех святых, а также Святую Троицу и Деву Марию, отец Целестин сумел доказать необразованным норманнам, что сии деяния суть мерзость и что принести в жертву кролика, волка или курицу гораздо лучше, чем какого-нибудь раба, каковой может ещё послужить поселению. Собственно, это была единственная его победа на данном поприще, а десятки кроликов и прочих безвинных зверюшек были зарезаны тутошним жрецом (противный, кстати, тип) в честь этих Один, Тор, Фрейр и прочей пакости. Тьфу, грешники, прости Господи!

Кстати, об «овечках». Ну, женщины здешние ещё ничего, хотя тоже... гм... все эти свободные языческие нравы до добра не доводят, а уж брак без венчания! Но это о нравах, а что до нравственности – холёные римлянки да гречанки просто вместилище порока по сравнению с этими гордыми дочерьми Севера, кои в случае чего и защитит себя сумеют. Вон три года назад: все мужчины в походе, так вызнали разбойники фризы, что в поселении одни бабы, дети да старики. Как-никак, расписные паруса Торира известны всей Балтике да Северному морю, и ушла вся его дружина числом в пять дракаров и двести и еще тридцать мечей на юг. Вот фризы и сунулись в Вадхейм-фьорд. Двумя кораблями крепость взять хотели. Да, впрочем, какая это крепость... Видимость одна – брёвна в виде частокола, да ничего больше. Ох и показали же мы этим фризам, благо в каждой семье по самострелу, да не по одному. Луки опять же. Словом, отбились с честью, из своих только шестерых потеряв. Вот тебе и слабый пол. Эх, жаль, что я монах...

Мужчины тут тоже ещё те... Отец Целестин поморщился и поскорее отхлебнул из кубка, подаренного Ториром. Варвары! Варвары, дикари и пьянчуги! Хорошо, хоть летом и духу их здесь нет – занимаются делом. Профессия, правда, у всех одна – пиратство да торговля, но, надо отдать должное, мореходы отменные. От Гардарики до Британии дружину Торира боятся как огня, и есть за что. Но когда возвращаются... ох-ох! Ораве здоровенных детин сидеть почти взаперти целую зиму – это воспринимается ими прямо как личное оскорбление от их божков, которым они так страстно поклоняются. Хорошо, хоть Торир человек железный и слушаются люди его, иначе бы бед принесли, а более всего на свои буйные головы... И как у него умения хватает сдерживать больше двух сотен отчаянных забияк?

Кстати, о Торире. Он сам рассказывал, что нарекли его так в честь карлика-дверга из местных легенд, потому что родился он совсем маленьким, недоношенным. Отец его, конунг Хлодвиг, видя такое совершенно невыносимое безобразие, нарёк младенца этим именем, подразумевая, что, может быть, дитя оправдает его смысл. Если выживет и вырастет. Как-никак, в переводе на цивилизованные языки «Торир» означает «отважный». Выжил, вырос и оправдал высокое доверие папаши. И сам хорош, и если б не жена – красавица, естественно, и, кстати, из словинов (была сосватана своим будущим супругом в Гардарики, из племени каких-то кривичей), – так вот, если б не жена, то пользовался бы он тут большим успехом у женщин. Росту – хорошо, хоть пять с половиной футов будет, но сложения весьма мощного, в плечах – что твой медведь, волосы светло-русые, и борода такая же, да чуть с проседью. Одним ударом лося валит. Но, к его чести, человек слова, вежливый (на норманнский манер, конечно), отца Целестина безмерно уважает и к советам его прислушивается. У монаха даже было подозрение, что Торир тайно сочувствует христианству, в которое его обращают битые восемь лет. Но всё равно в капище, паразит, ходит и даже обряды вершит, когда повод какой важный – урожай там или поход грабительский. А ещё конунг...

Да и сам Вадхейм определённо нравился отцу Целестину. Да, отсутствует римская или византийская утончённость, но и в этой простоте есть что-то такое... неуловимое. Приученный к точности в документах, монах как мог, но провёл нечто вроде переписи населения и выяснил, что обитает здесь чуть больше семисот коренных жителей да душ сорок рабов, с которыми обращаются, между прочим, более чем сносно (опять же по суровым нордическим меркам). Ну, само собой, двести с лишним мужчин (читаем: воинов), столько же женщин, хотя нет, больше – это из-за естественной убыли мужского населения вследствие опасного образа жизни; остальные – старики (очень мало, редко кто до старости тут дотягивает) да дети с подростками.

Сама деревня... ну, язык не поворачивается у видевшего Константинополь, Каир, Александрию, Рим и Багдад отца Целестина назвать это поселение городом. Деревня, окружённая сосновым частоколом, расположилась на склоне высокого холма, взобравшись на самый его гребень. Местность вокруг весьма гористая, сплошной хвойный лес да немного берёз, а дальше – на север и восток поднималась горная цепь. Домов в Вадхейме было около тридцати –

длинные, вроде больших землянок, внешне напоминающие холмы, благодаря тому что крыши поросли травой. Живут в них сразу по несколько семей – нечто вроде эдаких общежитий, а неженатая молодёжь – так вообще в чём-то наподобие казармы, как римские легионеры времён Империи. Только Торир с семьёй да отец Целестин жили в отдельных домах, если так можно назвать обиталище монаха.

Но изба, хоть это и не каменная твердыня монастыря, крепка и добротна. И лучшего жилища для студёной здешней зимы не придумаешь. Злые языки утверждали, что отец Целестин отгородился от людей и, мол, нехорошо быть такому видному мужчине одному, но монах не обращал на эти сплетни внимания и только вздыхал иногда: «Самих бы вас с детства в монастыре воспитать, попривыкли бы к отдельной келье, тихой да уютной». Жить в семейном доме для монаха вначале было сущим наказанием: дети орут, где-то за дощатой перегородкой любовная парочка устроилась (у-у, греховодники!), отхожее, простите, место на дворе, хоть и удобное да теплое, но все-таки пользуются им все обитатели дома. Им что – до них благотворное влияние цивилизации не добралось, комплексов, соответственно, никаких... Дети природы, так сказать.

Вот и выпросил отец Целестин у Торира себе отдельный домик и получил его меньше чем за месяц. Жрец местный уж завидовал-завидовал, тоже такой же захотел. Как же, мол, так? Христианскому годи можно, а мне, предстоятелю истинной веры, значит, нельзя? Словом, отказал ему Торир.

Надо сказать, что смолоду годи был неплохим парнем, не чурался хозяйственной мужской работы и даже недурно обращался с мечом, но вспыльчивость, обострённое самолюбие и ядовитый язык сослужили ему плохую службу – годи терпели, поскольку древних богов почитали не ради традиции, но верили в них, терпели, но не уважали. Поговаривали, что он и учеником прежнего годи стал лишь для того, чтобы обрести некую власть в селении, да не тут-то было: Торир отнюдь не пренебрегал обязанностями доброго конунга и важные для дальнейшей жизни и судьбы Вадхейма обряды проводил сам – и боги были неизменно благосклонны, а на годи были возложены недостойные конунга обременительные каждодневные культовые хлопоты: погода на завтра, чтобы куры лучше неслись, на охоте подстрелить не одного зайца, а двух, статую какую вовремя кровью жертвенной помазать и слова, какие положено при этом произнести (будто бы могучий Тор останется в противном случае без обеда)... Жрец быстро понял, что просчитался, и оттого стал еще более желчен, страшно похудел и высох, ходил высоко задрав подбородок с реденькой козлиной бородкой, отпускал по поводу всего встреченного едкие замечания и порою был совершенно невыносим...

Обустроился отец Целестин весьма прочно. Дом опять же свой, люди его уважают, конунг подарки дарит, да и подношений за лечение предостаточно. Когда викинги в поход уходят, монах строго-настрого приказывает: книги, буде попадутся, не жечь, а ему привозить – и ведь привозят! За восемь лет большую библиотеку собрал – иной монастырь позавидует. Одних Библий штук двадцать, да жития святых, вдобавок сочинения греческих и латинских авторов, да хроники древние. И стал тогда монах вести хронограф Вадхейма, стал записывать местные легенды да сказки – авось пригодится кому. Вот тому же Видгару – ему, как-никак, конунгом рано или поздно быть. Вспомнил отец Целестин молодость, то распятие, что сделал он для покоев Святейшего Папы – ведь оно бросило его в водоворот, вынесший бывшего инока обители св. Элеутерия на берега Норвегии, и сделал такое же, лики Господа да Девы Марии изобразил благообразно, крест выгесал резной на крышу и превратил свой домик в маленький храм. В торировской добыче благовонный ладан обнаружил и для собственного удовольствия и во спасение души по воскресеньям (а календарь отец Целестин вёл преисправно) мессы да обедни отслуживал, распевая приятным баритоном псалмы так, что все собаки в Вадхейме дружно ему подвывали. Бывало, раньше полдеревни на невиданное представление собиралось поглазеть, а потом ничего, привыкли. Один Видгар только ходит да дочка Хагнира, Сигню.

Иногда Торир с приближёнными зайдёт, посмотрит, головой покачает, да потом опять махнёт рукой. Нужно ему это больно. Своих забот выше головы.

Вот так и живём. Да что ещё монаху смиренному нужно? Ничего. Жизнь устроено, душевное равновесие найдено, вот и доживай свой век в тиши и радости, отец Целестин.

Отец Целестин широко зевнул, потянулся, поворочался в своём кресле, устраиваясь поудобнее, плеснул в кубок ещё вина и отправил в рот жирный кусок зайчатины. Душевное равновесие, говоришь? Ан нет, приятель. Прошедшие восемь лет не прошли для тебя даром, и ум твой не настолько притупился, чтобы не видеть одной простой вещи. Да, они варвары, разбойники, по-своему добрые и хорошие люди, но именно они сохранили какое-то давнее (страшно подумать – древнее и серьёзное Ветхого и Нового Заветов) и очень смутное предание о странных делах и событиях, происходивших в этих местах и южнее в совсем уж незапамятные времена. Говорили о том, что тогда и Балтийского моря ещё не было, и Британия не стала островом, и Европа была единой землёй, на которой жили странные народы, давно сгинувшие. Куда? Что за народы? Откуда эти легенды, слишком складные для того, чтобы быть просто сказками, возникшими зимним вечером у очага?

Отец Целестин в молодости читал список с Платона о погибшей в волнах моря земле. Но откуда эти норманны знают о ней и называют её похоже – Аталантэ или, на северный лад, Аталгард? Они же не читали Платона! Они вообще читать не умеют! Отчего даже самые буйные вояки из Торировой дружины иногда смотрят с пугающей тоской в океан? Почему не раз и не два отец Целестин получал странные подтверждения древним легендам? Отчего это иногда шепчутся покрытые шрамами старцы, произнося имена неизвестных богов, перед которыми Один с богами Асгарда – просто младенцы? Надо сказать, что как ни пытался выведать монах у стариков про этих неведомых духов, так вразумительного ответа и не получил. Слышал только, что называли их словом, которое на латинский можно было перевести как «Силы Мира».

Что это? Откуда? Монах всегда был убеждён, что ничего и никогда не возникает просто так. Нет дыма без огня. Вот и непонятные легенды тоже должны иметь корень, исток...

Случайно подслушанный разговор заставил однажды сердце святого отца подпрыгнуть: два старых-престарых викинга тихо говорили о некоей единой силе, сотворившей этот мир и его народы... *Единой?!!* Сделав вид, что ничего не случилось, отец Целестин на следующее утро произнес страстную проповедь, способную растопить душу самого верного и завязатого идолопоклонника, перед этими старикашками, но один из них лишь покачал головой и сказал, отвернувшись, что нет в мире богов, кроме Одина, Тора ну и так далее. Монах чуть не сплюнул от досады, а уходя, резко обернулся и увидел, что оба старца странно смотрят на него выцветшими от времени глазами, разве что не плача.

Кто объяснит, что за напасть?

Последние же полгода отец Целестин пытался сложить из собранных сведений единую картину, и получалось у него такое, что и уму непостижимо. Библия – Библией, всё сказанное в ней, безусловно, истинно, но и на пергаменте монаха получалась связная, очень правдивая история добиблейской древности. Недоговорённая, неполная, скрытая и изрядно подзабытая, но всё-таки правда.

Одним словом, надо будет летом упросить Торира плыть к северу – там должен быть ключ к одной из загадок древних легенд. Найдёшь ответ хоть на один вопрос – тогда и весь клубок размотать можно будет, ибо неспроста всё это, ох неспроста!

Наконец, почувствовав усталость, отец Целестин прервал размышления, поднялся с кресла, преклонил колени перед распятием, прочёл Pater и Credo, а потом, задув едва теплящуюся лучину, завалился спать на пахнущее сеном и мехами ложе.

Вот и пролетел рождественский вечер. Досадно, что Видгар так и не зашёл...

Спустя минуту монах уже спал, видя во сне нечто очень и очень древнее и прекрасное. То, о чём память у иных народов, кроме того, среди коего он сейчас жил, была утеряна навсегда.

Что-то из глубины тысячелетий...

Глава 2

Видгар

Над Вадхейм-фьордом простёрла белые крылья зима. Справедливости ради надо заметить, что Вадхейм располагался несколько южнее многих поселений норманнов, и холодное время года было здесь сравнительно мягким, да ещё и тёплые воды западного течения делали своё дело. Как бы то ни было, но фьорд всё же замерзал в конце ноября, и часто, когда увлекшаяся дружина Торира запаздывала, дракары приходилось ставить на зимовку у небольшого островка на входе в узкий залив. Ну а если все пять кораблей прибывали вовремя, то деревянные ладьи до весны вытягивали на берег, где смотрелись они как выбравшиеся зачем-то на сушу да и задремавшие диковинные морские звери – длинные, узкие и, хотя сейчас неподвижные, быстрые и ловкие в воде.

Так получилось и на этот раз. Ранней осенью два корабля вернулись от берегов Британии, где участвовали в крупном набеге нескольких северных дружин на города и монастыри саксов. Их привёл обратно Халльвард – любимец Торира; конунг иногда отдавал под команду этого удальца стурмана часть своих людей. Впрочем, сказать, что добыча была велика, никак нельзя – опустошаемое частыми грабежами и войнами побережье Нортумбрии заметно оскудело, Уэссекс оборонялся отчаянно, в иных же частях страны хозяйничали даны. Торир со своими хирдманами весной уходил в викинг куда-то к южным берегам Балтики, затем, как настоящий фарман, ходил в Свитьод Великий – иначе Гардарики, – страну преизобильную, но крайне расточительную: на птичий пух, тальк, шкуры морского зверя да канаты, из тех же шкур сплетённые, – а такого добра на Севере было премного, – он выторговал немислимое количество зерна, мехов и мёда, – что, интересно, скажут эти странные словины, когда подкрадётся суровая зима? – а также подновив за лето корабли, конунг Вадхейма вернулся домой, когда воды фьорда уже начали покрываться тонкой корочкой льда. В любом случае пропитанием поселение на зиму обеспечено, и ладно. С наступлением следующего лета недостаток золота восполнится, а купить на него что-нибудь зимой в Норвегии было бы крайне затруднительно. Но не зря же скальды пели хвалебные песни кольцедарителю? Воинам нравится конунг, раздающий золото, а женщинам нравится, когда воины дарят золотые украшения им...

Но сейчас шла зима, и по крайней мере до времени, как сойдёт лёд, ни о каких морских авантюрах и речи быть не могло. Пока же единственными развлечениями дружины были подготовка подрастающего поколения к многотрудной жизни викинга да лихая охота, где и выплёскивали норманны свою неуёмную жажду действия, хаживая на свирепого медведя.

Где-то за туманным горным хребтом начало свой путь холодное зимнее солнце, стояли утренние сумерки, и ещё не погасли на западе последние звёзды. Отец Целестин, широко раскинувшись на мягкой медвежьей шкуре, богатырски храпел, уподобившись громкостью трубам иерихонским, и зрел свои богоугодные сны, а к двери его дома, утопая в снегу по колено, быстро пробирался молодой парень в серой волчьей шапке, перепоясанный коротким мечом в кожаных ножнах.

Несколько осторожных, но настойчивых ударов в дверь явно не могли вырвать монаха из сладостного мира грёз, и (благо дома запирают в Вадхейме было не принято) ранний гость толкнул тяжёлую дверь и вошёл, не дождавшись ответа.

– Отец Целестин... отец Целестин, проснись! – Молодой норманн подёргал монаха за руку. – Вставай, тебя Торир зовёт. Хельги умирает!

Видя, что сей способ пробудить святого отца явно не годится, посланец выскочил за дверь, набрал полные пригоршни снега и, вернувшись, высыпал его за ворот рясы монаха. Такая крутая мера оказалась более действенной – отец Целестин взревел, как разбуженный

медведь, и отвесил обидчику тяжеленную оплеуху, да так, что тот, не ожидая столь негостеприимного приёма, отлетел к противоположной стене.

– Какой дьявол тут... – Монах, продрвав глаза, воззрился на мотавшего головой юношу. – А, это ты, Видгар! Святые угодники, что же ты тут делаешь в такой неурочный час? Да простит меня Дева Мария, но, стой ты поближе, я бы тебя просто отправил напрямиком в чистилище за подобные шутки над пожилым человеком, вкушающим заслуженный отдых!

Тот, кого называли Видгаром, охая, поднялся с пола и осторожно подошёл к ложу, на котором восседал разгневанный отшельник. Левая щека парня налилась роскошным кумачом – монах постарался на славу.

– Отец Целестин, старый Хельги умирает. Торир велел позвать тебя, да не мешкать. И... поздравляю тебя с рождением твоего Бога! – Видгар покосился на красовавшееся на стене распятие.

– Умирает, умирает... – недовольно пробурчал отец Целестин, поднимаясь и засовывая ноги с набухшими синими венами в меховые сапоги. – Он уже три месяца как умирает, да всё никак не отдаст Богу душу. Впрочем, к чему Богу столь многогрешная душа? Ну, что стоишь как истукан?! – прикрикнул монах на Видгара, едва не сбив того с ног волной перегара. – Беги к Ториру, скажи, что иду уже! Да, кстати, и тебя с Рождеством. Ну иди же!

Юноша, подняв свалившуюся шапку, нырнул в низкий дверной проём, и только снег захрустел у него под ногами. Монах же, по обыкновению бормоча под нос, снял с полки связку каких-то сушёных листьев, подвязал верёвкой рясу и, набросив толстый, подбитый мехом плащ, выбрался наружу.

Ночная метель прекратилась, небо над фьордом было чистым, и хотя дул только слабый ветерок с гор, отец Целестин закутался поплотнее – свежо, однако.

Над Вадхеймом вились сизые дымки от очагов, откуда-то потянуло запахом свежеспечённого хлеба, со стороны кузни доносились удары железа о железо – кузнец Сигурд не желал упускать и части короткого светового дня и уже всю гонял своих помощников и рабов. Мимо отца Целестина прошли собравшиеся на охоту мужчины, числом десять, негромко и деловито поприветствовав монаха, охота – дело нешуточное, но ни один не спросил, куда это он так рано направляется, – неписаное правило приличия. «Побольше бы им таких правил, – подумал монах, приветственно кивая и изображая на лице улыбку. – Вон даже Видгар и тот не упустил случая сунуть снежок мне за пазуху, а ведь вырос, почитай, у меня на руках. Варвары...»

Но тут же отец Целестин заставил себя признаться, что в случае с Видгаром он, пожалуй, погорячился. Вот как раз им-то и следует гордиться как лучшим своим воспитанником, коих, впрочем, всего-то два. Вторым, а если быть точным, второй была Сигню – дочь Хагнира Кривого, заслужившего это прозвище тем, что в какой-то стычке ему выкололи правый глаз. Мать Сигню умерла давным-давно, беспутный отец постоянно отсутствовал, и воспитанием девочки занялись совместно отец Целестин да Сигурни – жена торировского воеводы Халльварда, у которой и своих детей было четверо, да все, как назло, мальчишки (Халльвард, впрочем, был этим весьма доволен). Сигурни научила девочку всем женским премудростям – ткать, шить, обрабатывать мех, доить корову и прочему, а монах, твёрдо решив, что хоть кого-нибудь здесь надо воспитать как положено, то бишь по-христиански, целеустремлённо обучал Сигню и с нею Видгара всему, что знал сам.

С Видгаром приключилась похожая история. Он был сыном младшего брата Торира, убитого во время очередного похода в Британию, – пущенная чуть ни за два стадия из большого кельтского лука стрела пробила ему горло. А поскольку оба сына конунга умерли в младенчестве, Торир взял ребёнка к себе и объявил наследником. Так как отец Целестин в доме конунга был постоянным и желанным гостем, юный норманн просто заслушивался нескончаемыми рассказами монаха о чудесах Юга и Востока. Видгар сам стал часто навещать святого отца, приставая к нему с просьбами рассказать ещё что-нибудь, и наконец отец Целестин сдался, но

поставил мальцу условие: «Сначала я тебя буду учить читать («А что это такое?» – удивился тогда Видгар), а потом буду рассказывать истории».

На том и порешили. Отец Целестин с упоением гонял своего подопечного по лабиринтам латинской и греческой грамматик и иногда со слезами умиления драл его за уши. (Необходимый элемент воспитания. Это монах усвоил ещё в обители св. Элеутерия, ибо отец настоятель применял сей приём постоянно, что способствовало лучшему усвоению материала клириком Целестином.) А Видгар, отмучавшись с учёбой, слушал с открытым ртом рассказы странного толстяка, и воображение рисовало ему перетянутую цепью бухту Золотой Рог и зубчатые стены Константинополя, минареты Дамаска и пески Египта с возвышающимися над ними пирамидами.

Торир вначале смотрел на всё это сквозь пальцы, но, после того как Видгар однажды заявил конунгу, что Один не бог, а вовсе суеверие, случилась неприятность. Видгар отделался впечатляющим синяком на скуле и тем, что не мог сидеть с неделю, а у Торира состоялся с отцом Целестином напряжённый религиозный диспут, в течение коего святому отцу пришлось услышать о себе немало нового и признать, что в искусстве стихосложения язычник-викинг, пожалуй, не уступит и великим греческим пиитам. Правда, даже сии схизматики, от коих самого Бога тошнит, никогда не употребляли сразу столько богомерзких выражений. В конце концов оба спорщика призвали на головы друг друга проклятия своих богов, после чего отец Целестин откупорил кувшин с вином, и просидели они с конунгом в домике монаха до утра. О чём велась беседа, неизвестно, а Видгар, нахально подслушивавший под дверью, мог разобрать только отдельные фразы, среди которых наиболее частыми были уверения во взаимном уважении.

Как бы то ни было, но Торир позволил своему племяннику посещать монаха, и отец Целестин продолжал обучать беловолосого паренька. Разве только занятия по теологии сократились у них весьма. Впрочем, кроме латинской Библии в первые два года читать было нечего, и Видгар получил достаточное представление о христианском Боге, но ни друзьям, ни родичам ничего не рассказывал, помня печальный опыт. Позднее, в соответствии с заказами монаха, дружинники Торира начали привозить самые разнообразные книги, отобранные у франков и византийцев, и, хотя по тем временам любая литература была редкостью и изысканной роскошью, библиотека отца Целестина пополнялась исправно.

Конечно, то, что роскошные переплёты портились грубыми руками викингов, вырывавших из них самоцветы и драгоценные металлы, было донельзя обидно, но сами пергаменты обычно не страдали. К пятнадцати годам Видгар уже знал историю Рима, Византии, Греции; в шестнадцать познакомился с Гомером, Софоклом и Сенекой. Стараниями отца Целестина наследник Торира мог свободно изъясняться на латыни, греческом и арабском, а также сносно понимать ещё с десятков наречий. Сигню, к слову, от него не отставала. С помощью монаха Видгар составил травник, дабы знать, какое растение спасёт от жара, а какое – от лихорадки, но это интересовало его мало – то ли дело читать о походе греческого конунга Одиссея! Правда, отец Целестин нашёл-таки себе достойную замену на поприще целительства: Сигню такое занятие нравилось куда больше, чем Видгару, да и усердия ей было не занимать.

Кончилась вся эта история тем, что шестнадцати лет от роду Сигню была крещена (тайно, конечно), и нарёк её монах именем пресвятой Девы Марии. Кроме монаха и девушки знал об этом только Видгар, хотя сам от подобной процедуры отказался, не разобравшись до конца в своих мыслях. Отец Целестин смирился. А первую свою победу над норманнским язычеством в миссионерском деле праздновал три дня... Некоторые утверждали, что всё это время над домом монаха висело зелёное облако винных испарений. В хронике Вадхейма появилась о сём примечательном событии (крещении, понятно, а не о том, что за ним последовало) запись на латыни. Бояться было нечего, так как читать во всём Вадхейме умели только трое, а латыни никто, кроме них, не знал и подавно.

Отец Целестин сумел заинтересовать Видгара и обучал его с немислимыми терпением и усердием, которые за семь лет передались и приёмному сыну конунга Торира. Но Вадхейм не монастырь, а Видгар всё же не клирик. Книги – книгами, но молодому викингу необходимо владеть оружием и править кораблём, тем более если он когда-нибудь примет власть над людьми четырёх родов, уже не первое столетие живших на берегах Вадхейм-фьорда. И если все вечера Видгар просиживал у монаха, то утро и день его тоже были загружены до отказа. Торир и другие бывалые рубаки выжимали из тела Видгара все соли, обучая искусству мечного боя, стрельбе из лука и самострела и другим норманнским наукам. Вся молодёжь через это проходила, и не след наследнику Торира отставать от своих сверстников! Вначале были просто деревянные палки, потом перешли на незаточенные стальные мечи или боевые топоры – кому что нравилось.

Каждый день и по многу часов, до седьмого пота и до обморока. Со щитом и без него, с двумя клинками и с одним, – нужно уметь защитить свою жизнь и отнять жизнь врага. Торир и Халльвард не щадили никого – на упавших выливалась бадья воды, их поднимали на ноги, и всё продолжалось. Видгар только сжимал зубы и молча делал то, что от него требовали. Сложения он был не самого мощного (хотя стал повыше Торира, отличавшегося на редкость крепкой фигурой), но был более гибким и ловким, чем остальные ребята. Это давало Видгару возможность одаривать своих – пока ещё ненастоящих – противников ударами с неожиданных направлений и позволяло выигрывать бо́льшую часть схваток. Торир оставался доволен: любимый племянник подавал большие надежды, невзирая на всю свою заумь. Конунг ухмылялся в бороду: нет, не зря он тогда согласился на эти посиделки Видгара с толстяком; хоть не писано этого в древних законах, но преемник у него будет что надо! Все равно монах дурному не научит – добрый он человек, а без образования в наши времена никуда. Глядишь, может, и будет когда-нибудь на весь Север греметь имя Видгара Мудрого из Вадхейма! Поживём – увидим, а сейчас... Эй, балда, он же сверху рубит! Не отбивать такой удар надо, а отводить! Дай покажу!..

В тот же год Торир впервые взял своего будущего преемника в большой поход, будучи уверенным, что тот обучился всему, что нужно для приличного норманна. Два корабля, как уже сказано, шли к берегам Британии вместе с Эльгаром (жив, жив курилка, хоть и семь долгих лет прошло с тех пор, как расстался с ним монах!) и несколькими другими дружинами. Торир же, будучи человеком самостоятельным, решил податься на восток, к южным берегам Балтийского и Северного морей, на трёх дракарах и поразведать в прибрежных поселениях германцев и поморских да полабских словинов на предмет новых товаров. И тогда же, провожая своего воспитанника, отец Целестин впервые в жизни разрыдался, как дитя. Целый месяц монах изводил себя, проклиная день тот и час, когда нечистый надоумил его покинуть Константинополь. И теперь, обретя хоть две родные души, он вынужден расставаться с тем, кого вырастил и научил уму-разуму. Ну почему Видгару не сидеть в Вадхейме, не учиться мудро управлять своим, пусть и очень малочисленным, народом? Что ждёт его там, за морем? От чьей стрелы или меча примет он смерть?

У отца Целестина за несколько недель до ухода кораблей из фьорда состоялся по этому поводу очередной разговор один на один с Ториром, но конунг был непреклонен, и вышла бы у них серьёзная размолвка, кабы не явился сам виновник и не положил спорам конец, заявив, что он всё равно пойдёт с дядей и пусть отец Целестин не беспокоится, всё будет хорошо.

В день отплытия монах сунул Видгару целый мешок с травами, благословил и даже надел ему на шею тот самый серебряный крест, который был с ним с того дня, когда он, молодой монах-бенедиктинец, покинул родное аббатство. Видгар рассеянно благодарил, вполуха слушал наставления насчёт лечения всяких ран, а мысли его были уже далеко от Вадхейма. Начинаясь новая жизнь, полная новых ощущений; над дракаром уже поднимался белый с синей звездой парус, дружинники втаскивали последние тюки с продуктами и бочки с водой, даже

шум прибрежных волн, разбивавшихся о каменистый берег, звучал необыкновенно ново. Ещё немного, и он покинет знакомый до последней травинки мир Вадхейм-фьорда и выйдет на большой и неизвестный – и от этого ещё более манящий – путь. И пусть знают даны и франки, фризы и германцы, что в дружине Торира появился ещё один меч! Так что до свидания, Вадхейм, до свидания, отец Целестин и Сигню, и да пребудут с вами Иисус и Один!

Монах стоял у самой воды и сквозь слёзы смотрел на уходящий дракар Торира и на стройную фигуру Видгара, стоявшего на корме рядом со своим конунгом. Вокруг кричали и махали руками женщины, визжали от восторга дети – неоперившиеся птенцы, но что-то снова заставило отца Целестина приглядеться внимательнее к своему ученику.

Всё вроде в нём то же, обычное. Коричневая кожаная куртка с железными бляхами и тёплым меховым воротником-капюшоном, меч на боку, самострел за спиной. Волосы соломенные – почти белые – по ветру летят, даром что обрезал их Видгар перед походом так, что и до плеч не достают; глаза, серо-голубые, словно воды фьорда, да серьёзные не по годам, смотрят спокойно и будто с вопросом немым. Спокоен он, как всегда, впрочем, да только видимость это одна. Уж мне-то, старику, по свету немало побродившему, в людях ли не разбираться? И побаиваешься ты, приятель, и тут же рвёшься вперёд, словно ищешь что-то мне неведомое... Только вот что? Почему, зачем живёт в тебе эта странная тяга северного народа к путям-дорогам, как у птиц перелётных? На первый взгляд ты, дружок, такой же, как всегда, как год или два назад, повзрослел разве что... Но, похоже, мне одному здесь виден свет, что исходит от тебя, Видгар, сейчас. Мне и Сигню ещё, пожалуй.

Тайный отблеск величия некоей невообразимо древней расы, что старше греков, иудеев и египтян, отражение её силы и славы, в тебе живущее. Свет, истекающий из пучин времени, в которые заглянуть под силу лишь Господу Богу одному. Что за дар в тебе скрыт, норманн? Нет у меня, смиренного монаха, ответа, но я доберусь до истины, чего бы это мне ни стоило. Только возвращайся живым, Видгар...

Монах развернулся и, тяжело ковыляя по поросшим мхом камням, стал подниматься наверх, к деревне. Пять кораблей, зримых с берега теперь лишь тёмными силуэтами, уходили на юго-запад, становились всё меньше и меньше и вскоре совсем скрылись от взора собравшихся на берегу. Обернувшись, отец Целестин ещё раз всмотрелся в ущелье фьорда и вдруг увидел, – или почудилось то? – сверкнула будто яркая золотая искра на горизонте и тут же погасла, словно солнце на волосах его ученика. Или неведомая мощь, сосредоточенная в нём, дала о себе знать на прощание?

Отец Целестин испуганно перекрестился. Монах заметил странности в Видгаре почти сразу после их знакомства и вначале не придавал им значения. Ну, может быть, ребёнок от природы одарён и схватывает всё на лету, да и память у него хорошая, и соображает он что к чему быстрее, чем Сигню. И историю древнюю, ещё дорийскую, принимает как само собой разумеющееся. Но почему у Видгара вид такой, словно не что-то новое он узнаёт, а попросту вспоминает забытое и утерянное? Отчего этот десятилетний ребёнок может одним словом утихомирить насмерть грызущихся собак и даже двумя-тремя фразами разрешить спор у взрослых, да так, что те и не видят потом причины своих разногласий и внимают словам мальчишки, как советам мудреца? Откуда этот потомок норманнов знает, какая погода будет завтра и через неделю? Зачем в ясные ночи проводит он многие часы на морозе, глядя на сияющие точки звёзд, будто бы ищет в небесах решения невысказанных сомнений, и мерцание далёких светил словно отражается в его глазах?

На эти и многие другие вопросы отец Целестин не находил ответа. И годы спустя, глядя, как Видгар бьёт из лука навскидку в глаз белке и ясным днём, и в сумерках, как может ночью по далёкому хрусту веток в лесу, за оградой поселения, определить, прошёл ли лось там или олень, как в кромешной темноте зимней ночи умеет найти дорогу из самой дремучей чащи к дому... Видя это, монах понимал, что талантами ученик его награждён необычайными. А слушая и

записывая древние легенды норманнов, повествующие о странных и непонятных событиях и народах, отец Целестин как наяву видел Видгара среди главных героев давно отгремевших битв и удивительных историй, перед которыми меркли в книгах Моисея описанные штурмы Иерусалима и Вавилона, чудеса, явленные Исайей, Соломоном и другими знакомыми монаху с детства персонажами Вечной Книги. И библейские истории оставались, несомненно, истинными, но куда как более поздними и новыми, чем те, над разгадкой тайны коих уже несколько лет бился бывший смиренный инок из обители св. Элеутерия.

Нежданное и жутковатое подтверждение своим наблюдениям монах получил два года назад, летом 849 года. Видгар, которому тогда едва минуло шестнадцать лет, ночами стал уходить из поселения куда-то в лес и пропадал там до утренней зари. На все расспросы отца Целестина он отвечал, что ходит гулять и охотиться и ничего больше. Как монах ни допытывался, узнать он более ничего не сумел, хотя таинственные экспедиции воспитанника возбуждали в нём вполне закономерный интерес и негодование, – мал ещё, чтобы ночами шляться бес знает где!.. Однажды – было уже за полночь – отец Целестин, выйдя подышать свежим воздухом, увидел знакомую тень, как кошка крадущуюся к воротам в ограде. Монах, соблюдая предельную осторожность, последовал за Видгаром, который направился к горам. Любопытство клирика было вознаграждено, хотя и ожидал он увидеть обычное амурное свидание под луной уже почти взрослого норманна с какой-нибудь юной девой, а не то, что произошло в действительности и повергло отца Целестина в состояние близкое к помешательству.

Невзирая на солидный возраст и ещё более солидную упитанность, отец Целестин пробирался по лесу, следуя за тёмным силуэтом Видгара, проклиная про себя то и дело попадавшие под ноги сухие ветки, безбожно хрустевшие. Но Видгар не оборачивался и был на диво невнимательным, просто на себя не похож – видно, весь уже находился там, куда так поспешал, – и продолжал углубляться в лес, пока не вышел на широкую прогалину, поросшую вереском. В центре довольно большой поляны, окружённой со всех сторон густым ольшаником и молодой сосновой порослью, возвышался тёмно-красный, заострявшийся кверху гранитный камень, похожий на остриё громадного копья. В Вадхейме это место, находившееся стадиях в двадцати пяти от поселения, считалось дурным, а острый монолит, совершенно не похожий на обычные валуны, люди звали не иначе как Зубом Фафнира и старались обходить поляну стороной. Отец Целестин, интересовавшийся местными легендами, не удовлетворился короткими и смутными упоминаниями про Зуб Фафнира, слышанными от женщин Вадхейма, и попытался поподробнее разузнать об этом камне и связанной с ним истории у годи, полагая, что он-то уж должен быть осведомлён больше других. Но плоды усилий на ниве краеведения оказались прискорбно малы: недолюбливавший монаха жрец наградил его обычной байкой о каких-то зловредных лесных духах, враждебных богам и людям, и довольно грубо посоветовал отцу Целестину не соваться в эти дела – целее, мол, будешь. В ответ на такое хамство отец Целестин высморкался на статую бога Локи, и оба священнослужителя расстались весьма друг другом недовольные. И вот тёмной августовской ночью монах получил возможность лично узреть то, что считал обычным норманнским суеверием.

Видгар стоял у камня и оглядывался вокруг, явно чего-то ожидая. Притаившийся за кустами монах даже издалека и почти в полной темноте видел, как напряжён мальчишка – будто удара ждёт. Луна к тому времени зашла, и над долиной Вадхейма сгустился непроглядный мрак, разрываемый только светом звёзд. Ветер стих, предутреннюю тишину не нарушал ни единый шорох. Даже ночные птицы примолкли. Отец Целестин чувствовал себя так, словно его закрыли в бочке и бросили на дно моря. Полноту ощущений портил только сучок, впившийся в спину. Монах шёпотом выругался и тихонько присел на большую кочку, с которой обзор поляны был куда лучше.

Прошло совсем немного времени с того момента, как Видгар остановился у Зуба Фафнира, и вдруг монах с изумлением понял, что на поляне стало светлее – откуда-то изливался

свет, мягкий, золотистый, казалось, в ночной лес пробился луч закатного солнца из жаркого летнего вечера. Воздух начал вибрировать, до отца Целестина докатилась пришедшая неведомо откуда волна блаженного тепла, и он, почти за гранью слуха, уловил странные звуки – не то пение, не то музыку. В мерцающем золотом тумане, окутавшем поляну, глаза монаха различили смутные и полупрозрачные тени, словно порождённые самим колышущимся маревом, и вскоре стало ясно, что свет и тепло исходят от самих человекоподобных высоких фигур, окруживших гранитный камень, по граням которого скоро, как диковинные насекомые, забегали холодные голубые огоньки. Узрев всю эту бесовщину, отец Целестин с невыносимой скоростью горячо зашептал молитвы, на сей раз ставя перед всеми святыми задачу избавить и его, и Видгара от сатанинского наваждения, но, увидев дальнейшее, осёкся на полуслове и тихонько застонал. И было от чего прийти в ужас: тени окружили молодого норманна, Видгар протянул к ним руки, и такой же золотой свет стал исходить от него самого. Волосы словно вспыхнули, глаза казались двумя каплями росы, сквозь которые прошли лучи звёзд...

И в этот момент отец Целестин издал отчаянный и неблагозвучный визг, сменившийся ещё более неблагозвучными ругательствами на норманнском и латыни. Причин подобному безобразию было две: во-первых, монаха до смерти напугал происходивший у камня странный спектакль; второй же повод был куда прозаичнее: большая и мягкая кочка, где столь уютно устроился святой отец, на поверку оказалась громадным муравейником, обитатели которого выразили своё возмущение тем, что беспощадно искусили соглядатая за филейные части. Последствием сих мученических воплей явилось мгновенное исчезновение призрачных теней – их словно ветром сдуло, хотя ветра-то не было. Свет погас, мелодичные звуки оборвались, а Видгар, видимо сам донельзя перепугавшись, опрометью кинулся прочь от Зуба Фафнира. Охая и проклиная себя за недолготерпение, отец Целестин поплёлся обратно, будучи весьма и весьма озадачен и утрачен увиденным. Иисус и все святые, ответьте, что это было?!

На следующий день отец Целестин пребывал в таком смятении, что чуть не забыл про пиво...

Видгар не заглядывал к монаху с неделю и всё это время ходил как в воду опущенный, но ночами больше не исчезал. Шесть дней монах ну просто с ума сходил от любопытства и заодно изводился оттого, что Видгар явно обиделся, и, похоже, довольно серьёзно.

Когда юнец всё-таки пришёл, отец Целестин, не медля ни минуты, набросился на него с расспросами и требованием объяснений. Видгар же угрюмо отмалчивался, а когда монах стал чрезмерно назойливым, заявил, что он сейчас уйдёт и никогда больше не вернётся, буде допрос продолжится. Когда придёт время, он сам всё объяснит. Сейчас же он не скажет ничего.

Святой отец повздыхал, покачал головой, но оставил всё как есть. Тем более что случившееся той августовской ночью стало лишь ещё одним звеном в цепи необъяснимых событий, уже который год заставлявших отца Целестина смущаться в сердце своём. До самого смертного часа монах не забудет колдовское сияние золотого тумана, кружащихся в танце бестелесных созданий и сияющие светом звёзд глаза своего воспитанника, встретившегося с чем-то вышедшим из странных преданий своего народа – с тем, что ему, Видгару, было знакомо всегда и что не могло принести никакого зла или вреда. С одной из величайших тайн, с удивительным отблеском сгинувшего мира из северных легенд. Да и не из легенд вовсе, а из истории.

Отгремевшей, ушедшей, забытой почти всеми, но бывшей до безумия правдивой истории прошедших веков.

Ещё не раз и не два отец Целестин наблюдал явления скрытой в Видгаре силы. Один такой случай произошёл за неделю до стычки молодого норманна с медведем. Монах выдал Видгару книгу с историей Платона, а сам начал разбирать изрядно потрёпанные жития деяний апостолов, собираясь заново переплести старинные листы, покрытые расплывшимися от сырости строками. Домик освещался только лучиной, да тлели в очаге раскалённые угли, – надобно будет испросить у Торира привезти приличную жаровню! Сигню в тот вечер ушла домой рано,

и они остались вдвоём, целиком погружённые в свои занятия. Монах, мурлыча себе под нос григорианские песнопения, разбирал и скреплял страницы, изредка посматривая на Видгара, с головой ушедшего в описание гибели древнего острова, стоявшего среди моря.

И вдруг отца Целестина как ударило что-то. Он поднял взгляд, и глаза его округлились: фигура склонившегося над фолиантом юноши снова, как и тогда в лесу, окуталась золотым сиянием, и в монаха ударили волны тепла, исходившие от Видгара. По его соломенным волосам пробежали струи огня, кожа приобрела цвет старого белого вина, сквозь которое прошёл солнечный луч, – казалось, что Видгар стал неким сосудом, золотой свет вмещающим. Монах ясно увидел даже появившиеся на стенах и полу тени от находящихся в комнате предметов. Сила разливалась от Видгара, распространяясь вокруг и будто питая собой всё встреченное на пути, – даже бревенчатые стены стали словно бы янтарными. Сам же Видгар и вовсе ничего не замечал – сидел как сидел, подперев щеку рукой. И вот тут рукопись начала тлеть.

Отец Целестин, хоть и был напуган, среагировал моментально: могучим ударом выбил из-под воспитанника скамью и бросился тушить бесценный памятник, даже и не разобравшись сразу, что всё прекратилось – Видгар уже выглядел как обычный человек и сам с удивлением смотрел на переполошившегося монаха. Тот, с опаской косясь в его сторону, одним махом осушил полпинты пива и с совершенно отрешённым видом уставился на Видгара.

– Ты, сын мой, похоже, и сам не ведаешь о заключённой в тебе тайне и не знаешь, как ею распорядиться и что она такое, – подвёл итог происшествию отец Целестин. – Когда надумаешь всё объяснить, верней, рассказать то, что знаешь, – сделай это. Я тебя выслушаю и постараюсь помочь. – Монах вздохнул и осенил себя крестом. – Иди домой, Видгар. Я хочу побыть один.

Покамест страстно ожидаемый отцом Целестином разговор так и не состоялся, однако святой отец не терял надежды и по-прежнему с великим рвением и усердием собирал старинные предания норманнов, сравнивал их с греческими и римскими. Но кто же ответит, какая связь между Геродотом и Платоном и проявлением в семнадцатилетнем парне один Бог знает какой силы? Что общего у танцующих вокруг камня призраков, погибшей в волнах океана земли и воинственного северного народа? А в том, что эта связь есть, отец Целестин был готов поклясться на Библии. Как-то Видгар обмолвился, что, читая книгу, ровно сам видел всё происходившее: гору воды, обрушивающуюся на многолюдные города, пылающие багровым пламенем горы и разверстую пропасть, поглотившую в своих недрах дивный остров. И корабли с порванными парусами, пробивающиеся через невиданную доселе на земле бурю. Корабли, так похожие на дракары... Отец Целестин не знал, что тут и думать.

И тогда, солнечным апрельским днём, он до боли в глазах вглядывался в горизонт, в голубой туман, куда канул флот конунга Торира, надеясь, что Видгар ещё раз даст о себе знать своему старому учителю, но ничто более не нарушало закатного покоя. Воды фьорда, окружённые отвесными скалами, оставались недвижны, а дальше на запад разливалось лазоревое сияние океана, и различить там что-либо было невозможно.

Все восемь с половиной месяцев Торирова похода отец Целестин места себе не находил, то воображая, что попали дракары в бурю и как один утонули и не спасся никто из пучины, то мнилось ему, что пали все дружинники в схватке жестокой с дикими восточными племенами словинов и литов, и много ещё картин престрашных и прегорестных вставало пред внутренним взором монаха... Он и думать забыл, что мальчишку непременно испортят все эти разбои и (по большей части) бессмысленные убийства и насилия. Что и говорить, жестокости викингам было не занимать – каждый вставший против них с оружием должен был погибнуть. Отец Целестин уже давно понял, как ему повезло, когда он повстречался в Эгейском море с ярлом Эльгаром, – ведь запросто могли или мечом ткнуть, или за борт выбросить. А когда в сентябре вернулись в Вадхейм два корабля, ведомые Халльвардом, монаха чуть удар не хватил: где же Торир?! На все вопросы Халльвард только руками развёл и сказал, что конунг повёл свои ладьи на восток и пускай толстяк не боится, ничего с ними не станется. Понятно, что святого отца

ободрительные сии речи ничуть не успокоили, и он ежевечерне возносил молитвы всем святым и Деве Марии с просьбами хранить Видгара (он же почти христианин!!) от любых опасностей. Неизвестно, стал ли странный сон монаха ответом на эти молитвы, или то проявилось участие иных сил, но на следующую ночь по возвращении домой Халльварда отцу Целестину отнюдь не полегчало, скорее наоборот.

Вечером монах забрал у воеводы свою часть добычи – несколько тяжелых рукописей, которые, как оказалось, находились на римском корабле, шедшем в Британию. Из описания отец Целестин понял: то была папская миссия на остров, а потом из рассказа Халльварда стало известно, что викинги перебили только матросов да нескольких бывших на корабле солдат-наёмников. Помня, как выглядел и одевался отец Целестин, дружинники поступили до крайности гуманно – оставили жизни двум десяткам монахов в рясах и с тонзурами, а потом попросту бросили ограбленное судно, оставив на нём трупы моряков и военных да вопящих от ужаса святых отцов, предоставив им самим довести корабль до берегов Британии. Отец Целестин только крестился и шептал молитвы за упокой безвинных душ, но книги взял, прихватив заодно и маленький бочонок сладкого красного вина, явно произведённого на Крите. Ну что с этими норманнами поделаешь? И как небеса не разверзлись и не поразили громом этих бесов в человеческом облике, которых не останавливают даже святой крест и знамя Папы Льва IV? Впрочем, новые книги уже безраздельно завладели думами святого отца...

Забыв обо всём, до глубокой ночи отец Целестин просматривал драгоценные фолианты и, сам того не заметив, уснул за столом, ибо и критское вино не оставлял он без внимания. И вдруг воображению его представилась болотистая дельта широкой реки, озарённая лунным светом, небольшой вытянутый островок там, где сплошные воды распались на два рукава, выходящие к морю. На островке пылали костры, ходили люди, у берега стояли, чуть покачиваясь на тихой волне, три длинных и узких корабля, походившие на морских змей, и монах вдруг понял, что на убранном на стоянке парусе одного из них горит синяя восьмиконечная звезда, которую изобразил именно он. И что-то необычное было в этом, с носовым украшением в виде головы медведя, норманнском дракаре, хотя всё как обычно – щиты висят по борту, вёсла на ночь сложены, но... Корма ладьи надвигалась на отца Целестина, притягивая его взгляд. Уже виденный монахом золотой свет заливал потемневшие от времени доски, в центре же этого сияющего ореола... Иисус и Святая Дева Мария, это ж Видгар! Спит, похоже, но чутко, полусидя, привалившись спиной к бочонку с водой. Сам всё тот же, только лицо обветрилось да волосы выгорели (хотя куда уж больше!).

– Отец Целестин, ты должен меня услышать! – внезапно раздался в сознании монаха голос Видгара. – Мы теперь домой, осень ведь. До холодов успеть надо. У нас всё хорошо, только Вальтама и Фьернира убили, да с ними ещё десяток. А были мы на реке Данп, да много где ещё. Торир говорит, придём в Вадхейм не позже чем через месяц и...

Видение неожиданно оборвалось. Последнее, что успел заметить отец Целестин, – заходящий огромный серебряный месяц, чей свет отражался в чёрных водах реки...

Монах резко поднял голову, гадая, что же это было. Просто сон или... Он вскочил, выбрался из домика наружу и глянул на небо. Ущербная луна склонялась к горизонту – всё так же, как и над рекой на востоке. Монах в который раз подумал, что надо бросать пить.

Через две недели и пять дней в устье фьорда появились три чёрные точки, а спустя несколько часов глаз уже мог различить сине-голубую звезду на парусе переднего дракара.

Вот и не верь после этого снам!

* * *

У Торира жило довольно много народу – жена, две дочери, ещё человек двенадцать близких и дальних родичей и вдобавок несколько рабов. Дом разделялся проходными перегород-

ками, и почти у всех имелся свой отгороженный угол, но принцип общежития, принятый у норманнов, в той или иной степени был сохранён. Целиком отделили только покой самого конунга в дальнем конце дома: был даже особый выход и маленькая пристройка, вроде сеней. В общем и целом Торир устроился весьма удобно, а то, что дом поставили довольно высоко на холме, на склонах которого располагался Вадхейм, спасало от сырости и иногда случавшихся наводнений – сильным ветром несло воды из фьорда. По этой причине дома внизу, у самого берега, стояли на сваях, но таких было совсем немного, и эти постройки являлись самыми старыми во всём поселении.

Уже окончательно рассвело, но солнце ещё не вышло из-за гор на востоке. Идти от домика отца Целестина до Торирова «дворца» было недалече, но зато вверх по склону, и монах, кляня свою тучность, брёл довольно медленно, опасаясь поскользнуться на утоптанной тропе. Добравшись-таки до двери и слегка задыхаясь, отец Целестин толкнул тяжёлый притвор и вошёл в дом, дав пинка в сенях зазевавшейся мохнатой крысе.

Обеспокоенный Торир сам встретил монаха в первом же жилом покое.

Глава 3

Речи Хельги

Хельги действительно умирал.

По расчётам отца Целестина, старику было за восемьдесят – возраст редкий даже в Италии, а уж на этом промозглом Севере столь преклонные годы невольно вызвали уважение. Ториру Хельги приходился родным дядей, будучи младшим братом Торирова отца. Уже давно у старика щемило в груди, болела левая рука и отекали ноги, а в последние месяцы он вообще не вставал с ложа, несмотря на отчаянные усилия отца Целестина и Сигню, которая просиживала у его постели целыми сутками. И вот в холодное рождественское утро пришёл черёд Хельги Старого идти в Вальхаллу, к Одину...

Отец Целестин выгнал из помещения всех, кроме Сигню и Торира, который, впрочем, остался сам: перечить же конунгу монах не хотел. Тот и так расстроился.

– Он с ночи хрипит, и пена на губах, – прошелестела Сигню, указывая глазами на седого как лунь старика, полусидящего на высоком ложе. – Я всё сделала, как ты велел: и посадила его, и пить не давала, но всё равно ему хуже и хуже.

Монах вытащил из-за пазухи сухие листочки и вручил их своей помощнице:

– Вот, наперстянку завари-ка пока, а я посмотрю. – Он подошёл к самой постели и понял, что тут уже ничем не помочь. Из груди умирающего вырывались булькающие хрипы, словно его лёгкие были полны воды, ноги и руки отекали ужасно, глаза смотрели совершенно отрешённо. Ещё час, ну, может, два – и всё, никакая наперстянка не спасёт... Отец Целестин покосился на помешивающую деревянной ложкой в дымящемся горшке Сигню – глаза красные, тени от недосыпа, но ничего, держится. Молодец, девочка! А Торир хмурый, бороду теревит да смотрит угрюмо, и не поймёшь, одобряет он такое лечение или нет.

– Торир, послушай, думается мне, умрёт он сегодня... – выдавил монах, подойдя поближе к конунгу. – Пойми, я тут ничего поделать не могу.

– Да вижу я всё, отец Целестин, – ответил Торир, не глядя в его сторону. – Только вот Хельги всю ночь тебя звал, мы-то думали, что в беспамятстве. Зачем – не говорил. Что-то он тебе сказать хотел, да боюсь, опоздал ты...

Вот те на! Что могло понадобиться уходящему в иной мир норманну от христианского священника, чью веру старики Вадхейма уважали, но не более того? Видно, что и Торир этим как-то обескуражен, ибо все северяне считают, что умирающему дарованы особые знания и особая сила. Эх, что же ты за мною раньше не послал, конунг...

– Готово, – тихонько сказала Сигню, наливая в кружку тёмный горячий отвар. – Напоить его?

– Дай-ка я сам, – вздохнул отец Целестин и, приняв из рук девушки вырезанный из дерева сосуд, подошёл к постели старика и тихонько влил тому в рот немного жидкости. А вдруг поможет и Господь Бог дарует хоть временную победу над смертью? Ох, тяжело он дышит, не захлебнулся бы...

И тут Хельги ясно и осмысленно посмотрел на монаха чистыми, как у новорожденного, голубыми глазами. Губы его шевельнулись, и отец Целестин явственно расслышал надтреснутый шёпот:

– А-а, пришёл. Я хотел видеть тебя. Скажи, чтобы Видгара сюда позвали. Ну же, давай. Бледный конь уже стоит здесь.

Монах метнул взгляд на Сигню, и она мгновенно скрылась за занавеской из кроличьих шкур, закрывавшей вход в покой. Не успел святой отец прочесть *Pater*, как послышались твёрдые шаги и появился наследник конунга.

– Ты меня звал?

– Не я, он. – Отец Целестин указал на Хельги. – Он хочет говорить с нами.

– Хочу, – чуть кивнул старик. – А Торир где? Он тоже должен слышать... А, вижу. Садитесь и внимайте, ибо я скоро усну и разбудит меня только Сальгофнир в покоех Асов.

Торир и Видгар осторожно присели на край постели, а монах остался стоять, во все глаза глядя на Хельги и стараясь не упустить ни одного слова из интереснейшего, по его мнению, рассказа старого викинга.

– Я должен открыть вам сказанное моим отцом, твоим дедом, Торир, – шептал Хельги. – То же слышал и твой отец – Хродгар, мой брат. Но он погиб от топора грязного фриза и не передал тебе предание нашего рода...

– Я и так его знаю, это предание! – начал было Торир, но монах и Видгар так дружно на него зашикали, что конунг смущённо умолк.

– Это передавалось как великая тайна нашего рода от деда к отцу, к сыну и внуку, – хрипел старик, перебирая руками льняное покрывало, – и сейчас я позвал южанина оттого, что предсказано было: поможет чужестранец отыскать причитающееся по праву роду Элиндинга...

– Кто это? – не понял Видгар. Имя было явно не норманнское.

– Имя сие принадлежит нашему предку, вышедшему из земли, именуемой Аталгард и ещё по-другому. Там был он великим конунгом, а когда родина его и наша сгинула по воле богов, стал Элиндинг хозяином всех земель севера, куда вынесло море его корабли. Тогда наш мир ещё пребывал в единстве и звался Мидденгард и на землях его ещё не остыли следы первых великих богов. Это было сто раз по сто и ещё четыре раза по сто лет назад...

– К-когда? – едва выговорил отец Целестин, не веря своим ушам. Батюшки, да это же ещё до сотворения мира! Десять с половиной тысяч лет назад?! Бред! Какая память сохранит воспоминания о такой давности, даже если и произошло такое на самом деле? Однако следующие слова Хельги снова заставили монаха наострить уши.

– Тогда на земле жили другие боги, и Один ещё не родился, и Тор не выковал свой молот. Земли Норвегии лежали далеко на востоке от побережья, где Элиндинг построил свои города, а на юге правили наши родичи, тоже избежавшие гнева богов. Тогда Мидденгард не был разделён водой и народы говорили на едином языке, зная и помня о первых богах и о том, кто сотворил их самих, – Эйре Вечном и Предвечном, пред которым Один то же, что трэль перед конунгом. Прошло сорок раз по сто лет, часть рода Элиндинга ушла на восток, в эти края, и тогда же Эйра решил разделить Мидденгард.

Западная часть оторвалась от прочих земель и ушла на запад, только не совсем обычно... Она вначале была тут, рядом, и до отделённых земель люди могли добраться на корабле. А потом боги воздвигли стену, обманную стену, оставив в ней лишь одну Дверь, которая сужается уже многие столетия, и скоро путь в ушедший край исчезнет навсегда... Западная часть Мидденгарда уйдёт из нашего мира и станет отдельным миром.

– А сколь много там земель? – невпопад задал вопрос Видгар.

– Много, – прохрипел Хельги, – очень много. Как от острова саксов до Гардарики, считая с землями франков и бургундов с германцами и греками. И ещё половина того же.

«Это ж целый континент получается, со всю Европу размером, а то и поболее! – мелькнула мысль у отца Целестина. – Сказки глупые. Какой нормальный человек поверит, что земли Европы были некогда в два раза больше? И куда, покажите мне, уходит западная часть Мидденгарда? Да-а, насочиняли норманны мифов. Греки с их богами и героями позавидуют! Ну скажите, как такая пропасть земли исчезнуть может?»

– А когда это случилось, Хельги? – снова спросил Видгар, и старец дал до странности точный ответ:

– Шесть тысяч четыреста пятьдесят зим минуло с того дня, как Эйра и боги-созидатели разделили мир. Этот день конунги нашего рода помнили всегда.

Отец Целестин мигом произвёл вычисления и едва не поперхнулся: получалась почти точная библейская дата сотворения мира! Ну, знаете ли... Такие совпадения наводят на размышления. Старец же продолжал вещать:

– В землях уходящих ещё живут потомки Элиндинга и наши братья. Живы, живы великие чудеса, ушедшие от нас, но они остались там... за Дверью, созданной богами. Слышал я, что если плыть на запад, то там будет земля, но это не та искомая земля. Она принадлежит нашему миру и пребудет в нём всегда, но Дверь находится в лесах на её берегах. Там ход в Мидденгард, что когда-то был единым с нашими землями и чья история едина с нашей. Есть там и карлики, и другие создания, в давние времена жившие бок о бок с людьми. Отчего Эйра решил разделить Мидденгард, я не знаю, но часть нашего мира ушла от нас... Ушла куда-то в сторону... И не вернётся уж... Знаю и то, что земли, осквернённые врагом первых богов, остались здесь, у нас. Они где-то на севере, и там до сих пор есть остатки логова чёрного бога-великана.

– А что случилось после того, как мир разделился? – продолжал спрашивать Видгар.

– Говорят, всё стало таким, как есть сейчас. В дни разделения происходили страшные бедствия: горы разорвались, в трещины хлынули воды моря... Последним осколком земель наших предков стал остров саксов, а остальное ушло туда... туда, где есть сейчас. Мы давно потеряли Дверь и не можем войти в Мидденгард. Это суждено сделать вам.

Отец Целестин слушал и ушам своим не верил.

Ну Мидденгард – понятно. Норманны именуют Ойкумену Мидгардом – «средней оградой, тем, что лежит посредине». Ну и эти два слова, выходит, обозначают одно и то же. В сказочную же историю о разделении Мидгарда на две части поверить нельзя, пусть даже дата сего события и получается прелюбопытнейшая. Может, это просто отражение легенд о настоящем сотворении мира, невероятно искажившееся в зеркале памяти людской? Не может ведь целый материк раствориться незнамо где! А вот кто такой Эйра Вечный и каких это он богов сотворил? Так, значит, старец ещё помнит о Едином Боге?.. И Один ему как раб? Ну дела!

А Хельги тем временем продолжал, часто останавливаясь перевести дыхание, – разговор утомлял его.

– Те старые боги ещё живы и смотрят как за Мидденгардом, так и за нашим миром, потому что сущность их обоих едина и они плоть от плоти друг друга, как две руки у человека. Но всё древнейшее – первый, бессмертный, народ, карлики, драконы – всё осталось там, в ушедшей земле. Мой род не сумел вернуться туда... Мы остались на востоке. Но храним память о тех временах. Торир, ты помнишь песнь вельвы? О том, как был сотворён мир?

– Отчего же, помню. – И конунг нараспев процитировал:

...бездна зияла, трава не росла,
Пока сыны Бора, Мидгард создавшие,
Земли не подняли, солнце с юга...⁵

– Так вот, всё сказанное – истина, но сделали это не Один, не Вили и не Ве. Они пришли потом, уже после разделения. Это сделали те, первые, их именуют Созидателями. И карликов сделали они, и тогда карлики жили вместе с нами, с людьми. И знаю я, что Аска и Эмблу на самом деле были деревьями, а не людьми и с них началась жизнь в Мидденгарде. И троны богов стояли на единой земле. Тогда наш народ помог Созидателям в битве против бога-великана с севера, и за это нам даровали землю среди моря, называемую Аталгард и ещё Аталанти. Не знаю, отчего боги разгневались на нас, но Эйра по их просьбе через много лет разрушил Аталгард. Спасся один лишь род Элиндинга, ныне разделённый. Торир, найди наших родичей... Они там, на западе, за границей Мидгарда... Конунг Хродгар рассказал мне, что последним

---

⁵ Ст. Эдда. Пророчество вельвы. Строфа 5.

ушёл на поиски Двери в Мидденгард ярл Глердинг, взяв с собой многие сокровища, принадлежащие конунгам рода Элиндинга. Может статься, вы встретите потомков Глердинга...

– Это через десять тысяч лет-то? – усмехнулся монах. – Ну-ну!

– Не смейся, ромей. Ты сможешь конунгу. И Видгар поможет.

– Зачем их искать? – спросил Торир.

– Не знаю. Пророчество гласит... будто у них или в ушедших землях можно найти некую волшебную вещь, что позволит найти связь меж разделёнными мирами. То, что вновь объединит их... То, что принадлежит нале. И запомните, в песнях о богах всё истинно, только время поменяло имена настоящих богов на имя Одина и других Асов... Умейте найти истину...

– А почему ты решил, что я именно тот чужеземец, о котором говорит пророчество? – усомнился отец Целестин. – Здесь ведь много рабов из других народов.

– Он должен был служить Эйре. Как ты, – последовал ответ. Монах только глаза закатил.

– А что ты говорил о принадлежащем нам? – тихо спросил Видгар, оставившийся спокойным в течение всего разговора.

– Это сокровище, драгоценность, какой не видел никто с тех пор. То, что даёт власть. То, что даёт силу, способную уходить из Мидгарда в Утгард и даже в Асгард и возвращаться обратно. То, что всегда будет открывать Дверь в скрытый от нас Мидденгард... Не знаю. Ищите.

– Где? – коротко, но чётко спросил Торир. – Что надобно для этого, говори же, Хельги! Ты смутил моё сердце, ибо вижу: правду говоришь.

– На западе. На севере. Там найдёшь ответы. И ещё... ещё Видгар подскажет... – старик совсем задыхался, – в нём живёт свет Аталгарда... Дайте меч... Скорее...

Обычай викингов был сохранён. Видгар выхватил своё оружие из ножен и вложил руку в руку Хельги, который совершенно побелел и дышал часто-часто и очень слабо, но продолжал шептать:

– Ищите карликов – они помнят, ищите людей из тумана – они знают всё... На западе и севере – Ёрмунганд пока не сомкнул когти, и там можно пройти к землям драконов... – Слова становились всё более непонятными для слушавших. – Я не знаю, что вы найдёте, но ищите... Помните, ещё несколько лет – и вы опоздаете навсегда... Дверь закрывается... Видгар, ты сумеешь... найти её...

Тут Хельги закрыл глаза, дыхание его вдруг стало редким и глубоким. Монах вытер рукавом вспотевшее от напряжения лицо и дёрнул Торира за рукав рубахи:

– Пойдём, конунг. Он сейчас умрёт.

– Понял ли ты, что он сказал, отец Целестин? – Торир покраснел от возбуждения, глаза сумасшедшие, руки дрожат, голос срывается. Нет, ему определённо надо выпить. Монах твёрдо взял Торира под руку и вывел из комнаты. Видгар и Сигню, переглянувшись, двинулись за ними, оставив Хельги Старого один на один со смертью.

Дородная красавица Саннгрид, жена Торира, словинка родом, выставила на стол громадный жбан с пивом и, кисло улыбаясь, вышла, оставив супруга в компании отца Целестина и Видгара. Сигню тихонько уселась в углу, стараясь не привлекать к себе внимания – ведь и выгнать могут. Но все трое молча уткнулись в кружки, и гробовую тишину нарушали лишь шипение факелов на стенах да треск дров в каменном очаге. Было о чём подумать, и отец Целестин погрузился в раздумья, подкрепляя стремление мысли глотками тёмного ячменного напитка.

Великий интерес у монаха, естественно, вызвали слова Хельги о неких «старых богах» и этом самом Эйре. Что ж, признаки единобожия налицо, что весьма радует, – значит, пока не всё пропало в деле обращения жителей Вадхейма в христианство. Впрочем, с этим можно и повременить, – как-никак, восемь лет ждали, и ещё немного времени ничего не решит. А вот миф о сотворении и разделении мира первыми богами довольно любопытен, хоть это наверняка и неправда, – каких только богопротивных глупостей язычники не придумают! Одни

карлики-дверги чего стоят, – нет никаких иных разумных смертных, кроме людей! Ладно, с Божией помощью разберёмся. А вот Аталгард – штука занятная. Конечно, случилась та история не десять тысяч лет назад – легенда бы просто не сохранилась за столько веков, – а попозже, но чёткая связь с Атлантидой Платона тут явно есть. Хотя постойте... По свидетельствам грека, история с затонувшим островом случилась... э-э-э, ну да, верно, аж в 9612 году до пришествия Спасителя. Прибавим-ка ещё 850 лет и получим цифру, названную Хельги. Выходит, что они оба ошибаются? Или просто дата сотворения мира неточна? Непонятно.

Теперь надо вспомнить о «севере», где следует искать сказочное «сокровище» или путь к той самой «Двери». Север большой, а никаких точных указаний старец не дал. Но если сравнить его слова со слышанными ранее сказками, то картина начинает вырисовываться. Отец Целестин как-то раз записал историю про то, как часть норманнских земель откололась от материка и боги увлекли её на север, ибо земля была осквернена каким-то чудищем и люди больше не могли жить в тех местах. Каков был тот монстр и что боги с ним сделали, оставалось неясным, но совершенно ясно то, что к «богу-великану» из рассказа Хельги он имеет непосредственное отношение. Там же, на этом куске суши, должна быть и крепость чудовища, прогневившего богов. Кстати, в саге не говорилось, какие именно боги учинили сей катаклизм, – точные имена не назывались. Ну и наконец, чуть не во всех слышанных монахом сагах о северных землях говорилось про обиталище какой-то очень скверной и злой силы. И драконы там якобы водятся, и великаны, и прочая нечисть, данной силе подвластная.

В общем, если отбросить всю языческую ересь и откровенную чертовщину, которой доверху наполнена эта история, можно получить следующее. Ну, во-первых, имеется подтверждение сочинениям великого (жаль, что язычник!) Платона – сведения прелюбопытные, но пользы от них столько же, сколько от жертвоприношений Одину. Кроме того, появились хоть какие-то упоминания о потомках атлантов, каковыми норманны себя почему-то считают, – явная чепуха!

Отец Целестин подумал о том, что надо будет как-нибудь просветить Торира и его племянника насчёт того, что любой народ рождается и умирает и ни один не вечен. Ну и в придачу конунг и Видгар явно убеждены в том, что сказанное Хельги есть непреложная истина, и начнут тратить избытки своей неуёмной жажды действия на поиски неизвестно чего. «Пойди туда, не знаю куда...» И ведь пойдут. Ох, не суждено мне пожить в старости спокойно!

Ну а если прибавить ко всему ещё и странные таланты Видгара, ночных призраков, кружащихся вокруг серого камня на лесной поляне, да и слова Хельги «Видгар поможет», то становится понятно: тайн не убавилось, а, наоборот, прибавило.

Словом, ясно то, что кругом туман...

– Помолчали, и хватит! – Отец Целестин энергично пихнул Видгара локтем в рёбра. – Излагай!

– А чего тут рассказывать? – Наследник конунга на всякий случай отодвинулся подальше от монаха. – Знал я про всё уже давно.

– Хельги, что ли, уже говорил с тобой? – спросил Торир, чья русая борода украсилась белоснежной пеной от долгого макания в кружку с пивом. От переживаний конунг вовсе позабыл об аккуратности.

– Да ни при чём он тут! – отмахнулся Видгар. – Мне другие сказали...

Тут он опять замолчал, явно не настроенный говорить об источнике сведений. Отец Целестин разозлился не на шутку, но сумел-таки унять в себе почти непреодолимое желание дать Видгару подзатыльник. Можно сказать, его судьба решается, а он манерничает!

– Я жду, – прошипел монах и, взглянув на Торира, добавил: – И не я один. Ну?! Покайся, сын мой!

– Да остынь ты! Ну лесные духи рассказали. И совсем они не вредные, врал всё годи...

– Ты говори, говори. – У Торира аж челюсть отвисла от таких новостей.

– Я с ними уже года четыре знаком, – запинаясь, начал Видгар. – Ну пошёл в лес вечером, до темноты бродил, а у Зуба Фафнира лесные духи вдруг возьми да появишься. Тела у них нет совсем – словно из тумана сделаны и видны только ночью. Я сначала только смотрел за ними, а потом духи меня нашли и позвали к себе. Сказали, что мы родичи...

– Чего?! – рявкнул конунг. – Ты, часом, не болен?

– Да погоди орать! – Монах автоматически плеснул в кружку Торира пива. – Пей лучше да слушай, что человек говорит. Ох, горе мне с вами! И дальше что? – Последний вопрос относился уже к Видгару.

Тот продолжил:

– Только они не говорят, как мы. Они думают, а ты их мысли слышишь. Они мне много рассказывали. Что раньше у них тела были такие же, как и у нас, и наши народы вместе на этих землях жили. И о богах первых, и об Эйре, про которого Хельги говорил. Они сами всё видели и помнят. Сдаётся мне, что эти духи умереть, как люди, не могут.

– Конечно, не могут! – усмехнулся отец Целестин. – Как может умереть уже мёртвый призрак?

– Да живые они! – возмутился Видгар. – Хоть и тела нет, а ведь говорят, и тепло от них идёт. У них даже наречие своё. Они на нём между собой разговаривают. А себя они называют как-то странно – айфар, кажется. Слышал я, что в нашем роду кто-то из этого народа был. Давным-давно. Уже после того, как наш род пришёл сюда из Аталгарда, один из мужчин рода Элиндинга взял себе в жены женщину-айфар или из другого их рода.

– Взять в жены привидение... Это же надо! – восхитился монах. – Как много иногда узнаёшь о людях из семейных преданий!

– Да я же говорю, они тогда нормальные были, как все мы! – воскликнул Видгар. – Только их тела, ну... – он пошевелил пальцами в воздухе, – ну распались со временем, что ли. Эти лесные духи постарше, чем скалы Вадхейм-фьорда. Они помнят и знают обо всём, что было на земле ещё до того, как древние боги разделили её и пришли Один и Иисус! Отец Целестин, ведь ты сам говорил, что твой Бог приходил в Мидгард всего восемьсот пятьдесят лет назад?

– Ну знаешь ли! – вскипел монах. – Да я забыл из Священного Писания больше, чем ты когда-либо знал! Тебе что, надо объяснять, что Бог христиан был всегда и всегда пребудет? И что по Его воле возник этот мир и ты, кстати, тоже? И что Он послал Своего сына к нам, дабы спасти души таких язычников, как ты? Еретик несчастный!

– Тише, тише! – хлопнул рукой по столу Торир. – Выходит, что твой, отец Целестин, Бог и есть Эйра Вечный.

Эта вполне здравая и логичная мысль ввергла монаха во искушение немедленно предложить конунгу пройти обряд крещения, но таковое было отвергнуто за несвоевременностью. Хотя Торир, безусловно, прав.

– Видгар, а ты знаешь, что означают слова Хельга о том, что мировой змей ещё не сомкнул когти на севере и на западе? Какая Дверь должна закрыться? Куда она ведёт? – Торир поверил племяннику сразу и безоговорочно.

– Лесные духи говорили, что на севере обитал враг древних богов и всех народов Мидгарда и что потом землю, на которой он жил, разрушили Созидатели. Но мир изменился с тех пор, и остатки силы этого врага снова там появились – айфар чувствуют это. Там и дальше, в земле на Западе, должен быть какой-то проход в Утгард или в иное место, куда люди из Мидгарда не входили очень давно. Айфар говорили, что там и по сей день живут их родичи и карлики. И даже такие же люди, как мы, разве что в тех краях всё по-другому. Как – не знаю, но по-другому. Думается мне, там и пребывает часть Мидденгарда, про которую Хельги говорил. Да и айфар сказали, что это, наверное, так и есть. Они мне историю Хельги почти слово в слово рассказывали. Только айфар не ушли вместе с той землёй, а остались здесь. Не захотели уходить из родных мест. К ним даже иногда один из первых тех богов приходит, именем Эйреми.

Последний раз три года назад приходил, летом. Я его не видел. Отец Целестин, помнишь, как ночью в июле тогда небо сияло?

И тут монах вспомнил одно из странных событий июля 847 года, начавшееся с обычной вроде летней грозы. Ещё вечером с запада, от моря, стала надвигаться необычная туча – огромная, плотная масса серых, местами в разрывах подцвеченных розовым облаков накатывалась удивительно быстро. В Вадхейме решили, что идёт сильный шторм, но, когда небо над фьордом полностью закрылось тугим клубящимся туманом, ни единый порыв ветра не пошевелил листья на деревьях, но все видели – наверху, в небесах, неистовствовала чудовищная буря. Облака плыли дальше, на восток, и, когда солнце окончательно скрылось за горизонтом, хлынул проливной дождь и сверкнули первые молнии. Грохотало ужасно, от молний ночь превратилась в день: разряды сыпали почти непрерывно, но постепенно дождь ослабевал. Было далеко за полночь, когда отец Целестин выглянул за дверь, – такая затяжная гроза необычна в Норвегии. Его взгляд привлекло нечто непонятное далеко в горах, на северо-востоке, там, где гора Хартайген: среди блистающих молний глаз ясно различал поднимающийся от земли столб белого пламени, разгоравшийся всё ярче и ярче. Вскоре переливающийся вдали огненный столб вырос настолько, что упёрся в тучи, отчего те внезапно стали мертвенно-бледными.

И вдруг ударило так, что перепуганному явленным зрелищем святому отцу показалось, будто расколосось небо: разрывающий уши рев пришёл от гор, возрастая подобно катящейся на берег огромной яростной волне, – казалось, дрогнула сама земля. Монах шептал молитвы, обращённые, естественно, ко всем святым, дабы те изгнали разбушевавшихся, вопящих бесов, но они явно пренебрегали своими обязанностями, и в небе над горами по-прежнему творилось буйство стихий, не подвластных никому. И тут, достигнув предельной силы и злобы, торжествующий рёв бесов стал угасать, цвет неба сменился с белого на жёлтый, потом на солнечно-оранжевый, и отец Целестин был готов поклясться, что увидел в исчезающем мерцании призрачный силуэт взмывающего в небо всадника. Видение было кратким, мимолётным, но ведь было! Гроза же продолжалась до утра.

С утра пораньше из капища явился годи и, преисполнившись религиозного пыла, стал нараспев дурным голосом выкрикивать на редкость неудачно сложенные языческие вирши про бога Одина, посетившего минувшей ночью Вадхейм, и валькирий его, кои носились по небу и метали молнии. От жреца сильно пахло, и запах сей был знаком отцу Целестину не понаслышке... Не одобрявший сказки про толстых голых тёток, летающих по воздуху (это же надо такое безобразие придумать!), монах и слушать его не стал, а сам на всякий случай записал про ночную историю в свою хронику и отслужил для собственного успокоения мессу в честь избавления Вадхейма от дьявольского наваждения. Мысли о том, что все святые к сему избавлению явно непричастны, у него не возникало.

И вот теперь выясняется, что приходил тогда в скандинавские горы какой-то Эйреми из рода древних богов, что постарше Одина. Так мало того, ещё и отрицать этот упрямый факт никак нельзя – ведь ясно же был виден всадник на огромном коне! Вот и уверуешь после такого в языческих богов, отец Целестин!

– Они тебе сами про этого бога сказали? – слабым голосом спросил у Видгара монах и единым духом выпил то, что ещё оставалось в его кружке.

Голова шла кругом от таких кошмаров. «Ну кто меня из Константинополя, спрашивается, гнал? – думал монах. – Жил бы себе тихо и не думал бы о том, что в девятом веке от Рождества Христова ещё могут твориться такие страсти».

– Сами, – кивнул Видгар. – Он к ним редко приходит, по нашим понятиям. А этим айфар, считай, без разницы сотня лет или десять сотен, – они-то бессмертные.

– Так они что, с тобой на людском языке говорили?

– Ага. Они его хорошо знают. Айфар иногда ходят днём тут, в Вадхейме, только мы их не видим.

Отец Целестин после этих слов тихо ругнулся и подозрительно оглядел горницу, словно ожидая увидеть с десятков призраков, сидящих, свесив ноги, на потолочных балках. Добрые они там или злые, но кто их знает, ещё запустят чем-нибудь... Вон, все стены оружием увешаны.

– А поговорить с ними можно? Узнать, где та Дверь в Мидденгард, про которую Хельги говорил? – Торир задал самый насущный вопрос. – И про штуку эту спросить, что нам отыскать надо.

– Не знаю. Я их давно не видел. С тех пор как... – Видгар выразительно посмотрел на отца Целестина, мигом принявшего образ воплощённой невинности. – Ну, в общем, уже год, считай, я к Зубу Фафнира не ходил, да и айфар просили чужим про них не говорить.

– Ну я-то, как-никак, тебе не чужой, – прервал его Торир. – Да и отец Целестин во всём этом тоже интерес имеет. Так что, Видгар, ступай-ка ты к камню да спроси лесных духов, можем ли мы к ним прийти. Этой же ночью ступай. Остальное потом решать будем.

Монах хотел было запротестовать. Ну, во-первых, интерес у него ко всему происходящему исключительно естествоиспытательский, и, во-вторых, он считал, что нечего связываться с силами не от мира сего. Но почему-то святой отец сдержался – увидим, что там эти айфар наговорят: может, ещё и не придётся никуда уезжать из Вадхейма.

Он подлил себе пива и краем глаза покосился на сидевшую в тени Сигню. Та за весь разговор и слова не проронила, но слушала внимательно – эвон как глаза горят. Надо будет сегодня ей почитать что-нибудь из Евангелий, дабы отвадить от языческих искушений. Мала она ещё и в вере не вельми стойка. Правда, девица добропорядочная, насколько это возможно для норманнки.

Тут полог отодвинулся, и вошла Саннгрид, за ней следовали две дочери Торира, одну из которых он уже хотел отдать весной замуж.

– Хельги умер, – коротко грудным, глубоким голосом сообщила жена конунга. – Я послала за годи, надо тризну готовить, Торир.

– Пойдём, Сигню. – Отец Целестин поднялся и набросил плащ. У него не было никакого желания участвовать в языческой тризне и тем более – встречаться со жрецом, с которым у монаха были постоянные разногласия идеологического характера. – Торир, если я понадобится, то я дома весь день. И скажи своим рабам, чтобы дров принесли – у меня совсем мало осталось, а в доме холодно.

Конунг и Видгар проводили отца Целестина до двери, и слуга Господен, щурясь от сияющего на солнце снега, направился вниз по склону холма.

Теперь он уж и не знал, во что верить. Фантастические легенды становились реальностью.

* * *

За всеми утренними событиями отец Целестин едва не позабыл, что сегодня всё-таки Рождество. Придя к себе, он дождался, пока Сигню, добровольно принявшая на себя обязанности по уходу за старым холостяком, приготовит какую-никакую еду, и, подкрепившись, отслужил праздничную мессу, стараясь забыть обо всём услышанном в доме конунга. Хрустальным ручьём лились латинские перепевы, курился ладан, заполняя небольшое помещение сладким голубым дымом, Сигню тонким красивым голосом подхватывала псалмы Давидовы и читала строки из Евангелия от Матфея. Огромная, толстая Библия, которая, как явствовало из надписи на титульном листе, была переписана монахами со святой горы Афон, лежала на специально сделанной Видгаром стойке перед импровизированным алтарём, и отец Целестин с головой ушёл в сладостные воспоминания о своей молодости. Где ты, Италия? Кто сейчас занимает место аббата в обители св. Элеутерия? Как восхитительны были времена, когда над озером Браччано разносился гул медного колокола и святая братия собиралась к заутрене в монастырской церкви. Горячее средиземноморское солнце, холмы с виноградными лозами,

красное вино и нежная баранина на ужин... И никаких тебе бородатых хамов-норманнов с их дурацкими сказками!

Оставшуюся часть дня отец Целестин и Сигню-Мария провели за чтением преинтереснейших сочинений блаженного Августина, книга с духовными текстами коего оказалась среди рукописей, привезённых Халльвардом из похода в Британию. Уже вечером монах отпустил Сигню домой и решил пораньше лечь спать, будучи уверенным, что сделал сегодня для спасения своей души более чем достаточно. Он стянул рясу (как и встарь, белую, из льняной ткани), оставшись в одной рубашке, – натоплено было жарко. Посмотревшись в серебряное блюдо, иногда служившее зеркалом, отец Целестин с неудовольствием отметил у себя появление четвёртого уже подбородка. Что ж, склонность к полноте у него была всегда. Вытащив малюсенький, словно игрушечный, но очень острый кинжал, используемый в качестве бритвы, монах привёл себя в порядок, подумав, что надо бы завтра попросить Видгара как следует выбрать на макушке тонзуру... Стоп. Видгар.

Иисусе! Он же должен сегодня вечером сходить туда, в лес. К этим айфар, или как их там. Ох, спаси и сохрани нас всех, Господи! Что за силы живут в лесах Норвегии?

Глубокой ночью, когда отец Целестин крепко спал, двое людей, в руке одного из которых горел факел, подошли к двери его домика и вошли внутрь, сразу же запалив лучину.

– Разбуди сам, – сказал Видгар Ториру, помня утреннюю оплеуху: что и говорить, рука у святого отца тяжёлая, но конунгу удалось растормошить его без каких-либо последствий для своего здоровья.

– Спаси нас, Господи, от ярости норманнов!! – возопил отец Целестин, всплывая из-под мехового одеяла аки кит из волн морских. – Ни днём ни ночью мне от вас покоя нет! Ну, кому на этот раз приспичило уйти в мир иной с моей помощью?!

– Не о том речь. Видгар сказал, что нас зовут. Одевайся, мы идём к Зубу Фафнира.

Монаха как пружиной подбросило.

Темны зимние ночи на севере. Тусклый свет одинокого факела разгонял тьму лишь на несколько шагов, на покрытых снегом елях плясали тени, а где-то в самых глубинах чащи скрипели старые деревья. Луна скрылась за скалами, окружавшими фьорд, только звёздная сеть горела в чёрных небесах. При чистом небе всегда сильно подмораживает, и ещё на полпути отец Целестин совершенно продрог. В отдалении раздался волчий вой – вначале в один голос, а потом прибавилось ещё несколько. «Да, ночка что надо. А если вспомнить, куда мы идём, – думал монах, – то для полного удовольствия ещё только ведьм да валькирий с великанами недостаёт. Не нравится мне всё это, клянусь спасением души!»

Как оказалось, Видгар отправился в лес почти сразу после того, как окончательно стемнело. Бродил долго, так как лесные духи айфар не появлялись, и только после восхода луны он сумел увидеть на знакомой уже поляне золотой туман и знакомые силуэты. В чём состояла беседа, он не изволил рассказать, но час назад Видгар ворвался в дом конунга, где всю шумела тризна по Хельги. Торир, выслушав племянника, мгновенно протрезвел, насколько это (учитывая количество выпитого) было возможно, и они уже вдвоём отправились за отцом Целестином.

Ни оба норманна, ни монах не заметили, что по их следу идёт некто закутанный по самые глаза в шубу.

Прогалина с гранитным камнем в центре находилась в неглубокой, но скрытой от глаз ложбине меж двух холмов, поросших соснами и столетними, высоченными елями. Видгар ориентировался в лесу прекрасно, но идти мешал очень глубокий снег, и, в придачу ко всем неприятностям, в сапоги отца Целестина набилось его более чем достаточно. Монах, конечно, видел, как ходят на лыжах зимой охотники, но сам на них никогда не вставал, а сейчас жалел, что ни разу не пробовал освоить эти две доски – оченьгодились бы. Но, в который раз продравшись через очередные кусты, он увидел, что лес расступился, и в лицо ударила волна тепла.

Поляна словно была накрыта золотистым прозрачным куполом. Нет, это был не туман: стало ясно, что свет не существует сам по себе, он просто являлся ореолом, своего рода нимбом, окружавшим лесных духов, и рождён был именно ими.

– Идём же, отец Целестин, – благоговейным шёпотом произнёс Видгар и потянул монаха за плащ.

Тот решился и несмело шагнул внутрь купола, словно опасаясь о него обжечься. Торир, что-то рыкнув в бороду, кинулся за ними, как ныряльщик в холодную воду, – это где ж видано, чтоб толстяк-ромей шёл впереди конунга Вадхейма!

Первое, чему поразился отец Целестин, так это отсутствию снега. Под ногами была земля. Сухая, с пожухлой прошлогодней травой, но земля. И даже сквозь кожаные на меховой подкладке сапоги он чувствовал, что эта земля *тёплая*. По телу замёрзшего монаха разлилось блаженное, восхитительное тепло, словно и не январская ночь стояла над Норвегией. Он с изумлением отметил, что может явственно различить все детали одежды Видгара и Торира, – свет был достаточно сильным, как в сумерки летом, когда солнце ещё не скрылось в океане. Возвышавшийся на два человеческих роста тёмно-красный гранитный камень отчего-то превратился в сказочный по красоте кристалл – по нему, оставляя извилистый огненный след, проскакивали синие и белые искры, змеились тоненькие струйки пламени, – казалось, он стал прозрачным ульем, в котором живут тысячи светляков. От такого зрелища у отца Целестина зарябило в глазах. В этот момент в его сознании зазвучал голос, говоривший на языке норманнов. Негромкий, уверенный и спокойный голос, принадлежащий молодому мужчине. Слух не работал – звуки воспринимались всем существом человека, наверно его душой...

– Я приветствую тебя, слуга Вечного Бога, и тебя, Торир, король людей, и тебя, Видгар. Один из вас знает, что страшиться нас не надобно, и я прошу следовать его примеру. Моё имя на вашем языке произносят так: Гладсхейм. Можете называть меня именно так. Что вы хотели спросить у нас?

Отец Целестин осторожно, словно боясь чего-то, поднял глаза и увидел перед собой человека. И всё бы в нём было ничего, если бы не... не... ну прозрачный он был, попросту говоря. Если же отвлечься от этого неприятного обстоятельства, то можно сказать, что ростом он превосходил каждого из троих людей, даже отца Целестина, хотя монах был среди них самым длинным. Чёрные, наверно, волосы до плеч схвачены таким же прозрачным ремешком, одежда белая, длинная, перетянута явно золотым, великолепнойковки, поясом. Непонятным оставалось то, как же и золото, что не старится со временем, эти духи сумели сделать таким же, как и они сами. Лицом Гладсхейм был молод – больше двадцати пяти лет и не дашь, а вот глаза... Будто бы две ярко-синие звезды поселились в их глубине и посылали оттуда свои лучи, словно два лепестка южного, насыщенного цветом неба явились потерявшему дар речи монаху.

Нет, существо с такими глазами не может быть плохим или злым. Сатанинских козней здесь бояться не нужно.

– Ты хочешь спросить, почему и золото бесплотно на поясе моём? – усмехнулся голос. – Нам позволено принимать любые формы и надевать любые одежды. В нас сохранился этот изначальный дар – считай, что пояс мой тебе просто кажется, если тебе так легче.

Эге, они ещё и мысли читают. Надо держать ухо востро!

– Нет, мысли твои, человек, от меня сокрыты. Ведь ты об этом подумал? Я лишь видел, как ты смотрел на меня. Я слышу тебя, только если ты хочешь обратиться ко мне. А ты этого хочешь. Говори же, что тебе нужно узнать.

И, запинаясь, отец Целестин задал терзавший его уже давно вопрос:

– Кто ты? Кто вы все? – За спиной того, кто назвался Гладсхеймом, стояли ещё несколько мужчин и женщин, похожих на него и столь же прекрасных...

– Мы – Первые, – последовал ответ. – Мы жили на землях сих всегда и будем жить всегда до того дня, когда боги изменят мир.

– До Рагнарёка? – спросил Торир, преодолев оцепенение.

– *Вы зовёте это Рагнарёком, иные народы – по-другому.*

– Сколько же вам лет? – осведомился отец Целестин и тут сообразил, что вопрос был по меньшей мере глуп. Но ему ответили:

– *А как ты думаешь, сколько лет земле, по которой ты ходишь? Нам не намного меньше. По счёту людей – больше четырнадцати тысяч, но мы считаем время иначе.*

От услышанного у монаха перехватило дух. Уж лучше бы лесные духи по-прежнему говорили загадками, не называя точных дат, – спокойнее было бы!

– Ты говоришь, боги изменяют мир. Но ведь они уже делали это. Где сейчас наши и ваши соплеменники? Куда ушли они? Как их отыскать? – Торир не любил бесед на отвлечённые темы – он жил сегодняшним днём и жаждал действия.

– *Верно, – рек Гладсхейм. – Мир преобразался не единожды. Впервые – ещё до того, как появился наш народ и поднялось солнце. Затем ещё трижды, и это уже на нашей памяти: когда была война с Потерявшим Имя – о нём вам не нужно знать много, то был великий дух, павший в гордыне своей и злобе; второй раз, когда остров людей был низвергнут в пучины по воле Эйра; и в третий раз, когда Эйра разделил Мир Единый на два мира и землю пограничную, оставив единственные Врата меж ними. Все, о ком ты хочешь знать, там.*

– Где эти Врата?

– *На западе. Как найти их – то мне неведомо. Отправляйтесь в земли за великим океаном и, коли хотите успеть, поспешите.*

– Знаешь ли ты о той вещи, что способна открыть путь между мирами?

– *Она существует, но что она и как выглядит – не знаю. Слышал, что сия драгоценность где-то близ Двери, но с той или иной стороны её – неизвестно. Ещё знаю, что владел ею твой, конунг, предок, приведший свой народ в Мидденгард после второго изменения мира, посему вещь эта – твоя. Ици.*

– Как? Скажите хотя бы, где находится Дверь?

Гладсхейм ненадолго задумался, затем молвил:

– *Думается мне, это в лесах близ восточного взморья той земли за океаном. Один рек нам, что есть там гранитная скала огромной величины, её и найдите. Далее же Видгар подскажет тебе, ибо в нём кровь древнего народа говорит сильнее, чем в тебе, конунг.*

– Кто-о-о говорил вам о скале? – вытаращил глаза отец Целестин, надеясь, что всё-таки ослышался.

– *Один. Так здесь называют этого духа. Случается, он приходит и к нам. Он не склонен ко злу и много странствует.*

«Господи, укрепи меня!» – подумал отец Целестин. После такого сообщения он не удивился бы, узнав, что, допустим, вечер в гости к айфар забрёл архангел Гавриил и пива испил – так, по-дружески.

– Расскажите о себе хоть что-нибудь! – взмолился монах: знакомое чувство предвкушения новых, необыкновенных знаний вновь завладело им.

– *Вы узнали всё, что хотели. Теперь уходите, – холодно погасил разгоревшееся было любопытство святого отца Гладсхейм. – И не забудьте о девушке, что прячется за стволом старой берёзы. Она совсем замёрзла, войти же в круг не решается. Прощайте!*

Мгновенно отца Целестина окутали холод и темнота. Духи лесные исчезли, а с ними пропали свет и тепло, словно и не было их здесь вовсе.

Торир попытался высечь искры, чтобы снова зажечь факел, сопровождая сие выражениями, которых монахам ордена святого Бенедикта не то что знать – слушать было не положено, но отец Целестин только рукой махнул. Видгар, видевший в темноте как кошка, кинулся к берёзе в дальнем конце поляны и вытащил из-за ствола упирающуюся и дрожащую от холода Сигню-Марию.

– Что ты здесь делаешь? – гневно кричал Видгар. – Подслушиваешь, да? – Он занёс руку, но не для удара, а так, для вида, засмеялся и потащил Сигню к зажённому наконец факел Ториру.

– Вот. Она подслушивала! – наябедничал Видгар, хотя и так всё было ясно. Шапка на Сигню сбилась набок, высвободив длинные тёмные волосы. Девушка действительно сильно замёрзла и к тому же была несколько напугана увиденным, но старалась держаться твёрдо.

– Да, подслушивала! – выкрикнула она, откинув с лица волосы. – Я давно знала, куда Видгар по ночам ходит, только показаться этим... – она покосилась на едва заметный во тьме камень, – не хотела.

– Ну что ж теперь ругать её, – вздохнул отец Целестин. – Пойдём домой, дочь неразумная, не то и вовсе заледенеешь.

И они отправились восвояси через казавшийся теперь ещё более тёмным и холодным зимний лес.

С младенчества воспитанный на христианских догмах, отец Целестин буквально разрывался надвое: бесспорно, Бог – Бог с большой буквы, тот самый, что дал скрижали Моисею и послал на землю Своего сына во искупление грехов людских – этот Бог есть! Но откуда те странные и могучие силы, правящие миром? Оказывается, прямо здесь, в лесу, можно запросто повстречать Одина или прекрасного и грозного духа, взмывающего в небеса на белом коне, – жаль, не догадался спросить у айфар про него подробнее. Хотя они всё одно бы не ответили...

Торир в мечтах уже шёл в великий поход на запад, на поиски волшебной Двери богов. Найти бы её, и тогда... Что будет тогда, он не знал, но чувствовал: произойдёт нечто важное.

Видгар, как обычно, держался спокойно, ничем не выдавая своих переживаний, а Сигню, поддерживаемая им под руку, перебираясь через буреломы и сугробы, угрюмо молчала в предвкушении воспитательной и душеспасительной беседы с отцом Целестином.

Ночь постепенно уходила на запад. С глухим шорохом падал с огромных еловых лап наметённый на них снег, нарушая плотную тишину предутреннего леса. Наконец откуда-то справа чуть потянуло дымком. Преодолев последний подъём, Торир саданул кулаком по воротам ограды, и все четверо разошлись по домам досыпать остаток ночи. Торир только пробурчал монаху: «Обо всём поговорим после. Тогда и будем всё решать».

Хотя сказать «Все разошлись по домам» было бы неправильно. Монах словно стальным обручем сдавил руку Сигню-Марии, и как та не отнекивалась и не упиралась, привёл к себе. Затем последовала длительная, однако же не очень пылкая проповедь, смысл коей заключался в том, что всё виденное – бесовское наваждение и что ей, как истинной христианке, не следует внимать рассказам обо всяких там «древних богах»; что лукавый дух нарочно вводит в искушение неопытные души, пытаясь погубить их, ну и так далее.

Между прочим, говоря всё это и потрясая для наглядности то крестом, то Евангелием, отец Целестин впервые в жизни сам себе не верил. Сигню же сидела, отрешённо глядя куда-то в угол, пропускающая мимо ушей низвергавшийся на неё поток красноречия, – пускай себе заливается...

Наконец отец Целестин отвёл душу, эффектно завершив свою лекцию цитатой из Евангелия, повествующей о том, что не следует говорить лишнего, уподобляясь язычникам. Собственно, так и получилось: «в многословии своём» монах «услышан не был»⁶, ибо узрел, что его возлюбленная духовная дочь невозмутимо уснула в уголке и все старания пропали даром. Богомерзко высказавшись вполголоса, отец Целестин задул свечи и, не вспомнив даже о вечерней молитве, рухнул, уподобясь мешку с сеном, на своё ложе, решив отложить все проблемы

---

⁶ Матфей, 6, 7 (дословно: «А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своём будут услышаны»).

на другой день. Он мгновенно провалился в сон, в самый последний момент успев подумать о том, что забыл поужинать...

1 Матфей, 6, 7 (дословно: «А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своём будут услышаны»).

Глава 4

Белая гроза

Но ни на следующий день, ни через два, ни через неделю так ничего решено и не было. Торир ходил мрачный, как февральское небо, а отца Целестина попросту избегал – назойливые вопросы монаха вроде: «Так куда нам плыть? Так будем *это* искать?» – конунгу несказанно надоели, а где-то в начале февраля на совете у конунга (куда отец Целестин пробился едва не силой) на вопросы Халльварда и других воевод: «Куда пойдём летом – скоро лед начнёт сходить?» – только потёр бороду, махнул рукой да как-то невнятно прогудел, что «там, мол, видно будет» и «я ещё подумаю».

Отец Целестин уловил быстрый взгляд Видгара, брошенный на дядю, и ответный взгляд Торира. Так. Ясно. Похоже, они решились. Только вот на что? И почему о своём решении не сообщили монаху? Ходят оба словно пива в рот набравши! А отец Целестин, как-никак, непосредственный участник и свидетель всех наистраннейших событий, происшедших за последние дни. Ну да иначе как безумством, возможно, предстоящий поход не назовёшь. Видгар тоже хорош! Уж он-то мог бы посвятить монаха в его с Ториром планы – в столь необычном деле без помощи священника совсем никуда!

Но оба норманна упорно не желали ничего сообщать святому отцу, а отчего – совершенно непонятно. Отец Целестин только сокрушённо вздыхал да сверлил взглядом изредка заходившего в гости Видгара, но тот уклонялся от любых вопросов и лишь шепнул однажды, что всё будет окончательно решено в марте, когда сойдёт лед. Монах же пока изнывал от скуки и сколь мог усердствовал в наставлении на путь истинный Сигню-Марии, стараясь делом доказать, что невежественную норманнскую деву вполне возможно превратить в образцовую христианку. Кто другой сбежал бы, не выдержав его заушных нравоучений и постоянных епитимий (порой отец Целестин прикидывал, сможет ли он сам выдержать эдакую епитимью...), а если учесть всю работу по дому, которую выполняла хрупкая девушка, то Сигню-Марию можно было бы смело причислить если не к лику ангелов, то точно к великомученицам.

А Вадхейм жил своей обычной жизнью. Разнообразным и полным развлечений бытие норманнов зимой не назовёшь – холодно, снег кругом, силу молодецкую девать некуда, а обучение мальчишек, охоту, починку оружия и рыболовных сетей да прочие необходимые, но нудные работы полезным времяпрепровождением для викингов уж никак не назовёшь. Мужчины с нетерпением ждали лета, ждали богатых франкских и германских городов, ждали настоящего дела. Велись бесконечные споры и пересуды – куда на этот раз направит свои дракары Торир, а некоторые дружинники с надеждой посматривали в сторону чинно прогуливавшегося отца Целестина. Даст Один – так и в Багдад отправимся! Разговоры про путешествие на Восток велись уже не первый год, и большинство надежд возлагалось именно на монаха – сам ведь южанин, да и, сказывают, бывал в тех местах. Но отец Целестин бродил мрачный, будто грозовая туча, и сердитое выражение его лица могло насмерть перепугать самого дикого германца из Мюркvida. Норманна же продолжали яростно спорить, гадая, куда же дракары Торира из Вадхейма направятся грядущим летом.

От скуки монах даже пару раз заглянул в капище – пофилософствовать с боги, но их принципиальные расхождения во взглядах на мир, а особо личная неприязнь друг к другу до добра не довели. Схоластический спор в один прекрасный момент закончился тем, что оба святых отца попросту передрались – у жреца был выдран клочок бороды, а отец Целестин удостоился великолепного синяка под глазом: кулак у ведуна был не из слабых. Посмотрев дома на своё отражение в серебряном блюде, отец Целестин с неудовольствием отметил, что глазница приобрела цвет, все оттенки которого могут передать только константинопольские живописцы.

И нечего было с этим дураком связываться – в аду его всё одно припекут черти к сковородке. Вот там мерзкий язычник ответит и за этот синяк тоже!

Ну не жизнь, а одно расстройство!

* * *

Беда свалилась на Вадхейм, как обычно, неожиданно, и погибло бы поселение норманнов в Вадхейм-фьорде со всеми его обитателями, если бы не... Впрочем, обо всём по порядку, как, собственно, и было записано в хронике у отца Целестина.

Во-первых, ни для кого не было секретом, что, имея столь сильную дружину, пять кораблей, да ещё учитывая то обстоятельство, что и храбростью, и умом Торир намного превосходил своих противников, в Вадхейме за долгие годы его правления накопилось немало разных ценностей и диковин, что весьма привлекало разного рода любителей пожить за чужой счёт. Во-вторых, у данов было много причин не любить дружину Торира, которая доставляла прибрежным ленам датским множество неприятностей, чиня разбои и грабежи. Впрочем, было тому объяснение. Отец Целестин однажды выведал у конунга историю его семьи – отца и братьев. Оказывается, у Торира было два брата. Один из них – Харальд, отец Видгара, как уже было известно святому отцу, погиб во Фрисландии, а второй брат, единокровный, но от другой матери (Хлодвиг, отец Торира, женился вторично после смерти первой супруги), был захвачен данами из Скёльдунгов вместе с частью дружины и предан смерти, по счастью не позорной: отцу Целестину был известен сей вид казни, почитавшейся северянами, – именовался он «кровавым орлом». Монах видал однажды, ещё плывая с ярлом Эльгаром, как это делается, и тогда, при виде эдакой жути, понял, что кое в чём норманны превзошли даже палачей императора Нерона – великих искусников в своём ремесле. На спине убиваемого норманны делали мечом или кинжалом два надреза вдоль хребта, так, что ломались рёбра. Потом же грудную клетку раскрывали и вытягивали наружу лёгкие ещё живого человека, и создавалось впечатление, что у него выросли невиданные жуткие крылья. Несколько погодя вырывалось сердце, и лишь после этого наступала смерть.

Прослышав о гибели кровного родича, Торир начал мстить. Прибрежные посёлки и городки, принадлежащие Скёльдунговым ленам, нещадно выжигались, а их население либо истреблялось, либо угонялось в рабство; их корабли вадхеймская дружина грабила и топила, не щадя никого и ничего, а кончилось всё тем, что позапрошлым летом вадхеймцы держали почти трёхмесячную осаду укреплённого поселения Скёльдунгов, но, к сожалению, взять его не смогли, однако все окрестности после ухода норвежцев к себе, на север, очень напоминали выжженную пустыню, какую обычно оставляли за собой орды Аттилы, называемого норманнами и германцами Этцелем.

Торир предполагал, что рано или поздно датчанам надоест терпеть почитай непрерывные разорения от хирдманов Вадхейма и всё это кончится тем, что однажды они попытаются стереть с лица земли и морей человека, причинившего бедствий больше, чем все завоевания Каролингов.

Так, собственно, и произошло...

Почему они выбрали для нападения на Вадхейм именно раннюю весну, а не лето, когда дружина уходила в викинг, непонятно, но, видимо, даны решили отомстить сразу и за всё, желая расправиться с буйными норвежцами прямо в их землях. И другие северяне тогда запомнят, что безнаказанно жечь и разорять вотчины потомков Готфрида, Скёльдунгов, Ильвингов и Аудлингов не позволено никому! Зная, что так просто Вадхейм не возьмёшь (дружина Торира была ой как сильна), датчане на пятнадцати кораблях пристали к берегам возле устья Вадхейм-фьорда – восемь дракаров севернее и семь южнее, – после чего стало очевидно, что численное преимущество явно не на стороне норманнов, приютивших отца Целестина. Сам фьорд

был недлинным – около трёх лиг, и посему обойти поселение по суше и полностью окружить его можно было (считая путь от океанского берега) всего за сутки.

Восемнадцатое и девятнадцатое марта 851 года вошли в историю Вадхейма как самые страшные и невероятные дни.

Первый отряд датчан появился утром восемнадцатого, с юга. Несколько мужчин, ушедших рано утром на охоту, успели добраться до поселения и рассказать Ториру о нескольких сотнях вооружённых людей под знаменами Скёльдунгов и других знатных датских родов, пробирающихся к Вадхейму через леса. Ворота были немедленно закрыты, всё мужское население взялось за оружие, и вот к полудню из густого хвойного леса появились отряды врага и остановились у ограды поселения. Спустя несколько часов с севера подошёл ещё один отряд такой же численности, и Торир понял, что Вадхейму конец. Вожди данов собрались к востоку от холма, где стоял Вадхейм, – там красовались их многоцветные флаги, доносились победные возгласы и ржание небольших косматых лошадок. Остальное войско числом до семи сотен полностью окружило поселение, а некоторые отряды поначалу даже решились пробиться к гавани Вадхейма и дракарам Торира, но несколько десятков воинов под водительством Халльварда преградили путь в селение.

По той причине, что городьба поселения входила в воду, покрытую ныне льдом, шагов на сорок от правого и левого берегов фьорда, два отряда датчан пробрались вдоль частокола к проёму, в который обычно входили дракары Торира, и, видя, что широкое неогороженное пространство охраняют не больше трёх десятков вадхеймских дружинников, ломанулись очертя голову прямо на их копья, надеясь задавить числом. Умница Халльвард не зря заслужил доверие своего конунга: приказав своим отступить по льду и впустить датчан внутрь ограждения, он выждал, когда десятки воинов датских под знаменем с изображением поднявшегося на дыбы льва выйдут на лёд, преследуя «бегущих» хирдманов Торира, а затем пустил в дело две маленькие рати, незаметно державшиеся у самого прохода, ведущего в гавань. Оба вадхеймских отряда, ударив вдоль городьбы, соединились в единый кулак, закрывший собой свободное от частокола пространство, а с берегов фьорда по датскому строю хлестнул дождь самострельных и лучных стрел. Пришлецы оказались в клещах – прорваться обратно за ограду они уже не могли, ибо вадхеймцы, выстроив хирд, неодолимой стеной встали на пути к отступлению, но и вперёд двигаться тоже стало невозможно. А после того как Халльвард и его сыновья во главе отборного отряда воинов, прикрываемых со всех сторон рядами лучников, ударили по уже смешавшемуся из-за непрерывного обстрела строю датчан, стало ясно, что все захватчики, решившиеся с налёту взять посёлок столь малыми силами, обречены. С лязгом столкнулись круглые щиты, даны медленно отступали, огрызаясь короткими выпадами, но в этот момент хирд, закрывший собой выход из посёлка, тоже двинулся на них. Вскипела короткая, но кровопролитная схватка, звон мечей с новой силой наполнил холодный утренний воздух. Датчанам пришлось драться в полном окружении, и, поняв, что гибель теперь неизбежна, отбивались они отчаянно, с яростью бьёрсерков...

Маленькая и быстрая победа пусть и не принесла особого перевеса в силах, но всё-таки это была победа!

Вадхейм гудел, как пчелиный улей. Отец Целестин, в панике бегавший по посёлку, мог наблюдать, как любая женщина, старик или подросток с суровыми лицами шли к ограде. Почитай у каждого на боку висел меч, женщины да девицы в руках держали небольшие самострелы. Отдавали быстрые, чёткие приказы бывалые воины – никакого беспорядка не наблюдалось, была лишь яростная решимость отстоять родной посёлок да уверенность, что если и не быть победе, то смерть в бою – достойный удел. А бой предстоял страшный. По подсчетам Торира, под стенами Вадхейма стояло свыше семидесяти десятков данов, и для каждого война была хлебом и жизнью. Судя по всему, намерения у их вождей были самые серьёзные... И это против двухсот дружинников Торира, если не считать женщин и стариков.

Конунг прекрасно понимал, что отбиться почти невозможно. Стены у посёлка не крепостные – деревянные колья, вбитые в землю; ворота не железные, а против этакой силищи без помощи Одина не выстоять. Будем драться до конца, до последнего человека. Только вот что нужно пришлецам датским? Зачем они явились в Вадхейм? Пока ни послов, ни условий – ничего. Просто встали лагерем у ограды, ибо одолеть с наскоку и овладеть посёлком сразу не вышло, да и долгой осады у них не получится – ранняя весна, припасов много с собой небось не взяли. Значит, будут штурмовать. И произойдёт это очень скоро.

Часа через четыре после полудня из датского лагеря на маленькой гнедой лошади выехал человек в красивой посеребрённой кольчуге и со знаменем с изображением льва. Подъехав вплотную к воротам, он несколько раз протрубил в рожок, висевший на груди, и прокричал:

– Бьёрн Скёльдунг вызывает на переговоры Торира из Вадхейма! Я пришёл говорить, не стреляйте! – На всадника со стен были нацелены десятки луков и самострелов.

Торир поднялся на стену. Русые с сединой волосы выются по ветру, лицо каменное, клёпки на кожаной куртке сверкают на весеннем солнце, на боку короткий и широкий меч – вождь-воитель. Видгар, с горящими глазами, позади, рука эфес меча сжимает, Халльвард рядом, всегда готов своею грудью конунга от стрелы врага прикрыть. Отец Целестин тут же. Боязно монаху, но всё-таки положение обязывает, да и чего бояться пока одинокого всадника?

– Ну я Торир! – звучно пробасил конунг. – Чего тебе нужно, Бьёрн?

Датчанин смерил конунга пристальным и, как показалось, чуть насмешливым взглядом, явно осознавая своё превосходство, и провозгласил:

– Ежели ты и есть Торир из Вадхейма – разбойник и грабитель, – то трепещи! Ибо я, Бьёрн Скёльдунг, пришёл потребовать по праву возмещения урона, чинимого твоею дружиной прошлыми годами, и дабы обезопасить земли датские от твоих набегов впредь! Коли проявишь ты благоразумие и согласен будешь на условия наши, то обещаю я жизнь всем, кто сложит оружие и покорится власти конунга Скёльдунга, ибо отныне он будет повелевать вами. Требуем мы также виру за потери наши от набегов дружины твоей, Торир: золотом, сколько возьмём, да двумя сотнями рабов, да ещё отдашь ты нам две своих ладьи. И клятву принесёшь, что впредь дружину твою с датских берегов не увидят более, а если и увидят, то только под стягами Скёльдунгов. Иначе же и Вадхейм, и воины, и все жители его познают тяжесть гнева и меча датчан!

Во время всей этой напыщенной речи Торир стоял спокойно, словно не слыша того, что говорил Бьёрн, а только злобно порывкивал что-то для прочих неразборчивое. И так было понятно, что для гордого норманнского конунга условия, выставленные данами, неприемлемы, но так же ясно можно было понять, что за спиной Торира стоят семьсот человек, из коих настоящему могут защитить себя в предстоящем бою лишь мужчины-викинги.

Ну нет! Мы ещё посмотрим, чья возьмет!

В ответ на слова Бьёрна Торир разразился таким градом проклятий и самой чёрной брани, что конёк дана аж присел на задние ноги, а сам датчанин, словно и не ожидая услышать что-либо другое, дёрнул повод, подняв коня на дыбы.

– А теперь слушай меня, Бьёрн из рода Скёльдунгов! Ты, паршивый пес, должен помнить, что две зимы назад моя дружина держала в осаде твоё поселение и ни ты, ни кто-либо из твоих людей не смели высунуть носа за частокол, зная, что наши клинки воздадут по заслугам тем, кто повинен в смерти моего брата, сына Хлодвига!

Бьёрн ухмыльнулся:

– А, так вот в чём причина всех чинимых тобою непотребств! Я и раньше догадывался, что смерть этого щенка, не достойного носить меч, вызвала у тебя мстительные чувства. Поверь, я нисколько не жалею, что отправил его к праотцам, – одним разбойником меньше! Тебя ждёт такая же участь, только я не буду пачкать свой клинок, вырезая тебе красного орла. Ты умрёшь иначе...

– А не отправишься ли ты к Хель, ублюдок?! – прорычал Торир. – Как бы не пришлось тебе после этой нашей встречи вечно вариться в желудке Фенрира, проклиная тот день, когда боги привели тебя под стены Вадхейма! Убирайся, нам не о чем говорить!..

Лицо Бьёрна перекосила злобная гримаса, и он поскакал к своим. В тот же момент стены Вадхейма были осыпаны градом лучных и арбалетных стрел. Ещё через несколько мгновений начался первый штурм.

Солнце клонилось к закату.

Похоже, нетерпение данов было чрезмерным, и первый приступ они устроили не с рассветом, как это делают все нормальные люди, а немедленно – теперь, когда вечерние тени всё больше и больше удлинялись.

Главный удар, как и ожидалось, два крупных отряда врага вновь нанесли в самое слабое место – туда, где у самой кромки фьорда заканчивалась деревянная ограда поселения и где по ещё крепкому льду можно было прорваться к стоящим на брёвнах дракарам и сразу выйти за ограду, внутрь Вадхейма. Обе стороны – северную и южную – охраняли крепкие и испытанные дружинники Халльварда. Сам же Торир с остальными воеводами находился по-прежнему у главных ворот.

Бой у гавани закипел жестокий. Даны пытались по льду подойти к берегу, колья бревенчатой ограды окрасились кровью как защитников, так и осаждающих, воздух наполнили боевые кличи и звон стали, и тут была явлена первая милость богов: под отрядом датчан, пытавшихся вломиться в посёлок прямо по льду фьорда, подтаявшая ледяная корка треснула, и они, барахтаясь в пусть неглубокой, но смертельно холодной воде, оказались под не знающими промаха стрелами и копьями вадхеймцев. На сей раз мечи обнажать не пришлось.

Успевшие выбраться на крепкую кромку даны бежали на берег, а у северного края частокола викинги уже бились жестоко и беспощадно с врагом, устилая своими телами и телами датчан прибрежный лёд, ставший из серебряного кроваво-красным.

Смеркалось. На стены Вадхейма шли всё новые и новые десятки врагов. Сигню не ставалась с самострелом, а Видгар успел напоить свой меч кровью уже не одного дана. Колыхались в сумерках знамёна со львами, во вражеском лагере раздавались невнятные крики; даны свалили толстенную ель, обрубили ветви и уже хотели использовать бревно как таран и выломать ворота, но ранняя северная ночь опустилась быстрее, чем пришельцы с юга успели опробовать своё страшное оружие. У стен ещё кипел бой: пошли в ход заранее приготовленные приставные лестницы; летели горящие, обмотанные паклей со смолой стрелы, и вот уже несколько домов занялись пожирающим податливое дерево пламенем. Щёлкали самострелы, гудели тетивы луков вадхеймцев, с той стороны стены слышались проклятия и крики боли... За частокол не прорвался никто, но страшный, безмолвный ряд тел жителей посёлка у мужского дома, куда отгаскивали убитых, неумолимо рос.

Вадхейм нёс потери. Тяжёлые потери: среди убитых стрелами и мечами данов были и воины дружины, и женщины, что тоже пришли на стены защищать родной посёлок, и подростки, почти дети, знавшие, что в случае поражения их ждёт либо позорная смерть, либо рабство...

Отец Целестин молился. Истоиво. Он обращался к Иисусу, Деве Марии, Святому Духу, всем святым, прося их об одном – спасти и сохранить от гибели Вадхейм! Пока что небеса внимали монаху. Сумерки сгущались неумолимо, в лагере данов зажглись костры, да и битвенный пыл датских воинов погас. Но ведь есть ещё и завтрашний день, и он должен был всё решить. А решение это было отнюдь не в пользу Вадхейма. Все – от мала до велика – понимали, что посёлок против неодолимой силы не продержится, принять же условия Бьёрна не согласился бы ни один подданный конунга Торира. Значит, надо одолеть не силой. А вот как? Как? У Торира был ответ на этот вопрос.

Штурм с наступлением темноты затих. И тогда Торир, не забыв выставить не один десяток часовых, собрал совет. Станный совет. На нём присутствовали только сам конунг, отец Целестин, Видгар и, как ни странно, Сигню-Мария. Да, на треть Вадхейм был подожжён огненными стрелами данов, да, под стенами посёлка стояла вчетверо превосходящая рать противника, но конунг позвал к себе именно этих людей, а не своих воевод-стурманов во главе с Халльвардом. Он надеялся не на военную силу, а на нечто другое, понимая, что данов мечами не одолеть, а ждать помощи неоткуда... Хотя как же неоткуда?!

Монах изо всех сил бежал наверх, к дому Торира, сопровождаемый громадного роста дружинником – посланцем конунга, заставшим отца Целестина в момент, когда тот в отчаянии разрывал у домика влажную землю. Ничего не соображая с перепугу, монах хотел закопать свои книги, не обращая внимания на тающий снег и на то, что выкопанная им яма медленно, но верно заполняется водой. Бессмысленность сей работы дополнялась ещё и тем, что, если принять во внимание солидные размеры библиотеки, рыть пришлось бы долго, а серебряной тарелкой, коей пользовался отец Целестин вместо лопаты, много не накопаешь. Он увещевал себя, что делать всё это незачем, что у него просто истерика, но... Вадхейм горел, у ограды царил сумятица, слышались крики, и только тогда отец Целестин отвлекся от своих дурацких раскопок, когда норманн потянул его за испачканную глиной рясу и быстро проговорил:

– Иди к конунгу. Зовёт. Давай быстрее, я тебя отведу, – и смерил отца Целестина взглядом, каким обычно глядят на юродивых. Впрочем, судя по внешнему виду монаха, именно так на него и следовало смотреть.

– Тут такие дела, а ты... – укоризненно сказал воин, но святой отец только вытер руки о рясу и довольно резво для своих габаритов припустил по склону холма. Дружинник, посмеиваясь, шествовал рядом.

Уже наверху монах огляделся: близилась полночь, небо было чистым, но свет звёзд мерк перед сполохами десятков костров за частоколом, дотлевали несколько домов в самом посёлке, западный ветерок уносил чёрный дым к горам. Неожиданно у стены раздались вопли и удары мечей – даны сделали короткую вылазку, похоже просто из интереса, и сразу же откатились. В Вадхейме никто не думал ложиться спать; большая часть дружины сосредоточилась у ворот – ждали ночного штурма, так как все видели, что враги готовят таран. Ещё два крупных отряда стояли слева и справа, там, где частокол примыкал к водам фьорда и прорваться было легче всего. А на северном склоне холма Вадхейма полыхал громадный погребальный костёр – этот день унёс жизни более пяти десятков жителей поселения. Отец Целестин внезапно выругался про себя – занимаются всякой ерундой, когда небось полно раненых! Эх, плохо у тебя голова в момент опасности варит, отец Целестин! Тут людям помогать нужно, а ты о книгах думал... А ещё священником считаешься, христианином. Нет, точно епитимью на себя накладывать надо, да, может, вериги у кузнеца попросить выковать, для умерщвления плоти?

В локте от головы монаха в стену дома ударила шальная датская стрела (и какой идиот стреляет по ночам?). Отец Целестин снова ругнулся по латыни. Вот будет тебе завтра «умерщвление плоти» в самом изощрённом виде. Перебьют ведь нас всех, как есть перебьют! Всех, включая кузнеца. Так что и вериги отменяются.

Торир сидел потный, чёрный, всклокоченный, злой – брови к переносью, борода растрёпана, отблеск ненависти в глазах горит. Меч обнажённый на столе. Видгар насуплен, царапина на щеке – стрелой задело вскользь. Сигню, как обычно, в уголке – сидит тише мыши, но вся напряжена, самострел на коленях.

– А, явился! – Торир указал монаху на скамью, приглашая сесть. – Ну, что скажешь, отец Целестин?

Монах только вздохнул, выдавив из себя жалкую улыбку:

– Может, обойдётся? – и сразу же понял, что сморозил глупость.

– Не обойдётся. Своими силами не совладеть, а помощи ждать неоткуда. Если гонца лесом, в Рёдборг, к ярлу Хундингу слать, то посланец за два дня доберётся. Хундинг-то придёт, и с дружиной, но как ни спешить – не успеют. Через лес, да ещё снега таять начали. Придут к пепелищу. Нам не выстоять.

– И что теперь делать? – прошептал монах, проникнувшись пессимистичным настроением конунга.

– Слать человека к айфар, – неожиданно сказал Видгар. – Они помогут.

– Чего-чего? – вытаращился отец Целестин, не веря своим ушам. – Торир, Видгар, вы что, всерьёз? Разум от страха помутился?

– Забываешь, с кем говоришь! – прикрикнул Торир. – Конунги Вадхейма никогда никого и ничего не боялись! И если нужно, я завтра погибну в битве, как и все мы! И не забудь, что и тебя даны тоже не пощадят. Я согласен с Видгаром. Айфар могут помочь. Только от них можно подмоги ждать.

– Но как? – отец Целестин схватился за голову. – Как призрак одолеет воина? И кто к ним отправится? Да и найдёт ли их? А как через лагерь данов пробраться к лесу, вы думали? Как через стену перелезть?

– Тихо! – Конунг хлопнул ладонью по столу, прервав бурную речь святого отца. – Сигню согласилась пойти. И сделает это, хочешь ты того или нет.

Рука отца Целестина сама потянулась к кувшину с пивом, что стоял рядом. Опростав его, монах слегка пришёл в себя и понял, что если есть хоть какой-то шанс, то... Что ж, надо его использовать. Хотя, конечно, ох как не хочется отпускать в лес Сигню, паче что сквозь лагерь данов ей придётся пробираться. А если поймают? Страшно подумать! И, кроме того, никому не ведомо, сможет ли она найти лесных духов... А если и отыщет Гладсхейма, то что он ответит на её просьбу? Руками разведёт? Скажет, что до людских дел ему касания нет? Да и чем бесплотные призраки помочь могут? Но коли другого выхода нет, то...

– Согласен, – медленно наклонил голову монах. – Только надо сделать всё быстро и тихо. Вы небось уже и придумали как?

– Придумали, – согласился Видгар. – Устроим вылазку в лагерь данов, пошумим около ворот, а Сигню через частокол перелезет с другой стороны. Должна пробраться, пока суматоха будет. А там на всё воля богов.

– Бога, – привычно поправил отец Целестин. – Тогда начинаем. – И монах перекрестился.

Сборы заняли совсем немного времени. Торир сразу ушёл к воротам, а отец Целестин, упорно молчавшая всё это время Сигню-Мария и Видгар быстро двинулись к южной части ограды. Казалось, что там костров поменьше, чем в иных местах возле частокола.

Едва скрипнули брёвна, коими закладывали створки ворот, и человек пятьдесят хирдманов Торира с устрашающими воплями рванулись за ограду, как Видгар прислонил к стене захваченный с собой шест, они вдвоём с отцом Целестином подсадили Сигню наверх, и вот она уже уцепилась за заострённые концы брёвен в три человеческих роста высотой.

– Если что, иди потом на север, в Рёдберг-фьорд. Расскажи Хундингу, он отомстит... – донёсся снизу, из темноты, голос Видгара.

В самый последний момент двое у стены услышали только три слова, произнесённых тоненьким, но твёрдым голоском:

– Я вернусь. Ждите.

Неожиданная вылазка вадхеймского хирда данов удивила, но не обескуражила, и сеча у ворот развернулась нешуточная. Воины-датчане стали сбегаться туда со всего лагеря – каждому хотелось погеройствовать, – и в царившей при неверном свете костров неразберихе никто не заметил соскользнувшую со стены девушку, мигом исчезнувшую в зарослях ельника.

Вадхеймцев начали теснить обратно к воротам, и громогласный голос Торира приказал всем отступить внутрь ограды. Ещё немного – и жарко кипевший бой затих так же внезапно,

как и начался, ворота удалось закрыть, а на сгрудившихся возле них данов посыпался сверху, со стены, град стрел, камней и факелов. Они откатились, оставив у входа в Вадхейм три десятка тел своих и с десятков защитников норманнского посёлка в Вадхейм-фьорде.

Над Норвегией стояла тёмная звёздная ночь.

В двух лигах от устья фьорда к уже стоявшим там кораблям с датскими воинами присоединились ещё шесть – некоторые из клана Ильвингов тоже решили принять участие в ратной потехе, а заодно и лишний раз уязвить норвежцев. Ильвинги были уже знакомы с дружиной Торира из Вадхейма. Высадка прошла быстро, а отдалённое неяркое зарево указывало вновь прибывшим захватчикам путь. Вспыхнули факелы, и ещё две с половиной сотни людей, жаждавших крови и поживы, двинулись через ночь по хвойному лесу к обречённому посёлку.

* * *

Ломая тугие ветви, иногда по пояс проваливаясь в снег, по тому же лесу пробиралась как можно тише и быстрее, от одного ствола к другому, шестнадцатилетняя Сигню, дочь Хагнира. Оранжевый свет датских костров остался далеко позади, ни один из врагов её не заметил. Так, вначале к первому холму, потом направо, в ложбинку, и вниз, к поляне. И быстрее, быстрее! Там, может быть, уже пробиты ворота и битва идёт меж домов родного посёлка! Айфар сумеют помочь – они же добрые и вроде бы даже родичи... Только быстрее!

Сигню споткнулась о торчащий из снега корень, упала, сильно ушибла колено, но, стиснув зубы и преодолевая боль, двинулась дальше, забираясь всё глубже в чащу и надеясь больше на свою память и какие-то ранее невиданные чувства, гнавшие её вперёд и вперёд. Словно в ней в минуту, когда решалась её судьба, судьба родных, всего, что было знакомо и близко к рождению, пробудился голос древнего и чудесного народа, о котором пели песни.

Вот он, Зуб Фафнира. Здесь.

Поляна была пуста и темна. Нет золотого света, нет странных, напоминающих музыку или песни звуков, нет неясных силуэтов в мерцающем тумане. Тихо, темно, холодно, и гранитный клык при лунном свете кажется совсем чёрным, словно глыба чистой, беспримесной тьмы.

«Конец. Это конец. Их нет. Нас никто не спасёт. Вадхейм погиб», – мелькнула мысль, и впервые за весь день и ночь, наполненные ужасом и смертью, Сигню разрыдалась и упала на снег у края прогалины.

– Айфар! – иступлённо крикнула Сигню в темноту. – Айфар!! Помогите!! Во имя всех богов и Иисуса! Во имя Эйра Вечного! Помогите, прошу вас!!!

И тут же, стоило ей лишь упомянуть имена Великих Сил, полыхнул язык золотого пламени. Слабый, чуть заметный свет озарил поляну, и появился силуэт лесного духа. Сквозь слёзы Сигню разглядела, что это был темноволосый мужчина в белом, окружённый колышущимся ореолом. Словно бы уже знакомое лицо... Ну да, именно он тогда говорил с Видгаром, Ториром и отцом Целестином!

Лесной дух был один. Невесомо ступая по мгновенно таявшему под ним снегу, он подошёл к поднявшейся на колени девушке и протянул к ней руки. Мгновенно по телу Сигню побежали струи тепла, мысли пришли в порядок, и она сумела подняться на ноги и смело взглянуть в бездонные глаза явившегося перед ней айфара. В сознании Сигню зазвучал его голос:

– Я Гладсхейм. Ты уже видела меня. Ты просила о помощи. Чем мы можем быть полезны тебе, дочь народа Элиндинга?

И Сигню, сбиваясь, перескакивая с одного на другое, забегая вперёд, глотая слёзы, рассказала всё. О внезапно появившихся данах, о штурме Вадхейма, о том, что утро принесёт гибель всему её роду, о том, что Торир и отец Целестин с Видгаром послали её сюда... Словом, обо всём.

– Только от вас мы можем ждать спасения! – взывала она к бесстрастному на вид Гладсхейму. – Ни Эйра, ни Иисус нам не помогут, если не явят чуда!

– *Ты ожидаешь чуда от нас?* – Голос Гладсхейма звучал не в пример Сигню спокойнее. – *Не жди. Мы не можем сражаться с живыми людьми, ибо давно утратили способность поражать мечом, да и мечей у нас давным-давно нет. Ты ждёшь от нас чародейства? Его тоже нет. То, что тебе может показаться удивительным или волшебным, – лишь малая часть, оставшаяся у нас от изначального.* – Айфар говорил медленно, с расстановкой, даже велеречиво, но Сигню явственно услышала ноту беспокойства в его голосе. Отчего бы?

– *Мы окажем вам содействие, чем можем,* – продолжал айфар. – *Мы ещё сохранили возможность взывать к Силам. Но не надейтесь на нас до конца. Я и мой народ пошлём призыв к Силам, но я не знаю, будут ли они помогать по нашей просьбе людям, хоть и течёт во многих из вас наша кровь. Ждите. Но не питайте чрезмерных надежд.*

Гладсхейм исчез мгновенно, словно и не было его. Только тёмное пятно голой земли среди мокрого снега осталось там, где он только что стоял. Сигню, подождав, не произойдёт ли ещё чего, отправилась назад, в Вадхейм, не заметив, как прошла боль в разбитом колене.

«Не питайте чрезмерных надежд!» И от них не жди ничего! – думалось ей. – Что ж, главное теперь – перебраться за ограду и там погибнуть вместе со всеми. Ах, конунг, зря ты надеялся... Да спасут нас Иисус и Пресвятая Дева!»

* * *

Неумолимо вставал рассвет. Уже стали меркнуть звёзды на востоке и наливаться розовым небо. Подморозило, но приставшие вечером к берегу датчане продрались через густой лес и вышли к Вадхейму. Не сомкнувший глаз за ночь Торир только кусал усы и злобно ругался сквозь зубы, видя, что враги увеличились числом и силы их немерены. Более точный, отец Целестин, явно наложивший на себя епитимью лишения сна, оценил мощь врагов в тысячу мечей, а то и поболее. Видгар казался спокойным, но был бледен как полотно, видя со стены разворачивающуюся картину: десятки штандартов и знамён знатных родов и семей, собравшихся под их водительством; тускло мерцают под утренним небом шлемы и кольчуги датчан, где-то ржут их коньки, догорают костры, и серо-чёрный дым уносит усилившимся западным ветром в леса, к горам. О боги, о Иисус, о Эйра, где же Сигню?! Что сказали айфар?!

Солнце ещё не взошло, когда даны ударили всей своей силой. Толстенное бревно вышибло с трёх ударов ворота – враги не стали лезть на стены и зря терять своих; не стали обходить посёлок со стороны фьорда. Сейчас вся мощь, собравшаяся у ограды Вадхейма, нацелилась на ворота. Вновь полетели огненные стрелы – занялось ещё несколько домов, в том числе и жилище конунга, стоявшее на вершине холма, но трэли, предводительствуемые Саннгрид и дочери Торира, сумели сбить пламя.

Лучники Вадхейма били в упор в сбившихся у разбитых тараном ворот данов, стрелы пробивали кольчуги и клёпаные куртки, сбивали шлемы, вонзались в лица и незащищённые шеи, но врагов было слишком много. Дружина Торира рубилась горячо; сбив щиты и выставив короткие зазубренные копья, отряд норманнов неистово ударил по прорвавшимся за ворота данам, но натиск снаружи был настолько велик, что, не обращая внимания на дождь стрел, сыпавшихся справа и слева из двух башенок, поднимавшихся у ворот, невзирая на утренние сумерки – почти темноту, – даны стали давить всей своей массой на небольшой отряд Торира, и тот, шаг за шагом, начал отходить. Даны прорвались в Вадхейм.

Бьёрн поступил правильно и расчётливо. В тот момент, когда ворота рухнули, в образовавшийся пролом, прикрываясь необычными на севере круглыми, но вытянутыми, каплеобразными щитами, кои использовали в основном словины, двинулись копьеносцы. Короткие норманнские копья значительно уступали в длине древкам оружия датчан – с широкими и

гладкими оконечьями, и потому даны могли держать воинов Вадхейма на безопасном расстоянии, не позволяя приблизиться и завязать ближний бой. Позади строя тяжелооружённых врагов легко угадывались ряды лучников, и весь этот человеческий вал пусть и медленно, но преодолел яростное сопротивление вадхеймского хирда, вошёл на три десятка шагов в глубь поселения, и тогда же оборона норвежцев была прорвана с флангов. Множество датских ратников начали окружать сбившуюся в единый кулак дружину Торира, надеясь взять её в кольцо и быстро уничтожить. Однако конунг, предвидя столь опасный поворот событий, сохранил в резерве около тридцати дружинных из самых опытных и отчаянных бойцов – они-то и встретили рвущихся к домам данов, ненадолго остановив их. Поняв, что, быть может, получится прорваться вниз, к фьорду, конунг Вадхейма приказал своим отступать и стараться не нарушить строй – тогда сразу конец. Торир надеялся, что под прикрытием хирда хотя бы часть женщин и детей сможет выбраться из поселения на лёд и уйти в леса, благо что возле выхода из гавани данов было совсем немного.

Было раннее утро девятнадцатого марта 851 года от пришествия Спасителя. Утро, вошедшее во многие летописи севера как одно из самых необычайных в истории Скандинавии и христианских стран...

Начать с того, что после восьмилетней давности боя на корабле ярла Эльгара отец Целестин взялся за меч, ибо более ничего делать не оставалось. Его разум был в смятении, монах, как мог, быстро бормотал молитвы, готовясь ко вступлению в Царство Божие, по ходу дела смахнув сунутым ему в руки Видгаром клинком одного из датчан, прорвавшегося за полукольцо дружинников Торира, с бешеной яростью отбивавшихся отходя от пролома, в который вливалась, казалось, бесчисленная орда врагов. Где-то там монах видел непокрытую голову Торира, его взлетающий и вновь с быстротой молнии падающий меч, глухой шлем Видгара, сработанный по заказу у кузнеца Сигурда на манер римских; крики, хлопанье самострелов, удары, вдребезги разбивавшие щиты...

– Отец Целестин! Отец Целестин!

Монах обернулся, и его взгляд наткнулся на Сигню. В руках у девушки был топорик, не боевой – обычный, каким рубят дрова, выглядела она уставшей и напуганной, но всем своим видом неведомо откуда взявшаяся Сигню-Мария выражала решимость.

– Гладсхейм обещал! Может быть, они смогут что-то сделать!

– Гладсхейм... – Святой отец злобно сплюнул сквозь зубы, забыв даже спросить свою воспитанницу, как она сумела пробраться в Вадхейм. – Я же говорил, дурацкая это затея, и что только Торир думал?! Надо пробиваться всем в леса – небось поодиночке всех не переловят! Да спасёт нас Господь!.. На него одна надежда!

И тут свершилось.

На западе, на тёмном ещё небе, ярко сияла утренняя звезда, что называлась у римлян Венерою, у других же народов по-иному. Словно по наитию, монах обратил свой взор к небесам и замер от удивления и благоговейного ужаса. С запада, от ярко сиявшей звезды, к Вадхейму протянулся блистающий тонкий луч, упёрся в лёд фьорда, расцветив его всеми оттенками золота и серебра, превратив в чудесное, переливающееся словно живым огнём зеркало. Само светило вдруг полыхнуло ослепляющим, неземным светом, и взгляд монаха ясно различил появившегося всадника на белом коне, что как Ураган нисходил к берегам Вадхейм-фьорда по лучу западной звезды. Громадный снежно-белый скакун в вихрях золотого пламени, и на нём в диковинном высоком седле – человек в огненных доспехах, с обнажённым пламенным мечом и бело-золотым рогом на поясе.

Э, нет, отец Целестин. Не человек. Нечто, некая великая и забытая в твоём мире Сила, принявшая облик человека. Сила, сравнить с которой нельзя ни мощь империи франков или византийцев, ни единого из земных королей, пришла на помощь людям рода Элиндинга.

И тут же первый раз громыхнуло, а с запада, от океана, налетел невиданный ранее здесь ураган. Где-то за скалами фьорда вдруг образовалось густое, молочно-белое облако, и чудовищной силы ветер понёс его на посёлок – скалы, леса, лёд, покрывавший залив, исчезали под мутным покровом, и последнее, что смог разглядеть монах, так это дивного всадника, чей конь стоял у основания луча, на ледяной броне фьорда, с воздетым мечом в одной руке и рогом в другой. Чудесный Дух поднёс рог к губам, воздух потрясли громовые и в то же время волшебные мелодичные звуки, услышав которые отец Целестин окончательно уверился: спасение пришло, Вадхейм будет жить.

Густая белая волна накатила на поселение, поднялась вверх по холму, охватив его со всех сторон вместе с окрестными лесами, и монах потерял способность видеть в серебристом мареве. Остались одни ощущения. Он запомнил сотни голубых вспышек, окруживших его, непрерывные раскаты грома, разрывавшие уши, крики, таявшие где-то в тумане, и раскатистые звуки рога того неведомого существа, что спустилось на огромном коне по звёздному лучу. Пару раз отец Целестин видел сквозь туман синие мгновенные молнии, ударявшие в призрачно-чёрные силуэты, походившие на людские, колыхалась земля, в воздухе сильно пахло грозой, ветер сбивал с ног, но туман не рассеивался. Когда молния ударила совсем рядом и вслед за ней последовал такой раскат грома, что, казалось, сами небеса раскололись и рухнули на землю, отец Целестин потерял сознание.

Немногие наблюдали за происходившим в районе Вадхейма со стороны и издалека, но чьи бы глаза ни обратились к юго-западному побережью Норвегии, грандиозное зрелище, развернувшееся перед ними, могло повергнуть любого в состояние, близкое к тому, в котором находился уже отец Целестин.

В предутренних сумерках на западе грозно разгорелась ярчайшая звезда, метнув один из своих лучей к лесистому берегу. Издалека казалось, что фьорд и прилегающая к нему местность накрыты гигантским белым куполом – будто облако спустилось с небес и улеглось отдохнуть на землю. Вокруг него всё казалось чёрным или тёмно-серым, настолько ясно сиял колдовской покров, мерцавший бело-голубым светом. Изредка с его вершины в пока ещё тёмное небо ударяли слепящие молнии, тотчас исчезая в будто бы накалившемся воздухе. За многие лиги был ясно различим смутный гул, а иногда и чудовищный грохот, шедший из глубин тугой, плотной, клубящейся массы, накрывшей берег.

Страшен гнев древних богов!

И вдруг всё кончилось. Многие вадхеймцы, кто был крепок душой и телом, кто не потерял сознания от ужаса или усталости, почувствовали, что непроглядная белая мгла начала рассеиваться, удары, сотрясавшие землю, прекратились, не сверкали более огненные вспышки и не слышны были нечеловеческие голоса. Столь же внезапно померкли и угасли огни пожаров, и ласковый, тёплый весенний ветерок, в который превратился неистовый ураган, унёс прочь дым и остатки таинственного тумана.

– Отец Целестин, проснись! – пронёсся в сознании монаха чей-то голос. Вроде бы... вроде бы Гладсхейма? *– Проснись и зри! Сам Эйреми Владыка явился к нам!*

В этом голосе звучали такое благоговение и сила, что святой отец сразу пришёл в себя, поднялся, оперевшись на правую руку, и обратил совершенно безумный взгляд вниз, к подножию холма, где сиял в свете звезды битый лёд залива, казавшийся сейчас алмазным.

Многие десятки жителей посёлка тоже устремили свои взоры к явленному им чуду. Нет, не чуду. Чудо – это что-то сказочное, легендарное, чего в жизни и быть-то не может. А здесь блистали перед людьми невиданная мощь и великолепие – настоящие и осязаемые. Великая Сила прошлого, тайна тысячелетий, пришедшая по зову обречённых, средоточие Блага и Света, Мощи и Власти, что не являлись на грешную землю после Христа вот уже восемь с половиной столетий.

Всадник на огромном белоснежном коне, сиявшем во мгле перед рассветом ярким серебром.

Белый плащ вьётся по ветру, драгоценный доспех бросает блики, волосы подобны расплавленному золоту; лик грозен, но в серых, как летняя тень над водопадом, глазах радость и сострадание, гнев и милость.

И тут грянул глас его:

– Живите! Давно я не приходил по такой просьбе в Мидгард, но что сделано, то сделано, пусть и пошёл я против воли других Сил. Помните, люди рода Элиндинга, об этом дне и испытайте мою вину перед Эйра и Силами делами своими. Я сказал – вы слышали.

Вновь поднёс всадник к губам рог и вострубил, и дрогнула земля под копытами коня. Полыхнула звезда на западе, Эйреми развернул скакуна, и тот, взвившись в воздух, помчался по звёздному лучу, что начал истончаться и меркнуть. В последний миг отец Целестин увидел, как словно разорвалось небо над океаном и Великий Дух исчез в образовавшемся проёме. И ещё глаз монаха различил появившиеся на мгновение башни и купола какого-то города, перед которым померкли бы и Рим, и Багдад, и Константинополь...

Или чудилось всё святому отцу?

Как знать...

К монаху нежданно-негаданно подбежал Видгар и помог подняться. «Жив, жив, слава Иисусу да Богородице! – думал отец Целестин, глядя на воспитанника. – Ранен, правда, легко, так ведь ничего, заживёт щека-то! А что же, собственно говоря, случилось? *Что было?*»

Было же вот что: Вадхейм наполовину выгорел, но нигде не замечалось тления или горячих углей. Ни дымка. А где даны? Где они? Тут монах как следует огляделся и осенил себя крестом. Причём не один раз.

То, что творилось у ворот, описанию не поддавалось. Все нападавшие, прорвавшиеся за тын, были мертвы, но у большинства ни ран, ни царапин, ни ожогов на телах глаз не замечал – будто их постигла обычная внезапная смерть. Только на лицах застыл невиданный ужас. То же за стенами – трупы лежат в беспорядке, иные так, словно пытались убежать, скрыться от вездесущей ярости древнего бога. И ни одного живого.

Вначале поддерживаемый Видгаром, потом самостоятельно отец Целестин попытался обойти Вадхейм. Ноги подкашивались, сердце колотилось, иногда тошнота подступала к горлу, но он осмотрел всё, в том числе и оставшееся от лагеря датчан. Везде кровь. Обледеневшая земля покрыта красной застывшей коркой. Множество тел лежит чёрной массой у разбитых ворот. На многих следы оружия – раны, нанесённые клинками вадхеймцев. У всех погибших оружие в руках стиснуто в последнем предсмертном усилии так, что теперь и не разжать мёртвых ладоней. А это кто? Глянь-ка, Бьёрн Скельдунг... Ну вот, гордый датчанин, ты и нашёл свой конец. Сбылось предсказание Торира...

Через некоторое время монах вернулся к себе в домик, который по странной случайности уцелел – из брёвен торчали несколько стрел, на которых видна подпорченная огнём пакля, – заложил дверь жердью, пал на колени перед распятием и так, в молении, не прерываясь ни на сон, ни на еду, провёл весь день. Лишь вечером, ни жив ни мёртв, отец Целестин упал на ложе и мгновенно заснул, не услышав ни стука в дверь, ни зова Сигню, что принесла ему ужин.

Пока монах погружался в общение с Господом Богом, Торир, хоть и не менее святого отца уставший и ошарашенный случившимся минувшим утром, развил невероятную активность, понимая, что в данный момент людям нельзя расслабляться. Все, от мала до велика, включая жену и дочерей конунга, а также всех его родичей, взялись за работу. Часть мужчин была послана рубить деревья, остальные же оттаскивали тела врагов далеко за ограду, к подножию холма, и к вечеру возле поднявшегося к ненастному небу строя лесных исполинов был сложен огромный погребальный костёр.

Это было странно, но никто не заметил, как зарубцевались раны, полученные в былом бою, как даже те, кто был ранен тяжело и находился почти при смерти, поднялись на ноги, будто и не почувствовав на себе тяжести датского меча или остроты стрелы. На ходу Торир считал погибших: своих было больше сотни, данов же бессчётно – все до единого пали под равнодушной дланью Силы, что явилась в Вадхейм. Один Видгар только подивился, глядя на совершенно здорового дружинника именем Эйрик, в которого при нём, при Видгаре, попали три стрелы врага, да ещё и мечом по груди задела; Видгар был уверен, что Эйрик мёртв, пусть и отнесли его женщины, умирающего, в один из домов, где собирали раненых. А вот же он, и по-прежнему здоров и бодр!

«Точно, Эйреми помог! Да и щека у меня не болит. Ох неспроста это!»

Другим же было не до раздумий. В огромном квадрате у подножия холма были сложены вперемешку тела своих и врагов, брёвна, хворост. Страшная гора из дерева и человеческой плоти упорно не занималась, хоть и обильно полита была маслом из уцелевших запасов: земля и дерево сырые, да и тучи к вечеру сгустились, пошёл дождь пополам со снегом.

Жители Вадхейма спустились вниз, к лесу, проститься со своими павшими и отдать дань уважения чужим, ибо и они были воинами, хоть и врагами, что напали внезапно и не пощадили бы никого. Десятки факелов полетели в сложенный костёр, но огонь словно не хотел делать своё дело.

И тут стоявший рядом со сложенным костром скорби Видгар вдруг преклонил колени и обратился лицом на запад, где догорали в облаках последние отблески заката. К удивлению всех, его примеру последовал и конунг. Тогда же, один за другим, каждый из оставшихся в живых сделал то же. Что шептал Видгар – не расслышал никто, но, словно получив неведомый ответ, он поднялся:

– Отойдите все. Отойдите.

Он стал медленно отодвигаться от брёвен, и за ним, удивлённо перешёптываясь, пошли люди.

В погребальный костёр ударила молния. Сине-белый зигзаг появился ниоткуда, земля под ногами качнулась, налетевший порыв ветра раздул пламя, и огромный костёр предстал перед глазами вадхеймцев. Горело ясно, жарко, огонь пожирал тела и дерево с чудовищной быстротой – огонь бесшумный, яркий до рези в глазах, синеватый понизу и белый над брёвнами, – поднимался в горячий вихрь, вознёсшийся высоко над верхушками столетних елей. Густой, жирный дым рванулся чёрным столбом в нежданно прояснившиеся небеса, унося с собой частицы плоти тех, кто покинул ныне пределы Мидгарда, уйдя к Одину в Вальхаллу, чертог героев – эйнхериев. Каждый из погибших умер как должно – с мечом в руке. И не было сейчас разницы меж норвежцами и теми, кто пришёл с юга. Пламя, зажжённое Силой с заката, стало для всех единой могилой, и лишь чёрный пепел, кружащий в холодном воздухе, опускался на снег и лёд, пятная чернотой смерти тающий зимний покров вадхеймского холма...

К утру сгорело всё. На чёрном пятне, оставшемся после погребального костра, осталась одна только зола, и ничего больше.

Помощь Сил не оставляла Вадхейм.

Глава 5 На Запад

Настал апрель.

Всего лишь две недели минули с датского нашествия на Вадхейм, и отголоски тех дней, когда в небольшом поселении на юге Скандинавии произошли страшные и необычайные события, были, конечно же, живы в сердцах и умах его обитателей.

Начать с того, что отец Целестин, отойдя от пережитого то с помощью молитв, то (не менее часто и усердно) с помощью пива и сохраняя верность своим принципам (в данном случае – неукоснительно вести летопись), вновь провёл поголовную перепись населения Вадхейма. Правда, люди, многие из которых потеряли родных, лишились домов и пускай скудного да нехитрого, но всё-таки своего скарба, зачастую попросту отмахивались от назойливого толстяка, носившегося по Вадхейму с энергией, растущей вместе с его животом и аппетитом. Лица многих омрачались, когда монах с привешенной там, где у других бывает талия, объёмистой пергаментной книжицей и пером, соорив умную рожу, выпрашивал о том, кто погиб в семье, да сколько годов от роду ему было, да кого ранило, да каким образом поправился. Будто другого дела найти себе не мог!

Хоть за это время отец Целестин и выслушал о себе столько, что хватило бы лет на десять вперёд самой беспутной жизни, сведения в его хронике собрались более чем любопытные. К слову, Видгар да Сигню-Мария помогали монаху, когда у них выдавалось время.

Истинно же в книге монаха было записано так: *«...всего почивших же от ран смертельных и иных увечий, что оружием датчан причинены были, а кроме того, от ожогов и придавления брёвнами от жилищ развалившихся, было сто сорок шесть. Из оных воинов шестьдесят, и ещё жен сорок три, да старцев с детьми малыми двадцать один, и рабов два десятка и ещё двое. Раненных мечами да стрелами и к оным увечных пришлось четыреста сорок три, в день марта восемнадцатый и в ночь последующую. Приношу в том своё свидетельство, что все четыре сотни да ещё сорок три человека чудесным образом в описываемую ночь исцелены были от немощей своих и стали здоровы, как и прежде. Раны же затянулись бесследно, кости срослись на диво скоро, и да будет благословен тот, кто свершил сие чудо, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. На сём и заканчиваю я описание сколь чудесного, столь и таинственного пришествия в Вадхейм архангела неведомого, что, по моему разумению, от лика высших ангелов Господних происходит. Записал смиренный слугитель Господа Бога нашего Иисуса Христа недостойный брат Целестин из обители святого Элеутерия, временно проживающий в поселении норманнов, именуемом оными Вадхейм, в лето 851 по пришествию Спасителя».*

В общем, все занимались своими делами – викинги и бонды отстраивали новые, взамен сгоревших, жилища да просмаливали и конопатили дракары – весна на дворе как-никак, в море пора; монах посвящал всё своё время философии и музе истории (то есть, по общему мнению, сибаритствовал и пьянствовал), чем и не преминул воспользоваться пакостник годи. Имя годи, кстати, было Ульф, но вспоминали об этом настолько редко, что он и сам забыл, как его кличут.

Ну и вот, сей Ульф просидел, дрожа от страха, в своём капище три дня, ни меча, ни лука в руки не взял, а как вылез на свет Божий да узнал о происшедшем, начал действовать в лучших своих традициях, то есть лицемерно и вредно. Тряся посохом и бородёнкой, жрец шнырял по всему Вадхейму, и там, где ему удавалось собрать более трёх человек, тут же начинал проповедовать. Суть его речей, напыщенных и многословных, сводилась к следующему: посёлок был спасён от огня и меча, а жители его от поголовного поругания исключительно по воле Асов, а прибыть лично на место событий изволил не кто иной, как Тор-громовежец, и поразил всех данов до единого своим молотом Мьёлльниром.

Мало кто задумывался, конечно, как это могли даны «предать поруганию» всех, ибо с их стороны это выглядело бы просто неприлично, ну а выяснять у годи, где он сам провёл ту самую ночь и что тогда делал, никто не хотел – зачем выслушивать очередную порцию вранья. Сам Ульф чванно заявлял, что провёл всё время в мольбах Одину, совершенно не желая распространяться о том, что, пока он хоронился в своей пещере сначала от стрел датчан, а затем от явления Великого Духа, приключилась у него с перепугу медвежья болезнь, и теперь в капище мог войти только человек с сильным насморком или крепкими нервами – за четырнадцать дней несносное зловоние так и не выветрилось...

Естественно, что отец Целестин в свою очередь предпринял контрмеры: потрясая Евангелием и животом, он вёл душеспасительные беседы, долгие и занудные, даже перед одним-двумя слушателями, а после того, как Торир, наведавшись в святилище по какому-то делу и покатываясь со смеху, рассказал монаху, почему годи туда практически никого не пускает, святой отец немедленно растрепал об этом по всему Вадхейму.

В отместку окончательно взъярившийся от эдакой наглости и неуважения жрец публично потребовал человеческого жертвоприношения своим богам и в очередной раз проклял отца Целестина, обвинив его во лжи.

Отвратительный выпад Ульфа, в свою очередь, тоже вывел обычно мирного монаха из себя, и солнечным апрельским днём при большом стечении народа (около сотни присутствовало, да конунг с семейством пришёл) оба председателя конфессий в течение двух часов орали друг на друга, понося на чём свет стоит всё, что им не нравилось как в идеологии оппонента, так и в его внешности и личных качествах. Несмотря на меткость и язвительность годьего языка – этого у него не отнимешь, – отец Целестин смог склонить на свою сторону подавляющее большинство присутствующих и Торира тоже, особенно после слов о том, что и так потери в людях большие и работать некому, а этот безумец, мол, хочет ещё кого-нибудь загубить! Не для того ведь архангел даже рабов исцелил, чтобы их потом самим убивать!

– Фарисей! – прошипел охрипший от ругани годи, пытаясь хоть как-нибудь ещё уязвить отца Целестина и видя, что бой почти проигран.

– На себя посмотри! – рявкнул в ответ монах. – Идолопоклонник! – И подумал про себя: «Надо же, какое слово выучил, и не поленился ведь!»

– Мракобес!

– От мракобеса слышу!!

– У-у, порождение Хель! – Ульф, с красной от злости рожей, кинулся на отца Целестина с кулаками, и опять вышла бы вульгарная драка меж духовными пастырями, но их разняли, и серьёзных телесных повреждений никому причинено не было. Жрец, благоухая вьёвшимися в одежду ароматами своего жилища, отправился, посрамлённый, к себе в пещеру, обидевшись на весь мир. Монах же целый день ходил гоголем и неустанно проповедовал. К вечеру – благо пива испил он преизрядно (почти в каждом доме подносили) – отец Целестин перешёл на псалмы, кои распевал приятным баритоном. Последний кувшин свалил его с ног возле дома, где жил стурман Халльвард, – тот вышел зачем-то на улицу, и весьма кстати, ибо в полутьме наткнулся на храпящего монаха, вольготно развалившегося в глубокой и на редкость грязной луже. Зная, что ночи ещё холодные, и проявив несвойственное норманнам милосердие, Халльвард вкупе с шестью кликнутыми дружинниками дотащил святого отца до его дома. Надо сказать, что семерым здоровенным мужикам пришлось изрядно попотеть – Халльвард только ругался непристойно, отдуваясь от эдакой тяжести.

Стирать изгаженную рясу на другой день пришлось, конечно, Сигню.

Когда всё было постирано, вымыто, приведено в порядок («всё» – включая и отца Целестина), Сигню-Мария, читавшая ему длинную и совершенно справедливую нотацию о вреде алкоголя и христианской точке зрения на сей грех, отворила дверь на стук. Пришли Видгар с Ториром.

– Как здоровье? – ехидно осведомился конунг, наслышанный уже о последних подвигах монаха.

– Спасибо, милостью Божией, – кивнул отец Целестин на початый кувшин с пивом, коим уже успел полечить головную боль. – Что-то случилось, Торир? Отчего вы здесь?

Вместо ответа конунг выставил на стол под неодобрительные взгляды Сигню огромный жбан с пивом, принесённый с собой, и отец Целестин понял, что разговор предстоит долгий. И похоже, по делу.

Сигню накрыла на стол – к пиву добавились кружки, копчёная рыба да жареное мясо, – а сама, стараясь не привлекать внимания, села в уголок. Однако выгонять её никто и не соби-рался. После того, что Сигню сделала для Вадхейма, после того, как пробралась обратно в посёлок через вражеский лагерь, чудом будучи не замеченной, перелезла высоченную ограду, вернувшись целой и невредимой и принеся надежду на помощь, даже Торир, не питавший иллюзий по поводу женского воинского умения, не посмел бы ей и слова сказать.

– Буду собирать тинг. Скоро... – начал Торир. В доме было натоплено, и конунг, отстегнув фибулу, сбросил плащ, оставшись в своей любимой куртке. – Решать надо, куда корабли направим...

– Как – куда? – всполошился отец Целестин. – Ты чего, конунг? На запад плыть надо!

– Да знаю. Только вот есть-то следующей зимой тоже надо. Да людей здесь оставить, глядишь, даны мстить удумают. Вот что мы с Видгаром решили: два корабля в Гардарики отпра-вим, да пусть ещё в Хедебю и Бирку заглянут, – может, Халльвард людей в дружину наберёт. Народу-то вон сколько полегло. Каких – мне всё равно: словин, франк или германец, лишь бы воин хороший, и пусть с нами живёт. И жильё будет, и жена, и рабы... Ну да это пусть Халль-вард думает, у него своя голова на плечах.

– И что, опять откладываем? Или ты слова Хельги забыл, что Дверь та закрывается? Или Гладсхейм тебе не говорил про то же? – Монах словно и забыл, что желал себе спокойной старости, и снова без оглядки готов был пуститься в неизвестные странствия.

– Знаю я всё, – поморщился Торир. – На моём дракаре пойдём. Одним кораблём спра-вимся. На такое дело много народа не нужно. Самых лучших выберу. Только вот плыть-то куда? Ну до Исландии доберёмся, запас воды пополним, а дальше куда?

– Дальше? – задумался отец Целестин. – На запад опять же. Ведь Гладсхейм ясно гово-рил – земля там есть. Будем искать.

– Датский корабль надо взять, – предложил Видгар. – Он вместительнее наших будет, да борта повыше. Лошадей с собой можно будет везти...

Девятнадцать кораблей данов, что стояли у океанского берега, как потом выяснилось, почти все оказались сожжёнными – не тронутых огнём осталось всего два. Там же посланные Ториром люди нашли полтора десятка трупов, да к югу от фьорда, где тоже даны пристали, столько же. Никого Владыка Эйреми не пощадил, да и корабли, похоже, от молний загорелись. Каким образом два крутобоких, многовёсельных, немного похожих на норманнские судна уце-лели – было совсем непонятно. Когда к апрелю лёд во фьорде истончился и начал сходить, дружинники привели оба корабля к Вадхейму. Оказалось, что они совсем новые, позапрошло-годней постройки, – богатый трофей. Вот один из них Торир и собирался использовать для похода через океан, к неизвестной земле.

– Лошади-то нам на что? – удивился отец Целестин. – Айфар вроде говорили, что Дверь та самая почти у берега!

– А когда в неё войдём, то что? Сколько там идти, ты знаешь? Или айфар ошибаются и она далеко от океана?

Возразить тут было нечего. Потом ещё долго спорили, кого с собой брать, да говорить ли воинам и стурманам, зачем конунг идёт на запад, и когда выходить. Порешили вот что. Мед-лить с отплытием никак нельзя, если есть желание вернуться к следующей зиме. Тинг Торир

собирает послезавтра и объявит там о своём решении – конунг направляется на запад на новом корабле, Халльвард на двух дракарах – в Гардарики, да часть дружинников под водительством родича конунга, Хемминга, останется в Норвегии – охранять от возможного нового нападения.

Уже когда конунг, отец Целестин и Видгар закончили разговор и опустошили до конца вместительный жбан, вдруг поднялась Сигню:

– А я? Меня с собой, что, не возьмёте?

– Ну-у... – замялся Торир. – Сидела бы ты здесь, а? Да и что тебе с нами делать? А ну как сгинем?

– Нет, Торир, возьмем её, – неожиданно вступился отец Целестин. – Или ты забыл, что Сигню для всех нас сделала? К тому же знает она всю эту историю...

– Ладно, пускай так будет, – согласился конунг. – Хотя и нечего девкам в походы ходить. Это кто ж такое раньше видел... Тьфу! – И он, нагнувшись, вышел из домика монаха наружу. Все заговорщики отправились за ним вниз, к берегу, где на тихих волнах покачивались датские суда.

Собственные дракары Торира ещё на воду не спустили – все пять кораблей покоились на берегу, на рамах из брёвен, у самой кромки воды. Десятка три мужчин приводили их в порядок, забивая щели паклей и меняя прохудившиеся доски. Тут же булькал громадный чан со смолой, толстым слоем которой покрывали подновлённые днища дракаров. Суетились черпавшие смолу трэли, встретившие конунга и пришедших с ним угрюмыми взглядами.

Датские суда были отдалённо похожи на норманнские дракары, но были куда как вместительнее. Это были типичные кнорры, с относительно плоским днищем и изогнутыми под углом бортами, – при отливе они плотно вставали на дно, а прилив же поднимал ладьи и позволял продолжать плавание. Килевые дракары викингов, хоть и уступали кноррам по вместимости и возможности нести большой груз, всё же были гораздо маневреннее и стремительнее, но Торир, зная, что поход предстоит долгий, выбрал именно датский корабль, пусть и гребцов-воинов на него требовалось меньше, да и неповоротлив он был. С собой ведь взять надо продовольствия и воды на четыре десятка человек, да ещё оружие, золото, лошади, ну и, наконец, нельзя не учитывать такой груз, как отец Целестин...

Спрыгнув с прибрежного камня в ледяную воду, Торир и Видгар забрались вначале на один корабль, полностью его обследовали, затем перепрыгнули на другой и тоже буквально обнюхали его сверху донизу. Выяснилось, что второе судно более пригодно: мачта крепилась непосредственно к мидель-шпангоуту, да и для связи между поясами обшивки и шпангоутами были использованы железные заклёпки. Также выяснилось, что для уплотнения швов между досками датчане употребили шнур, скрученный в три нитки из коровьего волоса. Попросту говоря, этот датский кнорр как нельзя более подходил для дальнего путешествия, и выбор остановили именно на нём.

Отец Целестин, критически осмотрев с берега прямой парус кнорра, отдал распоряжение немедленно снять его, вымыть в морской воде и расстелить на берегу. Мокрый по уши после вынужденного купания в холодных водах фьорда (такой роскоши, как пристань, в Вадхейме не было), Торир кивком подтвердил приказ монаха, и несколько рабов-словинов кинулись его исполнять. Конунг с племянником отправились домой, а святой отец вместе с Сигню пошли за кувшинами с краской, что ещё от времён плавания с ярлом Эльгаром остались.

Остаток дня и весь день следующий отец Целестин ползал на коленях по белому полотнищу, весь перемазанный синей краской. Используя свои богатые познания в мудрой науке геометрии и в изобразительном ремесле, он выписывал на грубой парусине восьмиконечную сине-голубую звезду, а в центре её – всадника на белом коне, чем-то напоминающего святого Георгия. Разве что по канону святой поражал дракона, а на произведении отца Целестина воин бил синей молнией в датчанина в рогатом шлеме, больше напоминавшего воплощение мирового зла, ибо что ни говори, а у данов не росли клыки и не было копыт и хвоста. Как бы то

ни было, Торир оценил сей шедевр, а потому как уже не первый год его дракар был украшен синей звездой, согласился поднять над новым кораблём такой парус. Даже несмотря на то, что в одной руке всадник держал христианский крест, а на груди его красовалась надпись: «*In manus tuo, Domini!*» – девиз, коего отец Целестин придерживался с юности. Видгар, а тем паче Сигню-Мария вообще не возражали. Вдохновлённый их молчаливым одобрением, отец Целестин решился на подвиг: забравшись по пояс в ледяные весенние воды фьорда, он вывел на корме название судна, показавшееся ему наиболее удачным из всех, что пришли на ум: «Звезда Запада». Сие гордое имя красовалось теперь на тёмных досках бывшего датского, а ныне норвежского кнорра, изображённое по-латыни и на норманнском, латинскими буквами и рунами.

* * *

Торир, как и обещал, созвал тинг. Собрались все. Дружина, изрядно поредевшая после нашествия данов; все стурманы – либо отличившиеся во многих боях, либо родственники конунга, даже годи приковывлял. Ульф явился и сидел в одиночестве – невыветрившийся запах отпугивал, да и авторитет жреца, и без того невеликий, упал донельзя. Зато отец Целестин восседал рядом с конунгом и его наследником и глядел на языческое сборище свысока. Он уже знал, кого Торир возьмёт с собой, кто из дружины будет рядом со своим конунгом во всех опасностях, которые предвещало плавание к неизведанным землям.

Утром к дому конунга стали сходиться люди. Тинг – общий совет дружины и рода – решал многое, хоть и последнее слово оставалось всегда за конунгом. Старейшины и военные вожди всех четырёх родов, над которыми водительствовавал Торир, стали особо – не чета они простым хирдманам. Остальные же расположились на только пробившейся траве возле дома и на склонах холма Вадхейм. Женщин не было: на тинг могли прийти только те, кто имел право держать в руках оружие.

Наконец вышел Торир, и, как всегда, вместе с конунгом был Видгар. Отец Целестин, явившийся раньше всех, хоть и мучило его с утра тяжёлое похмелье (давало себя знать празднество, устроенное по случаю окончания росписи паруса «Звезды Запада»), был приглашён устроиться на бревне рядом с конунгом, который, щурясь от яркого весеннего солнца, обвёл взглядом своё воинство и, подняв руку, вышел вперёд.

– Не буду говорить долго, – начал он. – Не мне вам объяснять, что Вадхейм, все вы, жёны и дети ваши, и всё, что имеете, уцелело чудом. Великий бог внял нашим мольбам и избавил от гибели. Все вы слышали его слова: «Помните об этом дне и искупите мою вину перед Эйра и Силами». Нам помогли, и теперь черёд людей Вадхейма отблагодарить богов за содеянное чудо...

По собравшейся толпе пробежал глухой гул, а затем послышались крики:

– Как, Торир? Какие жертвы надо принести богам?

– Говори, конунг, что нужно богу, приходившему к нам.

– Жертв не нужно! – возвысил голос Торир. – Я собираюсь в этот год плыть на запад, к землям Великих Сил, чтобы отблагодарить их и получить то, что по праву принадлежит как мне, так и всем нам! Никому, кто пойдёт со мной, я не обещаю золота или иной добычи – скажу только, что поход будет труден и многие могут не вернуться. Но когда вы, воины Вадхейма, чьи мечи сверкали у многих берегов, боялись опасностей?! Когда отступали перед ними?! И пусть кричат франки и германцы, что викинги бесчестны и не знают благодарности, – все мы знаем, что это не так. Я сам, как ваш конунг, отправляюсь к богам и буду просить их о прощении для того, кто спас всех нас! Преклоню колена перед их тронами, дабы даровали боги – будь то Силы Асгарда или иные – нам свою благость и силу. Не стоит бояться: если бы они не благоволили к нам, то сейчас Вадхейм лежал бы в развалинах и вороны терзали бы наши трупы... Кто пойдёт со мной, на запад?!

Вся дружина в ответ разразилась дружным рёвом. В поднятых руках заблестели мечи и топоры. Многие били оружием в щиты и возглашали:

– Конунг, мы с тобой!

– На запад!!

– Пусть тебе поможет Один, Торир!

Тот подождал, пока стихнет шум, и заговорил снова:

– Я возьму с собой четыре десятка. Другие пойдут с Халльвардом в Гардарики, и ещё часть останется здесь. Ты, Олаф, ты, Эйрик, ты, Хродгар, отойдите в сторону. Теперь ещё ты, Ваднир...

Долго ещё Торир выискивал среди дружинников тех, кого хотел видеть в своём отряде. Солнце уже значительно склонилось к закату, когда все сорок человек были отобраны – самые опытные и сильные, насквозь просоленные морем и участвовавшие во многих боях войны. На взгляд отца Целестина, конунг отобрал наиболее отъявленных головорезов – с такими четырьмя десятками можно даже на Рим идти!.. Этим людям не страшны ни мечи, ни океан, ни гнев Божий.

Никто не поднял голоса против конунга. Все воеводы согласились с его решением, не говоря уж о простых дружинниках – каждый был бы счастлив сопровождать Торира. Тинг же продолжался до вечера. Хемминг и Халльвард подбирали свои отряды, потом долго препирались, решая весьма важный вопрос, кто же будет властвовать над Вадхеймом, если конунг и его наследник не вернуться к зиме, а тем паче – вообще не вернуться. Выбрали Хемминга, норманна громадного роста и великой силы, – как ближайшего родича Торира. Отец Целестин с этим вполне согласился, хотя его мнения и не спрашивали: Хемминг хоть и зверовиден, но мужик непростой и с головой. Одно плохо – язычник беспросветный, да ещё Ульфа у себя привечает, даром что зловерный годи потерял всю репутацию в глазах конунга и большинства вадхеймцев.

Монах дальше оставаться не стал. И, поднявшись с бревна, пошёл к себе домой – с этим тингом, где всё было решено заранее, обед пропустил, и в животе урчало так, что собаки прислушивались. Да и самое главное – выходим в море через неделю, и напрямиком в Исландию, а там видно будет, что, куда и как.

По пути отец Целестин встретил жену Халльварда Сигурни, приёмную мать Сигню-Марию, и сразу же ошарашил бедную женщину известием, что Сигню тоже отправляется в поход вместе с ним и конунгом. Морщась, он выслушал несколько «тёплых» словечек в свой адрес: «Подбил девку на непотребство! Это где ж кто такое позорище видывал: девица, да с четырьмя десятками мужчин, – в поход!» Потом отец Целестин долго улеживал Сигурни обещаниями, что с её дочкой никакой беды не случится – за ней Торир да он, отец Целестин, присматривать будут, – никто Сигню и пальцем не тронет. Всё было бесполезно, и Сигурни, оставшись при своём мнении, раскрасневшись от праведного гнева, отправилась жаловаться на монаха мужу, что спускался вниз по склону вместе с несколькими дружинниками, ибо тинг наконец-то закончился. Халльвард, правда, лишь руками развёл: мол, Торир так решил и не нам с него ответ спрашивать. Отец Целестин их дальнейшую перебранку слушать не захотел и поспешил к себе. Ох эти женщины – дьяволицы в юбках... Связывайся с ними! И как только мужья этих стервоз терпят? Тут поблагодаришь Господа за то, что устав монастырский строг – не даёт обет безбрачия душу погубить.

Позади же раздавался хохот хирдманов, с интересом наблюдавших за выволочкой, которую Сигурни устроила своему благоверному. И какой болван сказал, что женщины севера не столь темпераментны? Ишь разошлась – от итальянки такой отборной брани не услышишь! Тоже мне, сдержанные норманны... Монах принял горделивую осанку, насколько позволял его живот, чинно прошествовал до своего дома и захлопнул за собой дверь.

После обильного ужина и вечерней молитвы отец Целестин устроился на ложе и, запалив лучину, решил почитать на ночь что-нибудь душеспасительное. Таковое нашлось быстро, и монах погрузился в изучение жития святого Бенедикта Нурсийского, кое, правда, и без того знал наизусть. В том же томе обнаружили и другие, не менее интересные вещи, в их числе и красочное описание деяний Папы Льва I Великого, что четырёхста лет назад умолил святых апостолов Петра и Павла спуститься с небес и остановить орды Аттилы, подошедшие к Риму. Непонятно, правда, как известные своим злонравием гунны всё же послушались апостолов и отправились восвояси, – им-то, гнусным язычникам, на христианских святых было явно наплевать. Но факт остаётся фактом.

Захлёбываясь от восторга, отец Целестин прочёл историю знаменитого Стилихона – римского полководца и вандала по происхождению. И в былые годы монах интересовался сей незаурядной личностью, ибо Стилихон был одним из самых выдающихся, по его мнению, деятелей поздней Империи, но полные и, как кажется, правдивые сведения о его жизни попали в руки святого отца впервые. Монах листал толстый фолиант, и перед его глазами, как наяву, вставали неисчислимые орды ещё более злонравных, чем гунны, готов, разоряющих западные земли Великого Рима, громом отдавались звуки давно забытых сражений... Отец Целестин, щурясь от недостатка света, разбирал оплывшие кое-где строки и будто сам присутствовал в императорском дворце, возле трона этого говнюка Гонория, отдавшего христианский Рим со всеми его богатствами Алариху, видел, как покорные воле Цезаря легионеры схватили Стилихона прямо во храме Божиим, оттолкнув вступившегося за человека, который мог бы спасти Империю, епископа.

– Кошмар какой-то! – едва не сплюнул прямо на пол монах. Ему было совершенно непонятно, отчего Стилихон, придя в церковь и прося защиты у Господа, так и не получил Его заступничество и был обречён по навету завистников и недругов на смерть? Почему не сообразил он прирезать Гонория и взять сам скипетр Цезарей? Ведь тогда и Вечный Город спас бы от разграбления да ига готского и, глядишь, в святые бы вышел! Святая Мать-Церковь не забыла бы человека, который не отдал град апостольский поганым готам-арианам на поругание! Отчего Отец Небесный не оградил верного слугу своего мечом огненным? Разве Господу Богу надо было Рим разорять? И дураку ясно, что нет...

От благочестивых мыслей монаха отвлекло то, что неведомо откуда взявшийся сквозняк притушил лучину. Вот дьявол, прости Господи, надо вставать и снова угольком из очага её растапливать! Дверь, что ли, неплотно прикрыта? Да и ветра снаружи вроде не слышать...

Едва привстав на ложе, отец Целестин замер. Воздух в доме стал нагреваться и словно бы дрожать, и тут же появился свет – знакомое золотистое сияние. Монах едва успел осенить себя крестным знамением и прошептать первые слова *Credo*, как в голове его появился уже слышанный ранее голос:

– *Приветствую тебя. Ты всё ещё боишься?*

На любимом кресле отца Целестина, закинув ногу на ногу, восседал не кто иной, как Гладсхейм, и в упор смотрел на монаха своими синими глазами.

«Надо же, и сюда припёрся!» – подумал монах, видя перед собой полупрозрачную тень лесного духа.

– Здравствуй. Зачем ты потревожил меня? – прохрипел отец Целестин, ещё не придя в себя от изумления.

– *Благодарности от людей мы давно уже не ждём, – тихий голос айфар был бесстрастен. Никаких чувств. – А между прочим, ты и конунг послали девочку именно к нам, когда оказались в беде. Ты, человек, не знаешь, сколько усилий пришлось нам приложить, чтобы испросить для вас заступничество. Но сейчас речь идёт не об этом...*

– Да, конечно. Прости меня, Гладсхейм. – К монаху вернулась способность хоть как-то соображать. – Мы все очень благодарны вам и...

– Не спеши. Я пришёл поговорить об ином. Мне надобно задать тебе важный вопрос и получить ответ и ещё дать совет. Вы решили идти к землям богов, вернее, не к ним, а к Двери, ведущей в Мидденгард. Вы ничего не ведаете о том, что ищете и где находится сие место. Не знаете, с чем придётся столкнуться в пути. Вы хотите вначале остановиться у острова в океане, до которого десять дней морского пути?

– Если ты говоришь об Исландии, то да.

– Эта земля носит у нас другое имя. Когда-то именно там обитал Чёрный Дух, бог-великан, о котором ты слышал. Море исторгло из себя эти земли, ибо воды его не потерпели в своих глубинах то, на чём лежит древняя скверна.

– Чего-чего? – не понял отец Целестин.

– Тебе должно быть ведомо, что много тысяч лет земли Чёрного Духа лежали на дне, а потом духи морей подняли их обратно на поверхность. Там до сих пор обитают его порождения, правда редко выходя на свет. Вы собираетесь что-то искать на северном острове?

– Ну-у... Хельги говорил, что там есть часть ответов на все эти тайны. Наверное, Торир задержится там на несколько дней.

– Мой тебе совет, – Гладсхейм чуть повысил голос, – не ищите там ничего. Не ходите к туманным пустошам. Не заглядывайте в пещеры. Пропадёте. Там действительно есть прямые ходы в жуткий подземный мир, что некогда был подземельями великой крепости Врага. То, с чем вы можете столкнуться, необоримо без того, что люди именуют волибой.

– А как же там люди живут? – усомнился отец Целестин. – Ведь давно живут, и поселения в Исландии есть, и ничего?

– У них хватает разума не забираться туда, куда не следует. А порождения Тьмы почти никогда не выходят на поверхность. Хочешь сам погибнуть и других погубить – иди в пещеры. Только не забудь сначала проститься с солнцем и молить Силы и Эйра, чтобы смерть была быстрой.

– Ладно. – Монаха от столь жутких рассказов передёрнуло. – Ты лучше скажи, после Исландии что? Как Дверь искать?

– Мы сказали о ваших планах кое-кому. Вам помогут, – последовал загадочный ответ. – И не спрашивай слишком многого. Всё, что будет нужно, – узнаешь. И ещё. Мы помогли вам, теперь очередь людей ответить нам тем же. То, что открывает проход между нашим Миром и Мидденгардом, по праву принадлежит роду Элиндинга, но если вы вернёте или привезёте эту вещь сюда, то... – Голос утих, словно Гладсхейм решался, говорить человеку или нет о своей просьбе.

– То что? Если в моих силах и власти дать вам то, о чём просите, я сделаю это, – грянул с порога голос Видгара. Как молодой норманн вошёл незамеченным ни айфар, ни отцом Целестинном и отчего услышал речь Гладсхейма, что была беззвучна, монах не понял. Ясно было одно: в Видгаре вновь ожила Сила – у двери находился вовсе не поджарый восемнадцатилетний парень...

Гладсхейм ничуть не изменился в лице и остался сидеть как сидел, ну а отец Целестин аж на стену едва не полез со страху.

Там, где должен был стоять человек, высилась суровая тень. Не полупрозрачная, как Гладсхейм, но тёмная высокая фигура, окутанная золотым нимбом, со сверкающими, как два бриллианта на солнце, глазами. Свет был куда сильнее, чем сияние, исходившее от айфар, – весь дом словно преобразился, превратившись в янтарные хоромы Морского Владыки Ньёрда; сильные, но не обжигающие волны жара ударились в онемевшего монаха. «Господи, спаси и сохрани! *Per Christum, et cum Christo, et in Christo tibi Deo...*»⁷

⁷ «Чрез Христа, со Христом и во Христе...» (лат.).

Но, похоже, Видгар сумел подавить в себе выплеснувшуюся на поверхность Силу и спустя несколько мгновений снова стал тем, кем был всегда.

– *Спасибо*, – ударил в голове монаха голос Гладсхейма, обращённый к Видгару. – *Не все из нашего народа хотят остаться в Мире Изначальном, он опостылел им. Возможность уйти туда, где всё ещё обретаются наши родичи, только одна – если ты привезёшь с Запада то, что ищешь, и откроешь нам Двери Миров.*

– Ты хочешь уйти, Гладсхейм? – удивился Видгар.

– *Я – нет. Я останусь здесь навсегда. Но не все айфар принадлежат к роду, из коего происхожу я. Те, что из двух других колен нашего народа остались здесь, поныне помнят о величии и благодати Сил и хотят вернуться в их обитель. Без тебя это сделать невозможно. Посему и просим мы духов Мира Мидгард помочь вам в пути. Но не полагайтесь только на них...*

Гладсхейм вдруг растаял, словно ветром его сдуло. Ни тебе «до свиданья», ни объяснений, ничего. Исчез – и всё тут.

– Ты чего в такую поздноту притащился? – бросил в возникшую темноту отец Целестин, прислушиваясь к оханью Видгара и раздававшемуся грохоту. Поздний гость своротил на пути к очагу с тлеющими под золой углями подставку для книг. – Или звали тебя?

Воспитанник раздул угольки и зажёл лучину, ткнув её в щель меж брёвнами.

– Почувствовал, что он тут, – последовал несколько запоздалый ответ. – Вот и прибежал. Что тебе Гладсхейм ещё говорил?

– Уж не так и много. Вечно айфар недоговаривают... – И монах коротко поведал о словах лесного духа, касаемых Исландии. Видгар внимательно выслушал и поднялся:

– Придётся Ториру рассказать. Пойду я, что ли, а?

– Иди спи, – буркнул отец Целестин. – Только лучину-то в поставец сунь. Не ровён час, дом спалишь.

Видгар выполнил требуемое и ушёл, оставив святого отца одного. Теперь монаху было над чем поразмыслить. История Рима и жития святых стали казаться отцу Целестину не заслуживающей внимания ерундой в сравнении с рассказом айфар, полным тайн и недомолвок.

«Ну ничего себе! Прямые ходы в подземный мир! Это уж не в ад ли? Дела-а...»

А над Вадхеймом плыли в черноте ночного неба звёзды, и ярче всех сияла огненная точка, висевшая на западе, над великим океаном, в чьих глубинах покоился Аталгард и за водами которого скрывалась одна из самых великих тайн, что уже не одно тысячелетие сокрыта от взора людей.

* * *

Викинги всегда были легки на подъём, ну а сейчас терять драгоценные дни и вовсе резона не было. На третий день после тинга плеснула вода под вёслами двух ладей. Халльвард, нагрузив дракары золотом из необъятных, награбленных за много лет запасов, отправился на восток торговать. Торир же, решив подготовиться поосновательнее, дал своим ещё два дня на сборы, потому как с собой надо было взять многое.

Самым трудным оказалось затащить на корабль шестерых лошадок из числа тех, что были привезены датчанами. Небольшие, но невероятно выносливые косматые коньки тёмно-бурой масти, похоже, были привычны к морским путешествиям, однако вся незадача состояла в том, что обычно лошадок заводили на судно с деревянного причала. Таковым удобством Вадхейм похвастаться не мог, и пришлось спешно сколачивать из досок мостки. Но едва первая лошадь, поддерживаемая за узду кем-то из хирдманов, ступила на шаткий, качающийся мостик, как из кроткой и послушной животины тут же превратилась в разъярённую фурию. Яростно брыкаясь, лошадь сбросила в воду всех, кто пытался её утихомирить. Наконец она тоже свалилась в

залив и с жалобным ржанием поплыла к берегу. И оставшиеся пять коньков заупрямились: не обращая внимания ни на ругань, ни на пинки и толчки, животные, приседая на задние ноги, пятились от берега. Ни сила, ни уговоры не помогали. Торир, совсем взопрев, решил попросту как следует связать поганцев и на руках загрузить на кнорр – и так уж почти полдня провозились. Либо надо делать мостки покрепче, что также займёт времени преизрядно.

Отец Целестин бегал вокруг, кудахча как встревоженная курица, отдавал ценные указания (ничуть делу не помогавшие) и только вносил лишнюю сумятицу. Ему ужасно хотелось хоть чем-нибудь помочь, но монаха лишь вежливо (а иногда не слишком) отпихивали либо, когда он становился чрезмерно навязчив, посылали куда подальше. Невзирая на то, что отец Целестин при всей своей толщине и кажущейся неповоротливости был весьма силён, никто из дружины Торира его как рабочую единицу всерьёз не воспринимал.

Скептические настроения усилились, когда отец Целестин, неся по мосткам на борт кувшин с маслом из продовольственных запасов, поскользнулся и с истошным воплем рухнул на доски, разбив глиняный сосуд. Правда, от падения в воду его удержала железная рука Снорри, одного из двух старших сыновей Халльварда, коих Торир взял в свою дружину. Вместе со своим братом Торгейром Снорри поднял святого отца на ноги, носком сапога спихнул в воду оставшиеся от кувшина черепки и довольно настойчиво попросил монаха пока посидеть где-нибудь на камешке на берегу. А уж если так не терпится поглазеть на погрузку ладьи, то не мог бы почтенный жрец Бога Единого хотя бы не мешать прочим работать?

Мостки пришлось обильно посыпать песком с берега, ибо растёкшееся масло превратило их в подобие скользкой ледяной горки. Словом, монах вновь постарался на славу. Некоторое время он сдерживался, но, когда начались трудности с лошадками, вновь принял живое участие в общем деле.

Положение неожиданно спас Видгар. Некоторое время он с интересом наблюдал за усмирением взбунтовавшихся животных, но едва Торир дал указание связать лошадей остановил дядю:

– Дай я попробую. Силой тут не поможешь...

Торир мрачно посмотрел на него, однако же махнул рукой, и дружинники с верёвками отступились. Видгар, перехватив взгляд отца Целестина, подмигнул ему и, взяв одной рукой одного из коньков за поводья, а другой погладив по голове, что-то прошептал в ухо дрожащей от возбуждения скотине, а потом тихонько потянул за узду. Лошадь спокойно пошла за ним, копыта стукнули по доскам помоста, а спустя минуту Видгар с победной улыбкой спустился на берег. Трудностей как не бывало – он быстро отвёл всех коньков на корабль, не обращая внимания на удивлённые взгляды дяди и дружинников.

– Чего стоите? – прикрикнул на остальных Торир. – Тут с умом делать было надо, а не силою брать! А ну сено грузите! Или вашими бородами лошадей в море кормить будем?!

Конунг за последние дни выгреб со всех дворов Вадхейма для своих лошадей больше половины оставшихся с прошлой осени запасов сена, благо домашние козы уже могли пощипывать пробивающуюся на южных склонах холмов травку.

– Как это у тебя получилось? – налетел на Видгара отец Целестин. – Или опять не скажешь?

– А чего говорить-то? – Видгар взъерошил левой рукой волосы, – как всегда, когда был смущён. – Ну айфар как-то подсказали, что зверьё меня слушать может, только... Ну, в общем, постараться нужно. Ты это Силой называешь. Вот я и попробовал. Ладно, пойду я, вон Торир зовёт. А ты отдыхать иди. Отплываем завтра, как-никак.

Остаток дня отец Целестин посвятил молитвам и покаянию, прощаясь с мирным течением жизни последних лет. Как монах ни убеждал себя, что всего дороже для него покой телесный и душевный, но какой-то частью сознания он ощущал зов той половины самого себя, что находила отдых не в спокойном, размеренном бытии и не в доброй еде или крепком вине.

Эта часть души сейчас, как и многие годы доныне, гнала пятидесятичетырёхлетнего монаха навстречу новым странствиям, к невиданным и неведомым землям да народам; гнала, наконец, к несколько жутковатой, но в то же время притягательной загадке истории беспокойного северного народа...

Отец Целестин повздыхал, поднялся с колен и, последний раз прочитав коротенькую молитву, осенил себя крестом, неодобрительно посмотрев на распятие. Вот, спрашивается, что сейчас все святые делают, вместо того чтобы помочь? Нет чтобы знамение какое послать! Так нет же, изволь, отец Целестин, сам в этой каше разбираться, истины доискиваться. А ведь достаточно одного Твоего слова, как снизойдёт ангел небесный и всё-всё растолкует...

Ну а теперь покусать и спать.

Запалив очаг, отец Целестин подогрел мясо, ещё с утра поджаренное, полил жаркое красным вином для вкуса, нашёл кусок зачерствевшего хлеба, плеснул в кубок подкисшего, но ещё вполне приличного пива и, сунув в поставец лучинку, забрался на ложе. Ну вот что может быть лучше, чем потрапезничать, полулежа на медвежьей шкуре да почитывая на ночь что-нибудь душеспасительное? Неужто холодные и сырые ночи на прыгающем вверх-вниз по волнам корабле?

А что, вполне, может, и так.

Спустя час хибара отца Целестина огласилась громоподобным храпом хозяина. Снились ему на этот раз кошмары.

В самую глухую полночь дверь домика приоткрылась, и внутрь прошмыгнула смутная тень. Тёмная фигура вначале замерла у входа, потом уверенно стащила с кресла на пол меховое покрывало, расстелила вдоль ложа отца Целестина и улеглась. Вскоре к богатырским раскатам, извергаемым глоткой монаха, присоединилось лёгкое посапывание. Луна к тому времени совсем скрылась за горизонтом.

* * *

Едва рассвело, за отцом Целестином явился Видгар. В дверной проём хлынул ещё мутный утренний свет, и, пригнув голову, чтобы не стукнуться о низкую притолоку, Видгар, полный решимости растолкать монаха побыстрее, направился прямо к его постели. Тяжело споткнувшись о завёрнутое по макушку в песцовые шкуры тело ночного визитёра и звякнув кольчугой, наследник конунга совершенно нереспектабельно растянулся на полу.

– Ты чего? – На Видгара смотрели два рассерженных глаза, принадлежавшие Сигню. – Под ноги смотреть надо! Ну поднимайся же!

– Что происходит, чёрт возьми? – раздался с лежбища святого отца его голос, больше похожий на стон умирающего. – Опять разбудили в безбожную рань!

– Торир послал. Наши собираются уже. Давайте вставайте побыстрее.

Монаха так и подбросило. Рано не рано, а выспаться можно и на корабле. А сейчас главное – позавтракать. Вроде ещё что-то с вечера осталось.

– Ты откуда? – Отец Целестин уставился на зевающую Сигню-Марию, всё ещё сидевшую на полу. – И что это на тебе за одежда такая, а? Или не знаешь, что Церковь запрещает женщинам носить мужское платье?

И вправду, на Сигню были мужская рубаша, штаны и фуфайка из волчьего меха. Вдобавок у пояса висел нож, а длинная коса была запрятана под одежду.

Пока отец Целестин приводил себя в порядок, искал пропавший сапог, который вчера зашвырнул незнамо куда, торопливо запихивал в рот остатки еды и допивал оставшееся пиво (чего добру пропадать?), Сигню-Мария быстро рассказала, что произошло. Оказалось, что Сигурни, дабы воспрепятствовать планам отца Целестина и конунга забрать Сигню с собой в поход, попросту заперла её в доме, спрятала всю тёплую одежду, да ещё приставила трэля

из особо доверенных – следить, чтоб не сбежала. Со стражем оказалось справиться просто, ибо уроки отца Целестина не прошли даром: Сигню просто подлила в пиво немного макового отвара и, пока тот спал, выбралась из дома через окно, прихватив одежду одного из своих сводных братьев – сыновей Халльварда. После чего и пробралась в дом монаха.

– Ты это... – с набитым ртом сказал отец Целестин Видгару. – Отфеди её на ковабль, фтоп фкандалу не пыло. Я фкоро...

– Пошли тогда, – вздохнул Видгар. Ему затея Сигню тоже не очень нравилась. Но, похоже, сию девицу ничто не остановит. – А ты поторопись, отец Целестин...

Едва стукнула дверь за ними, монах залил в рот последнюю кружку и, наскоро помолившись, схватил мешок. «Ну, вот и всё. Похоже, не скоро я сюда вернусь... Хорошо, хоть старую Хильд попросил за домом присмотреть. Ну, с Богом!..»

Отец Целестин ещё раз осмотрел своё пристанище. Всё прибрано, всё на месте. Книги на полках, распятие, очаг совсем остывший уже. Смахнув слезу, святой отец решительно ступил за порог и подпёр дверь колом.

Потом выпрямился, осенил свой дом крестом, забросил мешок за плечо и, переваливаясь, зашагал вниз, где на серо-голубых волнах фьорда красовался крутобокий кнорр.

Когда он вышел на берег, то стало ясно, что ждут только его. Торир вовсю отдавал последние распоряжения, круглые щиты уже висели на бортах, дружинники ставили вёсла в уключины, переругиваясь и отпуская шуточки по поводу отсутствия ветра, – и впрямь утро было на диво тихое. Еле слышно пофыркивали датские лошади, привязанные возле мачты.

– А, это ты! Поднимайся сюда! – Торир углядел монаха и махнул ему рукой. Конунг смотрелся по-боевому – кольчуга, поверх неё всё та же проклёпанная куртка, на голове шлем островерхий. Бороду конунг в две косицы заплел, как и многие из дружины.

Монах протопал по сходням, бросив высокомерный взгляд на годи, припёршегося проводить Торира. Жрец аж позеленел от злости. Что-то ехидное углядел в его взгляде отец Целестин, но не придал значения.

Пробравшись на корму, к рулю, он разглядел сидевшую под кормовой палубой Сигню. Сигурни уже давно явилась на берег, вовсю разыскивая непослушную падчерицу, и как Видгар протащил девушку на кнорр, оставалось загадкой, разгадывать которую у монаха не было никакого желания – не до того.

– Ну что, Торир? – осведомился отец Целестин.

– Что, что! Тебя только и дожидались. Устраивайся где хочешь. Эй, Снорри, Альвис! Сбрасывайте доски!

Мостик полетел вниз, и трэли вытащили его на берег. И тут же вёсла разом опустились в волны.

– С нами помощь Одина!! Вадхейм!!! – крикнул Торир, и дружина ответила конунгу восторженным рёвом, от которого у отца Целестина заложило уши. Торир встал к рулю, и нос ладьи с лёгким плеском рассёк воду фьорда.

– Господи, спаси, сохрани и благослови! – набожно прошептал монах, глядя на медленно удаляющийся берег. Холм Вадхейма – огромный купол, выросший из густых лесов – отодвигался всё дальше и дальше, и вот уже ладью окружили с двух сторон отвесные скалы, возвышавшиеся будто две серо-коричневые стены. Свой домик отец Целестин разглядеть уже не мог.

– Тебе страшно? – спросил подошедший сзади Видгар.

Монах вздрогнул:

– Нет. Такова воля Господа, и я пройду по этому пути. Вместе с тобой.

Кнорр обогнул островок у устья фьорда и вышел в океан. Качка сразу усилилась, появился ветер, и Торир распорядился спустить парус. Синяя звезда затрепетала, квадратная парусина хлопнула, и южный ветер ударил в расписное полотнище. Вёсла стали не нужны. Торир, взглянув на солнце, направил корабль на северо-запад.

Когда миновал полдень, берега Норвегии скрылись из виду.
Вокруг «Звезды Запада» лежал океан.

Глава 6

Гуннар

Первые три дня плавания прошли в смертной скуке. Пару раз на юге и западе появлялись чьи-то паруса, но как ни чесались руки у большей части дружины, Торир не стал гнаться за неизвестными кораблями, хоть и понимал, что ребятам хочется поразвлечься и погреть мечами.

– Вынырнет кто у нас под носом, тогда и говорить будем, а сейчас чего время терять, – только и ответил конунг на настойчивые просьбы Снорри, углядевшего белое пятнышко на горизонте. – А сейчас даже не думай об этом. Не затем мы на запад пошли.

– Что, лишнее золото помешает? – только и пробурчал тот, недовольный отказом, прекрасно, однако, зная, что уж чего-чего, а золота на корабле предостаточно. Торир разорил свою личную сокровищницу, не слушая отчаянных увещаний Саннгрид, советовавшей оставить хоть что-нибудь на чёрный день. Конунг взял с собой полный сундук, набитый монетами чеканки всех известных государств – от арабских динариев до полновесных марок Карла Великого. Что ни говори, а золото никогда карман не оттянет. Тем более в таком-то предприятии.

Интересности, граничащие с чудесами, начались практически сразу после того, как «Звезда Запада» покинула Норвегию. За все прошедшие дни сильный ровный ветер ни разу не ослабел, и за вёсла браться не приходилось. Парус не спадал ни днём ни ночью, и ежели всё и дальше так пойдёт, рассуждал Торир, то берега Исландии появятся где-то через неделю, а то и раньше.

Что-то завораживающее было в этом постоянстве. Не усиливающийся и не гаснущий ветер с юга, а иногда с востока только лишь наполнял собой полотнище с синей восьмиконечной звездой, но не поднимал волн на воде. Надо добавить, что погода стояла солнечная и, насколько возможно для Северного моря, тёплая. Отец Целестин объяснял всё с материалистической точки зрения, – мол, всякое бывает. Торир только головой качал. Не было на его памяти столь ясных и тёплых дней в апреле, да ещё и в этих местах.

– С нами благословение богов, – сказал конунг монаху. – Ты ведь помнишь, что тебе тогда айфар говорил?

– Возможно, – пожал плечами отец Целестин, оглядывая горизонт. – Гладсхейм сказал тогда, что нам кто-то поможет. Только кто? Какие силы? Слушай, а может быть, Видгар чего знает?

– Видгар, поди сюда! – позвал Торир своего наследника, оживлённо спорящего о чем-то со Снорри и Торгейром, братьями-близнецами. – Вы чего там расшумелись?

– А ну их! – Видгар, забравшись на кормовую палубу, только рукой махнул. – Говорили, что Британия близко, заглянуть туда бы... Всё повоевать хотят.

– Ещё навоюются. Слушай, мы тут тебя спросить хотели...

– Да-да! – подхватил отец Целестин. – Скажи-ка, ты ничего эдакого не чувствуешь, а?

– Чего ещё «эдакого»? Ты о чём? – удивился Видгар.

– Ну-у, ты это должен знать лучше нас. Что, совсем ничего не замечаешь? Ветер уж больно странный, да вот прошедшей ночью на севере гроза была, а у нас тишь да гладь, и хоть бы капля дождя упала или качнуло посильнее!

– Нет. Хотя иногда... Ну, нечто неуловимое бывает. Словно кто-то рядом есть, такой же как айфар – невидимый. Не знаю. Э, Торир, посмотри-ка вон туда! – Видгар указал куда-то на воду, справа от корабля. Среди волн чернела едва видимая точка. Бревно?

– Сворачивай паруса! – вдруг заревел Торир, налегая на руль и кладя кнорр на правый борт. Его острые глаза чётко различили, что именно высмотрел Видгар.

Не в обычаях норманнов помогать кому-либо на воде или суше, но тут то ли любопытство конунга заело, либо же подтолкнула его некая сила, и вот уже отец Целестин ясно видит несколько обгоревших проклёпанных досок и двоих людей, распластанных на них. И ни один не пошевелился, когда ладья медленно подходила к плоту, а дружина галдела, как стая хриплых сорок, обсуждая, как втащить их на борт. Мертвы, похоже, оба.

Доски стукнули о борт кнорра, и двое самых здоровенных вояк спрыгнули с борта корабля на обломки, пояса обвязав верёвками – на всякий случай. Сам плот поддерживали с корабля баграми.

– Один живой! – гаркнул снизу Эйрик, тот самый, которого утыкали стрелами датчане, и добавил с оттенком чёрного юмора: – А другого-то, может, тоже возьмём? На обед?

– Заткнись, дубина! – рыкнул Торир. – Бери живого и тащи сюда!

Эйрик подхватил тело на руки, наверху дружно ухнули, и, отталкиваясь от борта ногами, Эйрик со своей ношей перевалился через борт, кряхтя от натуги.

– Эльмод, а ты чего возишься? – Конунг глянул вниз, где названный Эльмодом хирдман обшаривал труп. Сорвав с руки золотой браслет, дружинник спихнул тело в воду и, подняв голову, прокричал:

– Рыбкам тоже есть охота! Поднимайте меня!

Эту довольно плоскую, на взгляд отца Целестина, шутку оценили дружным хохотом. Едва Эльмод забрался обратно на корабль, конунг бросил взгляд на монаха и Сигню и указал на спасённого: «Займитесь делом», а сам, прикрикнув на развеселившихся дружинников, чтоб поднимали парус, отправился к рулю.

Под наблюдением отца Целестина сыновья Халльварда и Видгар оттащили человека на нос корабля и, расстелив холстину, положили. Пыхтя и отдуваясь, монах вскарабкался на небольшую носовую палубу и склонился над простёртым у его ног телом.

– Чего стоите, охламоны?! – шикнул отец Целестин на обоих братьев и Видгара, с интересом наблюдавших, как он щупал жилу и разглядывал зрачки у неизвестного. – А ну быстро что-нибудь тёплое тащите! Не видите – поморозился он. Сигню, а ты скоренько горячего питья сделай и зверобоя туда брось. У меня в мешке травы найдёшь.

Пока исполнялись его приказы, отец Целестин вновь уставился на своего нового подопечного. Выглядел тот не ахти – щёки ввалились, губы в трещинах, глаза кругами коричневыми обведены. Не один день, похоже, его по морю носило. И как только выжил без воды пресной да на холоде таком? На глаз человеку можно было дать лет двадцать—двадцать пять, правда, старило обветрившееся лицо да светло-рыжая многодневная щетина на щеках и подбородке. Похоже, что парень был воином, а никак не торговцем, хотя какая разница, спрашивается? В этих краях и та и другая профессия не разнятся; и уж точно он не был трэлем – из-под насквозь мокрой куртки проглядывали обрывки кольчуги. Батюшки светы, а там ещё что такое?

Монах только сейчас углядел на бедре человека длинную и, судя по всему, глубокую рану, явно оставленную мечом. Этого ещё не хватало! Да-а, теперь шансы выжить у этого молодчика совсем невелики. Может, даже и в сознание уже не придёт – крови столько потерять!

Видгар и Снорри притащили целую охапку звериных шкур да меховых фуфаяк и уставились на отца Целестина, который, бормоча сквозь зубы что-то не совсем подходящее его сану, стягивал со спасённого кожаные штаны.

– Помогите его раздеть, одежда-то мокрая вся!

Через минуту некогда вполне добротные, а ныне на редкость драные и грязные одеяния были свалены в кучу, а монах и оба молодых норманна закутали человека в пушистый волчий мех.

– Мари... тьфу чёрт, Сигню, ну где ты там, копуша? – обернувшись, воззвал отец Целестин к своей помощнице, всё ещё не решаясь называть девушку при всех христианским именем.

– Готово. Иду уже! – отозвалась Сигню, снимая с небольшого костерка, разведённого на железном поставце, котелок с варевом. Налив кипяток, в котором плавали распарившиеся листочки из мешка отца Целестина, в глиняную кружку, она бросила туда же пару кусочков засахарившегося мёда из прошлогодних запасов, привезённых конунгом из Гардарики, и вихрем взлетела на палубу.

– Напоить?

– Давай, только остороженько.

Между прочим, Сигню вполне освоилась с совершенно ей непривычной жизнью на корабле. Морской болезнью она не страдала, – впрочем, настоящей качки пока и не случилось. Правда, многие дружинники посматривали на неё косо, а поседевшие в походах старые викинги так и открыто выражали своё неодобрение, – это в каких же законах сказано, чтобы девица наравне с мужчинами в дальний викинг отправилась?

Конунг Торир, однако, быстро прекратил любые споры, поставив недовольных на место: она тут, мол, по моей воле, и всё! Благо знаете, что не в обычный поход идём.

На второй день на Сигню-Марию уж и внимания никто не обращал, а не похвалить её стряпню мог только самый изысканный гурман ромей. Уставала она, конечно, преизрядно – накормить шайку не жалующихся на отсутствие аппетита громил, да ещё лошадкам корму дать, да за монахом присматривать (по её мнению, отец Целестин, этот большой ребёнок, сам за собой углядеть никак не мог – ещё, упаси Господь, простудится или за борт, чего доброго, свалится по рассеянности). И вот теперь ещё дело появилось – сиделкой при незнакомце быть, иначе кто за ним ходить будет? А долг истинной христианки обязывает помогать ближнему. Вливая в рот человека небольшими порциями горячее сладкое питьё, Сигню-Мария уже воображала, как будет читать выздоравливающему Святое Писание и наставлять на путь служения Господу и спасения души... Ежели язычник он, то обратит Сигню его в истинную веру, ну а буде христианином случись сей муж, то найдёт достойного собеседника, благо до Исландии плыть и плыть, а отец Целестин в раздумьях целые дни, и слова из него не вытянешь.

– Вот это красотка, – послышался слабый и глухой голос с германским акцентом. Сигню, грубо вырванная из благолепных мечтаний, аж питьё расплескала и, опустив взгляд, обнаружила, что на неё в упор глядят два светло-серых глаза.

– Mein lieber, может, ты согреешь меня своим теплом, а? – поинтересовался несколько неожиданно пришедший в себя парень. Причём в голосе его не было и намёка на юмор. Сигню застыла...

– Нет, нет, спасибо, – пробормотала она. – Ещё пить хочешь?

– Давай. Кстати, меня зовут Гуннар. Так как насчёт погреться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.